ЗНАНИЕ — СИЛА 7/91

Индекс 70332

Цена при подписке 80 коп., в розничной продаже — 1 руб. 50 коп.

Читайте в следующем номере:

«Краткий миг российской свободы»
«У моря не растут цветы...»
«Язык и два интеллекта»
«Листая старые „Огоньки“»
«Страсти по д'Артаньяну»

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

Учредители — Всесоюзное общество «Знание» и трудовой коллектив редакции

№ 7 (769)
Издается с 1926 года

Сдано в набор 08.05.91. Подписано к печати 01.07.91. Формат 70×108 1/16. Офсетная печать. Гарнитура литературная. Печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 12,89. Усл. кр.-отт. 36,4. Тираж 306 853 экз. Заказ № 694

Адрес редакции: 113114, Москва, Кожевническая ул., 19, строение 6. Тел. 235-89-35.

Всесоюзное общество «Знание»: 101813, Москва, проезд Серова, 4.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 142300, г. Чехов Московской области

В НОМЕРЕ

ISSN 0130—1640. «Знание — сила», 1991, № 7, 1—96

ISSN 0130–1640

„Knowledge is power“ *(F. Bacon)*

ЗНАНИЕ-СИЛА 7/91

ЗНАНИЕ — СИЛА 7/91

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Учредители —
Всесоюзное общество
«Знание»
и трудовой коллектив
редакции

№ 7(769)
Издается с 1926 года

О частной собственности

Вы за частную собственность.
Вы за частную собственность!
Вы за частную собственность?
Вы за част-ну-ю собст-вен-ность?!

Четыре слова и огромное количество интонационных оттенков, но один, единственный приговор — вы позволили себе нечто очевидно запретное и поэтому все ваши предыдущие рассуждения автоматически обесцениваются. Так было лет пять — семь назад и много раньше — вплоть до семнадцатого года. И этой нашей психологии есть серьезное объяснение: отмена революцией частной собственности, подчеркнутая вражда к ней, культивирование «прогрессивной» общественной собственности и пропаганда «правильных» представлений о собственности вообще — дело нешуточное и имеет определенные последствия; и еще: отмена в один день выработанного тысячелетиями принципа частной собственности — драматический, болезненный, роковой момент нашей — да и не только нашей — революции и шаг опрометчивый.

За последние пять лет этот психологический барьер снят — можно говорить о частной собственности без осуждения окружающих (по крайней мере, однозначного). Но возникла другая, более сложная и трагическая ситуация: у нас нет частной собственности, и непонятно, как ее вводить; у нас нет представлений о частной собственности — ее природе, ее источнике, ее праве, ее защите, ее пределе, ее преимуществе, ее сопряжении с другими формами собственности, ее болезненных проявлениях; у нас нет чувства частной собственности — признать законным и неприкосновенным не только «мое», но и «твое» (низкий уровень правосознания); у нас возникло уродливое представление об общественной собственности — мы все сосредоточены на ее неверных проявлениях и чудовищных злоупотреблениях вокруг нее; у нас только одно устойчивое осознание очевидного, но мало помогающего проблеме факта, что там, где-то — в цивилизованных странах — частная собственность есть и там намного лучше, чем у нас.

Винить сильно ни себя, ни других не надо. Все это непросто и все можно поправить. Но поправить нужно так, чтобы это было естественно, органично для людей, для страны, для всего мира — не дай Бог нам новые эксперименты и новые революции. Для этого нужно каждому спокойно и вдумчиво вникнуть в суть проблемы. Не ошибусь, если назову лучшего философа, серьезно и глубоко продумавшего этот вопрос, увязавшего его с другими, не менее сложными вопросами и выразившего свои мысли ясно, красиво и точно. Имя этого русского религиозного философа и мыслителя Иван Александрович Ильин (1882—1954).

Юрист по образованию, профессор права Московского университета, он в 1922 году был выслан большевиками вместе с большой группой ученых, философов и литераторов из Советской России, прожил в эмиграции тридцать два года — по шестнадцать в Германии и Швейцарии, написал более тридцати книг и брошюр и несколько сот статей по праву, философии, религии, этике, актологии, литературе, искусству и много — о политике.

Ильин писал о частной собственности в то время, когда казалось, что защитить ее идейно и принципиально вообще нельзя: когда миллионы людей, подогреваемые революционерами — ниспровергателями старой и строителями новой жизни — сочувствовали социализму, а все, кто отстаивал принцип частной собственности, считались реакционерами. Разве этот принцип не означал в то время торжество «эгоизма и своекорыстия», самое вопиющее «неравенство и несправедливость», роскошь и нищету, эксплуатацию и угнетение? И потом — «безобразную конкуренцию», перепроизводство, кризисы, безработицу, вырождение рабочего класса, «капитализм» и «милитаризм»?! Только «продажные идеологи буржуазии» могли защищать принцип частной собственности и вытекающий из него хозяйственный и правовой строй; все же идейные и бескорыстные люди «мыслили социалистически»... — все это знал и написал в 1929 году в своем журнале «Русский колокол» «О частной собственности» И. А. Ильин. В том же году он — после многократных лекций на эту тему — издал брошюру на немецком языке «Коммунизм или частная собственность. Постановка проблемы». Но наиболее полное исследование этой проблемы было включено уже после смерти автора во второе издание его знаменитой книги «Путь духовного обновления» (Мюнхен, 1962) в виде главы, вторую часть которой мы предлагаем читателю.

Нам предстоит построить правовой общественный и государственный строй,

то есть особый порядок жизни, устанавливаемый правовыми нормами. Ильин еще в 1917 году замечает, что «всякий порядок жизни имеет известные недостатки, и, по общему правилу, устранение этих недостатков достигается посредством отмены неудовлетворительных правовых норм и установления других, лучших. Каждый правовой строй должен непременно открывать людям эту возможность: совершенствовать законы по закону, то есть улучшать правопорядок, не нарушая порядка». В противном случае государственный строй и народ готовят себе неизбежную революцию — временный общественный беспорядок, в преддверии которого мы сейчас находимся. Вот почему восстанавливать частную собственность нужно в ее здоровых проявлениях — правильно и справедливо, правомерно и надолго, естественно и ненасильственно. Работа Ильина может помочь каждому не только понять эту сложную проблему, но и наметить такие пути и, главное, углубить правосознание, без которого вводить частную собственность не только нежелательно, но и вредно.

В первом параграфе этой главы Ильин ставит проблему частной собственности, исходя из духовного понимания человека как творческого центра, нуждающегося в свободе и заслуживающего ее; как самостоятельного субъекта права и правосознания; как живой основы семьи, родины, нации и государства; как ответственного источника духовной культуры — церковной жизни, науки, искусства, нравственности, политики, труда и хозяйства. И далее спрашивает: «Подобает ли этому творческому духовному центру иметь на земле некое прочное, вещественное гнездо, предоставленное ему и обеспеченное за ним,— гнездо его жизни, его любви, деторождения, труда и свободной инициативы? Возможен ли дух без свободы и творчества? Возможна ли свобода и творческая инициатива без частной собственности?»

Так ставится проблема, если понимать человека как существо духовное. Но может быть и иное понимание, из которого вытекает отвержение частной собственности и которое выводит людей на ложный путь. Именно этот ложный, противоестественный, противообщественный и несправедливый путь, ведущий к растрате сил, системе насилия и террора, описан Ильиным во втором параграфе так ярко, будто это сделано не в двадцатые — тридцатые годы, а в наши дни, когда мы очищаемся от трагического в нашей истории.

Новому чувству собственности, облагороженному христианским чувством, художественным инстинктом, социальным смыслом, посвящены два последних параграфа, которые мы публикуем.

Ю. ЛИСИЦА

О частной собственности

И. Ильин

Обоснование частной собственности

Обосновать частную собственность — значит показать ее необходимость для человека, ее жизненную целесообразность и ее духовную верность. Это значит указать те существенные свойства человека — естественные, инстинктивные и духовные,— в силу которых частную собственность нужно принять, признать, утвердить и оградить.

Однако это не значит одобрить и оправдать всякое наличное распределение имущества и богатства. Обыкновенно эти два вопроса смешиваются, что совершенно недопустимо. Институт частной собственности может быть необходим, целесообразен и верен, но наличное распределение имущества может быть неверным и жизненно нецелесообразным. Необходимо, чтобы вещи принадлежали людям с такой полнотью, исключительностью и прочной обеспеченностью, которая вызывала бы в душе каждого полную и неистощимую волю к творческому труду; но совсем не необходимо, чтобы люди делились на сверхбогачей и нищих или на монопольных работодателей и беззащитных наемников. Фактическое распределение имущества неодинаково в различных странах; в силу одного этого его нельзя «оправдывать» или осуждать целиком. Но и в пределах каждой отдельной страны целесообразность имущественного распределения может быть неодинаковой в различных областях жизни (землевладение, домовладение, леса, фабрики, промысловые снасти, железные дороги, скот, библиотеки и т. д.). К тому же имущество все время переходит из рук в руки, состояния распадаются, выдвигаются новые слои людей, уровень народного благосостояния колеблется, уровень частного накопления подвижен и неустойчив. В довершение всего возможно государственно организованное перераспределение имущества (например, так называемый «земельный передел», срв. реформу Столыпина), которое должно проводиться так, чтобы идея частной собственности и чувство частной собственности не приходили в колебание. Одним словом, обосновывать частную собственность не значит оправдывать любое и всякое распределение имущества или тем более любое и всякое злоупотребление имуществом (шикану, ростовщичество, эксплуатацию, поджигание своего дома для получения страховой премии и т. д.).

Говоря о частной собственности, я разумею господство частного лица над вещью — господство полное, исключительное и прочно обеспеченное правом (то есть обычаем, законом и государственной властью). Итак, я разумею именно право собственности, то есть закономерное полномочие, а не фактическое господство силы и не произвольный захват. Я разумею именно право лица, то есть прежде всего индивидуального человеческого существа, одаренного личным инстинктом и личным духом, имеющего субъективное правосознание и субъективную хозяйственную волю; и притом частного лица, преследующего свои частные интересы трудового, хозяйственного характера. Этому-то лицу следует предоставлять полное господство над вещью, то есть право во всех отношениях определять ее судьбу (право пользоваться ею или не пользоваться, распоряжаться ею, видоизменять ее, отдавать, продавать, дарить, бросать ее или даже уничтожать). Это господство должно быть исключительным, то есть собственник должен иметь право устранять всех других лиц от пользования вещью или от воздействия на нее, он должен иметь право требовать ее возвращения от похитителя и т. д. Наконец, это господство должно быть прочно обеспеченным, то есть оно должно быть оговорено в законах, ограждено правосознанием сограждан, полицией и судом и не подвергаться постоянным угрозам отчуждения или тем более бесплатного отчуждения со стороны политических партий или государственной власти. Частный собственник должен быть уверен в своем господстве над своими вещами, то есть в законности этого господства, в его признанности, почтенности и жизненной целесообразности; он должен быть спокоен за него, за его бесспорность и длительность, за то, что имущество его не будет подвергаться ни нападению, ни расхищению, ни поджогу, ни экспроприации; он должен спокойно помышлять о судьбе своих вещей, замыслом долгого и творческого дыхания, предусматривая частные интересы своих детей и внуков.

Это необходимо человеку и в инстинктивном отношении, и в духовном измерении; и притом в силу того, что как инстинкту его, так и духу от природы присуща личностная, индивидуальная форма жизни.

Идея частной собственности отнюдь не выдумана произвольно лукавыми и жадными людьми, как наивно думали Руссо и Прудон. Напротив, она вложена в человека и подсказана ему самой природой, подобно тому, как от природы человеку даны индивидуальное тело и индивидуальный инстинкт. Тело человека есть вещь, находящаяся среди других вещей и нуждающаяся в них (человек лежит, ходит, дышит, согревается, питается, лечится и т. д.). Для того чтобы жить, человек должен заниматься этими вещами, приспособлять их к своим потребностям, посвящать им свое время, отдавать им свой труд (телесно-мускульный, нервно-душевный и созерцательно-духовный), совершенствовать их, вкладывать в них себя и свои ценности; как бы «облекаться» в них[1],— словом, превращать их в объективное выражение и продолжение собственной личности.

Эту связь свою с вещами, это вкладывание себя в них человек может сводить иногда к самому скудному минимуму: одни делают это от лени и беспечности (например, итальянские лацарони), другие ради высшего духовного сосредоточения (индийские йоги, христианские аскеты). Но совсем обойтись без этого человеку не дано. У человека же, создающего хозяйственную культуру, это общение с вещами становится основной формой деятельности.

Хозяйствуя, человек не может не сживаться с вещью, вживаясь в нее и вводя ее в свою жизнь. Хозяин отдает своему участку, своему лесу, своей постройке, своей библиотеке не просто время и не только труд; он не только «поливает потом» свою землю и дорабатывается до утомления, до боли, до ран на теле; он творчески заботится о своем деле, вчувствуется в него воображением, изобретает, вдохновляется, напрягается волей, радуется и огорчается, болеет сердцем. При этом он не только опре-

[1] Эта оговорка относится и к законам, различно регулирующим в различных странах юридический институт частной собственности. Кто утверждает принцип частной собственности, тот отнюдь не выступает «апологетом» всех наличных законов и законодательства, регулирующих этот институт.

деляет и направляет судьбу своих вещей, но он и сам связывает с ними свою судьбу, вверяя им свое настоящее и свое будущее (свое, своей жены, детей, потомства, рода). Все страсти человеческие вовлекаются в этот хозяйственный процесс — и благородные, и дурные — от религиозно-художественных побуждений до честолюбия, тщеславия и скупости. Все интересы человеческие связуются с успехом и неуспехом дела — от инстинкта самосохранения до самых высших, духовных потребностей. Это значит, что человек связывается с вещами не только «материальным» интересом, но и волей к совершенству, и творчеством, и любовью.

Человек не только живет «вещью», то есть плодами и доходами ее, но живет вместе с ней и в ней; он творит ее, творит из нее, ею; он объективирует себя в ней, художественно отождествляется с нею, совершенствует ее своим трудом и воздержанием в ее пользу, и совершенствует себя ею; он изживает в ней энергию тела, души и духа. Все это не пустые слова и не отвлеченные выдумки. Называя свою землю «матушкой» и «кормилицей», пахарь действительно любит ее, гордится ею, откладывает и копит для нее, тоскует без нее[2]. Садовник не просто «копается в саду», но творчески чует жизнь своих цветов и деревьев и, взращивая их, совершенствуя их, как бы продолжает дело Божьего миротворения. Строя себе дом, человек создает себе оплот телесного существования и средоточие духовной жизни, он устраивает себе лично-интимный угол на земле, свой священный очаг, как бы свое внешнее «я». Все знаменитые коневоды и зоологи были художественно влюблены в свое дело. Погромщик и поджигатель страшны не столько убытками, сколько неутомимой завистью и дикой ненавистью к чужому достижению и совершенству, презрением к чужому творчеству, слепотою к «инвестированной» духовности.

Человеку дано художественно индивидуализировать не только свое отношение к людям, но и свое отношение к внешним вещам, к природе, к зданиям, к земле, к быту. Человеку дано художественно отождествляться не только с друзьями и с поэтическими образами любимых поэтов, но и с розами в саду, с взращенным виноградником, с насажденным его руками лесом, с колосящейся нивой и с построенной им фабрикой. Только люди религиозно мертвые и художественно опустошенные, люди механического века, люди рассудочные и бумажно-кабинетные могут думать, что хозяйственный процесс слагается из эгоистического корыстолюбия (жадности) и физического труда, и что он состоит в том, что «классовые науки» «высасывают кровь» из «чернорабочих». Трудно сказать, чего больше в этом воззрении — отвлеченной выдумки, лукавой демагогии или морального ханжества; но несомненно, что живая и глубокая сущность хозяйственно-творческого процесса просмотрена и упущена в нем совершенно. Расцвет и обилие создаются не «голодом» и не «жадностью»; и даже не просто здоровым инстинктом и интересом; но всей душою, при непременном участии духовных побуждений и запросов — призванием и вдохновением, чувством ответственности и художественными чутьем, характером и творческим воображением. Само собой разумеется, что у каждого человека сочетание этих побуждений и сил слагается по-своему, но каждый вовлекается в творческое общение с вещами всем своим существом; и успех его творчества обусловливается не только напряжением его инстинкта, но и усилиями его духа.

Итак, хозяйственный процесс есть творческий процесс; отдаваясь ему, человек вкладывает свою личность в жизнь вещей и в их совершенствование. Вот почему хозяйственный труд имеет не просто телесно-мускульную природу и не только душевное измерение, но и духовный корень. Хозяйственный труд имеет религиозный смысл и источник, ибо в основе его лежит религиозное приятие мира; он имеет нравственное значение и измерение, ибо он есть проявление любви, осуществление долга и дисциплины; он имеет художественную природу, ибо он заставляет человека вчувствоваться в жизнь вещей, отождествляться с ними и совершенствовать их способ бытия; он имеет свои познавательные корни, ибо он ведет человека к изучению тех законов, которые правят вещами и их судьбою; и наконец он имеет общественную и правовую природу, ибо он покоится на организации совместной жизни и требует верного распределения правовых полномочий и обязанностей. Лично-инстинктивное и лично-духовное общение человека с вещами имеет сразу и хозяйственно-производственное и духовно-творческое значение, и потому оно непременно должно быть признано, закреплено и ограждено правом, осмыслено как необходимое, справедливое и без крайности ненарушимое полномочие. Человеку необходимо вкладывать свою жизнь в жизнь вещей: это неизбежно от природы и драгоценно в духовном отношении. Поэтому это

[2] Это отнюдь не означает, что я отвергаю право частной собственности для «юридических лиц» или право публичной собственности, принадлежащее государству или муниципалитетам. Я только намеренно сосредоточиваю свое внимание на «простейшем явлении» собственности и собственника — на частной собственности единоличного человека, особенно охотно оспариваемой

есть естественное право человека, которое и должно ограждаться законами, правопорядком и государственной властью. Именно в этом и состоит право частной собственности.

Это право должно быть властным и прочным, хотя, конечно, не безграничным. «Безграничного» права вообще нет: всякое полномочие где-нибудь кончается, именно там, где начинается чужое полномочие и, соответственно, моя обязанность и моя запретность. В разных государствах эти границы частной собственности (и по объекту права, и по содержанию урезанных полномочий) вычерчиваются законами различно. И тем не менее в своих установленных пределах это право остается и должно оставаться властным и исключительным. Это необходимо для того, чтобы человек хотел и мог вкладываться в свои вещи уверенно и цельно, то расширяя их круг трудом и законным приобретением, то суживая этот круг продажей, дарением или уничтожением.

Предоставление такого права есть элементарное доверие к индивидуальному человеку, к его здоровому инстинкту, к его хозяйственной практичности, к его правосознанию — доверие к тому, что он захочет и сумеет творчески использовать предоставленное ему право. И в то же время это есть мера, пробуждающая и поощряющая его творческую инициативу, инициативу частного лица, преследующего свои частные интересы, но способного согласовать их с интересом чужим и общим, — с одной стороны, созданием новых хозяйственных ценностей и их обменом, с другой стороны — соблюдением и укреплением законного правопорядка. Частная собственность как бы «зовет» человека к трудовому и созидающему «инвестированию»; и этот «зов» должен быть обставлен реальными и прочными гарантиями, ибо настоящее «инвестирование» возможно только там, где трудящийся уверен в огражденности своего права, — где к вечному риску, идущему от стихий и от природы, не присоединяется риск общественно-политический. Право собственности как полное, исключительное и обеспеченное господство лица над вещью дает человеку лучшую и благоприятнейшую обстановку для душевного и трудового напряжения в хозяйствовании. И этим вопрос с политико-экономической точки зрения может считаться решенным.

И вот ныне, после испытаний коммунистической революции, мы можем с уверенностью сказать, что только тот способ владения и распоряжения вещами имеет будущее, который действительно поощряет человеческий инстинкт творчески вкладываться в вещи, изживаться в этом самодеятельно и интенсивно создавать свое будущее уверенно и без опасливых оглядок. Именно таков строй частной собственности. Напротив, те способы владения и распоряжения вещами, которые подавляют человеческий инстинкт, застращивают его, обессиливают или как бы кастрируют, осуждены с самого начала и лишены будущего. Когда хотят наказать каторжника, то сводят круг его имущественной власти к минимуму или угашают его совсем; но и каторжник имеет право продать свое изделие, получить милостыню, съесть свой паек, отдать его животным или обменять его у соседа. Когда вводят или поддерживают сельскохозяйственную общину с ее периодическими переделами, то этим превращают собственника в условного и временного пользователя участком и подрывают в нем и трудовой интерес, и волю к качественному, интенсивному хозяйству; он уподобляется арендатору и начинает выпахивать землю и склоняться к хищническому хозяйству.

Когда над какой-нибудь группой собственников или над целой страной повисает угроза принудительного или тем более безвозмездного отчуждения, то это пресекает и убивает «доверие» собственника к вещам и к людям и хозяйственно вредит всей стране. Социализм и коммунизм отвергают естественное право людей на хозяйственную самостоятельность и самодеятельность и, соответственно, их право частной собственности; этим люди практически приравниваются к каторжникам, становятся в положение хозяйственных кастратов. Все это относится в особенности к частной собственности на «средства производства», ибо человек инвестирует себя творчески — не в потребляемые вещи, а в вещи, служащие производству.

Итак, частная собственность является той формой обладания и труда, которая наиболее благоприятствует хозяйственно-творящим силам человека. И заменить ее нельзя ничем: ни приказом и принуждением (коммунизм), ни противоинстинктивной «добродетелью» (христианский социализм). В течение некоторого времени возможно принуждать человека вопреки его инстинкту; есть также отдельные люди, способные усвоить себе противоинстинктивную добродетель. Но противоестественное принуждение и противоестественная добродетель никогда не станут творческой формой массовой жизни.

Если воспретить человеку творить по собственному почину и побуждению, то он вообще перестанет творить. Любить, созерцать, молиться и творить можно только свободно, исходя из своей собственной потребности. Этот закон действует не только в религии и в искусстве, но и в жизни семьи и в хозяйстве. Ибо и семья, и хозяйство вырастают из любви и остаются живым творчеством.

Из безразличия же родится не творчество, а мертвое, механическое отправление, индифферентное и формальное отбывание «очередного номера» для видимости, напоказ. Безразличный человек работает без одушевления: вдохновение незнакомо ему, творческая глубина его инстинкта остается холодной, не напрягается и бездейственно молчит. Брак без любви не создает ни здоровой семьи, ни одаренного потомства; он духовно и общественно вреден. И подобно этому хозяйство без свободного внутреннего побуждения, без личной инициативы и частной собственности, бюрократически ведомое безразличными чиновниками, не создает ни благосостояния, ни даже достаточного и сколько-нибудь доброкачественного продукта: оно общественно и государственно вредно.

Исключить из хозяйственного процесса начало инстинктивной самодеятельности, начало личного интереса, начало духовной свободы и начало доверчивого самовложения в вещи — значит отдать все на волю формального и продажного бюрократизма, безразличной нерадивости, пустой притязательности, явной безответственности, тайного саботажа и самой жалкой бесхозяйственности. Вот почему введение коммунизма не подрывает идею частной собственности, а реабилитирует и обосновывает ее.

Это обоснование может быть вкратце выражено так.

1. Частная собственность соответствует тому индивидуальному способу бытия, который дан человеку от природы. Она идет навстречу инстинктивной и духовной жизни человека, удовлетворяя его естественному праву на самодеятельность и самостоятельность.

2. Частная собственность вызывает в человеке инстинктивные побуждения и духовные мотивы для напряженного труда, для того, чтобы не щадить своих сил и творить лучшее. Она развязывает хозяйственную предприимчивость и личную инициативу и тем укрепляет характер.

3. Она дает собственнику чувство уверенности, доверие к людям, к вещам и к земле, желание вложить в хозяйственный процесс свой труд и свои ценности.

4. Частная собственность научает человека творчески любить труд и землю, свой очаг и родину. Она выражает и закрепляет его оседлость, без которой невозможна культура. Она единит семью, вовлекая ее в собственность. Она питает и напрягает государственный инстинкт человека. Она раскрывает ему художественную глубину хозяйственного процесса и научает его религиозному приятию природы и мира.

5. Частная собственность пробуждает и воспитывает в человеке правосознание, научая его строго различать «мое» и «твое», приучая его к правовой взаимности и к уважению чужих полномочий, взращивая в нем верное чувство гражданского порядка и гражданственной самостоятельности, верный подход к политической свободе.

6. Наконец, частная собственность воспитывает человека к хозяйственной солидарности, не нарушающей хозяйственную свободу: ибо каждый собственник, богатея, обогащает и свое окружение, и самое народное хозяйство; и конкуренция собственников ведет не только к борьбе, но и к творческому напряжению, необходимому для народного хозяйства. И путь к организации мирового хозяйства идет не через интернационально-коммунистическое порабощение, а через осознание и укрепление той солидарности, которая вырастает из частного хозяйства.

Так раскрывается и обосновывается духовный смысл частной собственности.

Социальное понимание собственности

Все высказанное нами в обоснование частной собственности отнюдь не следует понимать в том смысле, будто вырастающий из нее общественный и правовой строй не имеет своих проблем, затруднений и опасностей. Он имеет их, и разрешить или преодолеть их совсем не легко. Однако сначала надо удостовериться, во-первых, в том, что все отрицательные проявления частноправовой дисгармонии капиталистического строя, все опасности нецелесообразного и несправедливого деления на классы, а особенно завистливой и мстительной классовой борьбы, все бремя порабощения, безработицы, все убытки от анархии производства, нисколько не преодолеваются отменой частной собственности: ибо коммунизм создает государственный капитализм, небывалое порабощение и нищету, вызывает к жизни новую анархию производства, углубляет чувства зависти и мести, усиливает классовую борьбу и доводит до высшей беззастенчивости эксплуатацию трудящегося человека. Во-вторых, надо понять, что частная собственность коренится не в злой воле жадных людей, а в индивидуальном способе жизни, данном человеку от природы. Кто хочет «отменить» частную собственность, тот должен сначала «переплавить» естество человека и слить человеческие души в какое-то невиданное коллективно-чудовищное образование; и понятно, что такая безбожная и нелепая затея ему не удастся. Пока человек живет на земле в виде инстинктивного и духовного «индивидуума», он будет желать частной собственности и будет прав в этом.

Ввиду всего этого в дальнейшем надо искать иного выхода и притом именно на путях духовного и правового воспитания людей, на путях свободного труда и свободной доброты, на путях изобилия, щедрости, неуравнивающей справедливости и естественной солидаризации людей. Эти пути суть пути христианские; они приведут человечество к социальному пониманию собственности.

Согласно основному учению Евангелия, «Царство Божие» обретается во внутреннем мире человека (Лук. 17. 21) и потому людям следует начинать очищение и преображение их жизни изнутри. Это первое и основное, что должно быть усвоено христианином: все обновляется, очищается и преобразуется изнутри — вся жизнь и вся культура. Это относится и к государству, и к хозяйству. Христос никогда не осуждал и не отвергал частной собственности, а говоря о «богатых», коим «трудно войти в Царство Божие», Он имел в виду не размер их имущества, а их внутреннее отношение к богатству: они «надеются» на него, «служат» ему, а не Богу; «собирают себе» земные сокровища и пребывают в них «сердцем» и потому «богатеют» «не в Бога». Но изнутри Божия благодать[3] уже посетила и преобразила души множества богатых людей, начиная с мытаря Закхея и Иосифа Аримафейского. Согласно этому и нищий, и зажиточный, и богач могут быть добрыми и злыми; и только апостолам («следуй за Мною», «возьми крест свой») Христос советовал полное отречение от имущества. Остальным же он заповедал милосердие и щедрость.

Идя по этому пути, мы должны искать разрешения проблем, возникающих в связи с частной собственностью, прежде всего через внутреннее воспитание и просветление человеческого существа; с тем, однако, чтобы постоянно отыскивать и проводить те духовно верные и целесообразные государственные мероприятия, которые могли бы внешним образом исправить внешние последствия внутреннего несовершенства людей.

Согласно этому, вся проблема хозяйства, и в особенности — частноправового хозяйства, должна быть поставлена заново, как в науке, так и на практике: это есть проблема хозяйствующей души и ее верной мотивации; это есть проблема духа, строящего культуру, и его верных жизненных форм. Те способы хозяйствования, которые повреждают естественную мотивацию человеческой души, должны быть отклонены с самого начала. Отклонению подлежат и все хозяйственные формы и установления, которые противоречат человеческому духу. И в то же время в людях должна непрерывно воспитываться жизненно целесообразная и духовно достойная мотивация хозяйственного труда и творчества. Напрасно думать, что поврежденный инстинкт и разложившийся дух могут создать могучее и цветущее хозяйство. На самом деле только здоровый инстинкт в сочетании с сильным и воспитанным духом смогут найти верный исход и создать хозяйственное изобилие при социально справедливом строе.

Вся человеческая духовная культура — «многоличная» по субъекту и «сверхличная» по своей ценности — возникла из личной духовности, из той первичной ячейки Духа, которая именуется духовной личностью. Человек восходит к Богу и совершенству не через отвержение природы, не мимо нее и не вопреки ей, а через нее. Кто хочет подняться к сверхличному, тот должен принять личное начало и творить из него. Сто невежд не создадут науки; тысяча трусов не образуют боеспособного отряда; миллион нищих не создадут цвету-

[3] Например, употребление животного в пищу, сжигание дров или рукописи.

щего народного хозяйства. Во всех областях человеческой культуры личное начало подлежит не подавлению и искоренению, а приятию, утверждению, воспитанию, одухотворению и гармоническому дисциплинированию. Нужно не погасить «частное», а создать гармонию и равновесие множества «частных». Вредна не частная инициатива, а противообщественное настроение и поведение единичного человека. Опасно не личное творчество, а безудержное своекорыстие невоспитанного индивидуума. Спасителен не социализм, а творческое сочетание свободы и справедливости.

Но социальная справедливость должна быть найдена без того, чтобы душа была изуродована, а духовность утрачена, ибо стадо деморализованных варваров погубит и утратит всякую справедливость, если бы даже удалось ее найти. И свобода личного творчества должна быть утверждена без того, чтобы в общественной жизни водворилась несправедливость капиталистической эксплуатации и массовой безработицы, ибо кому нужна «свобода» безработицы и голодной смерти?

Каждый человек должен иметь в жизни такое «место», где он мог бы хозяйственно-творчески стоять на ногах; ту сферу, о которой он имел бы право сказать: «мое, а не твое». Это создаст из него живую ячейку общественного хозяйства и облегчит ему беззавистное и лояльное признание чужого достояния: «твое, а не мое». Чем больше в народе таких живых хозяйственных ячеек, тем прочнее частнособственнический строй жизни[4]. Напротив, чем больше в стране омертвевших хозяйственных ячеек, чем больше людей утратило хозяйственно-творческую почву под ногами, чем больше в народе кандидатов на звание «безработного», а потом и настоящих безработных, тем ближе частнособственнический строй к катастрофе. Опасно не различие между богатым и бедным, а хозяйственная беспочвенность среди бедноты, творческая бесперспективность среди низшего имущественного слоя.

Безнадежно теряя «мое», масса перестает чтить «твое», то есть все чужое, она незаметно начинает склоняться к «кулачному», или «разбойничьему» решению вопроса: «что мое — мое, а что твое — мое же». Чтобы увести ее от этого соблазна, неправильно звать ее на пути апостольского и аскетического отречения от всего, что есть на земле «мое»: это не идеал для земной жизни; это есть идеал ухода от земного строительства, идеал для немногих избранных, призванных строить «землю» именно этим своим уходом от нее[5]. масса за этим зовом не пойдет в силу здорового жизненного инстинкта, а если бы она пошла, то погубила бы и себя и духовную культуру на земле. Но еще неправильнее, подобно коммунистам, внушать массе, что ни «моего», ни «твоего» вообще не должно быть, что можно иметь «общее» и «только общее», не имея «моего»: если народы пойдут за этим зовом, то они скоро убедятся, что «общее» без «моего» есть «ничье» и что до «ничьего» никому и нет дела.

Задача не в том, чтобы на земле от праведности угасло хозяйство и с ним культура и человечество (Будда, Толстой). Но задача не состоит и в том, чтобы хозяйство стало самодовлеющей силой человеческой жизни, поработило людей и погасило — и справедливость, и нравственное существо человека (коммунизм).

Разрешение проблемы состоит в том, чтобы сочетать строй частной собственности с «социальным» настроением души: свободное хозяйство с организованной братской справедливостью.

Чувствовать и действовать «социально» значит, прежде всего, признавать на деле начало христианской любви и братства; это значит, далее, руководиться не уравнивающей справедливостью («всем поровну»), а распределяющей («каждому свое, кто чего заслужил»); это значит — оберегать слабых, нуждающихся, больных и беспомощных, связывать благополучие целого с благоденствием личности и, наконец, будить и поощрять во всех слоях народа качественные, творческие силы человеческого инстинкта и духа. За последние десятилетия сложился предрассудок, будто «социальный образ мыслей» составляет монополию социалистов, которые предлагают будто бы наилучшее, хотя и радикальное разрешение вопроса о социальной справедливости. Трагический опыт коммунизма смыл этот предрассудок, ибо он показал, к каким мучительным и унизительным антисоциальным последствиям ведет водворение социализма на практике. И ныне человечество будет искать новую социальную идею, новое социальное понимание собственности.

Это новое понимание будет исходить из древних христианских основ[6]. Основы его можно было бы вкратце формулировать так.

1. Иметь частную собственность и проистекающую из нее хозяйственную самостоятельность есть великое благо. Чем меньше людей лишено этого блага, тем лучше. Чем больше людей оторвано от собственности, тем несправедливее общественный строй, тем менее жизнеспособно государство.

2. Количественное поравнение имущества бесцельно и вредно: естественное неравенство человеческих сил, способностей и желаний все равно скоро опять приведет к имущественному неравенству. Имущественное неравенство преодолевается не переделом богатств, а освобождением души от зависти; естественным, братским доброжелательством; искусство довольствоваться тем, что есть; помышлением не о тех, кто «богаче меня», а о тех, кто «беднее меня»; уверенностью, что богатство не определяет человеческого достоинства; и творческим трудолюбием. Воспитание должно давать людям умение духовно переносить неравенство.

3. Существенно не владение человека, а его сердце и воля, а также дела, проистекающие из его внутреннего мира. Есть люди, достойные всяческого богатства, и есть люди, не умеющие употребить во благо даже свою нищенскую суму.

4. Важно не то, чтобы не было имущественного неравенства, а то, чтобы в стране не было хозяйственно беспочвенных, бессильных, безработных, бесперспективных людей. Каждый такой человек должен испытываться всеми, как национально-хозяйственная рана, вредная и опасная для всего народа. Важно, чтобы у каждого был хозяйственно-отправной пункт, чтобы подъем к благосостоянию не был искусственно затруднен, чтобы полезный и продуктивный труд реально обогащал трудящегося, чтобы масса живо чувствовала поощряющее влияние частной собственности, а также успешность и почетность честного труда.

5. Новые поколения должны воспитываться в убеждении, что частная собственность есть не просто «право», а нравственно обязывающее право. Собственность обязывает каждого к творческому использованию всех ее возможностей, к несению больших общественных тягот и государственных повинностей, к человечному обхождению со всеми, кто так или иначе зависит от вещной власти собственника, к постоянной заботе о хозяйственно беспочвенных людях.

6. В частном хозяйстве заложена тяга к самодовлению и самосильности. Этой тяге должны быть противопоставлены поиски новых форм солидаризации и сотрудничества частных хозяйств («ко-операция» в широком и тесном смысле слова). Каждый частный хозяин должен чувствовать себя связанным законами хозяйственного инстинкта (рынок) и законами хозяйствующего духа (родина) со всею системой частных хозяйств своей страны.

7. Три требования: изобилия, качества продукта и щедрости должны быть включены в нравы народа. Первые два требования приведут к строгой экономии, к дисциплинированности труда и к поднятию техники в производстве. Третье требование придаст распределению дохода и продукта характер мягкой социальности и доступности.

8. Особые меры необходимы для борьбы с противообщественным пользованием собственности (эксплуатация, «потогонный труд», ростовщичество и шикана). Должны быть проведены законы, которые сделали бы социальное пользование собственностью выгодным, а антисоциальное невыгодным. Собственник, лишенный чувства ответственности и чувства сверхклассовой солидарности, распоряжающийся своим имуществом ко вреду других и поступающий антисоциально, должен убедиться в том, что его образ действий предосудителен, что собственность его пользуется меньшей защитой, что такое ведение хозяйства оказывается экономически, юридически и нравственно невыгодным для него самого; так, чтобы он сам захотел вступить на другой путь; и т. д.

Все это вместе взятое может быть выражено так: частная собственность должна быть утверждена, но народ должен систематически воспитываться к верному пониманию ее идеи. Это воспитание должно связать внутреннее переживание частной собственности и внешнее распоряжение ею с благородными мотивами и социальными побуждениями человеческой души и соответственно вскрывать и обезвреживать дурные мотивы и побуждения. Частная собственность есть власть: непосредственно — над вещами, но опосредованно — и над людьми. Нельзя давать власть, не воспитывая к ней. Частная собственность есть свобода. Нельзя предоставлять свободу, не приучая к ее благоупотреблению. Частная собственность есть право: этому праву соответствуют не только юридически выговоренные обязанности, но и нравственно-социальные и патриотические, нигде не оформленные и не выговоренные обязательства. Частная собственность означает самостоятельность и самодеятельность человека: нельзя исходить от предположения, что каждый из нас «от природы» созрел к ней и умеет ее осуществлять в жизни.

Только сильный и духовно воспитанный дух сумеет верно разрешить проблему частной собственности и создать на ее основании цветущее и социальное хозяйство.

И в этом отношении частная собственность подчинена всем основным законам человеческого духа ●

[4] «Человеку это невозможно. Богу же все возможно» Мтф 19.26 Мрк 10.27 Лук 18.27

[5] В этом состоит идея аграрной реформы П. А. Столыпина

[6] См. мою книгу «О сопротивлении злу силой». Главу 22

К нашим читателям

Этот номер журнала — июльский, однако по условиям производства и распространения он попадет к читателям уже после начала подписки на 1992 год, и редакция в состоянии лишь задним числом объяснить подписчикам неизбежность очередного повышения цены на журнал.

После апрельского повышения тарифов Союзпечати, о чем мы сообщали в № 5, вновь, во второй раз в текущем году, эти тарифы в перспективе на 1992 год выросли. Совершенно не ясно положение на рынке бумаги и полиграфии. Напомним, что в 1991 году себестоимость подписного номера журнала превышала плату за него, но в таких размерах, какие редакция была в состоянии компенсировать за счет доходов от розницы. Перспективы же на 1992 год исключают возможность подобного маневра. Все эти обстоятельства, вместе взятые, и сделали неизбежным повышение цены на журнал.

Подчиняясь неизбежности, редакция тем не менее не считает нынешний рост цен на просветительские издания разумным и продолжает поиски спонсоров. Затем, если не желающая уходить со сцены административная система создала такие псевдорыночные условия, которые за горло берут редакцию и читателей, то все-таки остается возможность обходного маневра, и редакция намерена ею воспользоваться, чтобы компенсировать подписчикам повышение цены на журнал.

Прежде всего, продолжать усилия, направленные на то, чтобы содержание журнала было более актуальным, разнообразным, полнее удовлетворяло запросы различных групп читателей. Искать новые, отвечающие духу времени формы публикаций. Редакция предпринимает усилия для возрождения страниц, посвященных очеркам, проблемным статьям, заметкам о движении науки как таковой, в том числе и ее естественнонаучного раздела.

Возвращение нашей страны в мировую цивилизацию неизбежно сопровождается переоценкой сложившихся на сегодня культурных ценностей в обществе, как, впрочем, и культурных ценностей в мире. Ведь пока мы были изолированы от него, человечество успело пережить несколько культурных эпох. Рассказ о процессах такой переоценки — тоже задача журнала.

Такие серии позволяют глубже и с различных точек зрения освещать поднятую тему, и редакция намерена использовать эту форму в дальнейшем.

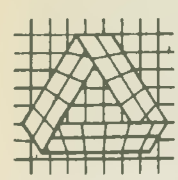
Отвечая на многочисленные запросы читателей, связанные с областью исторического знания, редакция намечает в течение всего 1992 года из номера в номер печатать учебное пособие по истории нового, совершенно не известного прежде типа: задачник по истории древнего мира и средних веков. Задачник этот сам по себе рассчитан на использование в шестых, седьмых и восьмых классах обычной средней школы. Но задачи, упражнения и контрольные тексты в нем составлены так, что работа с ними доставит, надеемся, огромное удовольствие всем, кто интересуется историей: вопросы занимательные и неожиданные, упражнения требуют серьезного знания реалий той или иной эпохи. Учебное пособие — пособие для самообразования, игра — вот что такое этот необычный задачник. Он, думаем, сослужит хорошую службу преподавателям и ученикам, не оставит равнодушными любителей истории. Чтобы привлечь внимание к задачнику, редакция представит его читателю, опубликует вопросы и задания из него в № 9 за этот год.

Далее. Мы намерены расширить информационный объем журнала. Возможности тут просматриваются различные, но говорить о них более определенно сейчас было бы преждевременно.

Наконец, книги. События, к сожалению, развиваются медленнее, чем рассчитывала редакция, однако издательство «Гуманус» подтверждает свое решение начать в этом году издание обеих объявленных серий — серии «Вех» и собрания сочинений Н. А. Бердяева. Двухтомник Э. Бернштейна и сборник «Таинственные века» находятся в производстве. Правда, организация, взявшая на себя обязанности по изданию сборника «Таинственные века», предупреждает, что цена сборника будет несколько выше, чем было объявлено.

И последнее. Редакция предпринимает шаги для выпуска регулярного книжного приложения к журналу и надеется, что в 1992 году эти планы станут реальностью.

В ЛАБОРАТОРИЯХ СТРАНЫ

Ток, пробивающий дорогу

Внешнее поле намагничивает железо, никель и кобальт, после чего они сами становятся постоянными магнитами. А вот интересно, может ли что-либо подобное электрический ток? Да, может. Это следует из опытов, в которых через полоску никелевой фольги пропускали импульсы постоянного электрического тока силой до двадцати ампер. Фольгу охлаждали проточной водой, замеряя при этом ее электрическое сопротивление. И вот в какой-то момент это сопротивление почти скачком уменьшилось сразу на четверть. В дальнейшем оно так и оставалось пониженным, но только для тока, текущего в том же направлении. Ученые в связи с этим полагают, что импульс сильного тока произвел в металле направленную перекристаллизацию, в результате чего и появилась в нем эта необычная повышенная остаточная электрическая проводимость.

(Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана)

Определяя запах газа...

Человек вдыхает одну смесь разных атмосферных газов, а выдыхает совсем другую. Большая часть кислорода отделяется в наших легких от остальной смеси. Но как именно? Можно ли вообще разделить газы, которые обычно встречаются в природе и в технике в смеси? В технологии для этого с некоторым успехом используют мембраны — тонкие пленки из полимерного материала. Смесь газов подходит к ней, и один из ее компонентов медленно диффундирует — просачивается сам собой через мембрану. А нельзя ли ускорить этот процесс? Ведь для эффективной работы, скажем, сенсорных систем, датчиков, сигнализирующих о появлении определенного газа, нужен быстрый анализ всего состава. Выход из положения видят в создании особых условий, когда на мембрану принудительно подается меняющийся по величине поток исходной газовой смеси, так называемый импульс концентрации. Тогда, согласно расчетам, даже если два газа, образующие смесь, имеют одинаковый коэффициент проницаемости, что означает полную невозможность их разделения в обычных условиях, то на выходе после мембраны будет наблюдаться такая картина. Вначале через мембрану будет проходить только один из газов. Потом, через какое-то время, пойдет их смесь. И только после всего этого начнет выходить преимущественно второй газ. Моменты выхода газов по отдельности легко регулируются величиной и продолжительностью импульса концентрации.

(Институт нефтехимического синтеза имени А. В. Топчиева АН СССР, Москва)

Мутное небо над полюсом

Экспедиция на атомном ледоколе «Сибирь» обнаружила, что прозрачность атмосферы над обширным районом у Северного полюса низка. В воздухе повсеместно была рассеяна какая-то муть. Чтобы понять, откуда она берется, ученые прямо на борту судна стали анализировать пробы воздуха, отобранные надо льдом, пропуская через них луч света и замеряя затем его поглощение и рассеяние. Оказалось, что этот полярный воздух содержит много аэрозоля — частиц льда размером от долей микрона до нескольких. Но главное — в другом. Каждые шесть часов их количество резко возрастало, увеличиваясь почти вдвое, а потом снова уменьшалось. По времени эти всплески совпадали с подвижками льда, вызываемыми приливами и отливами. Появлялись они и в периоды долго дующих ветров. Во всех этих случаях происходит деформация льда — его сжатие и растяжение. И, как считают исследователи, она-то и служит тем источником, который порождает массу аэрозольных частиц, поднимаемых затем потоками воздуха на высоту. Там они накапливаются, переносятся с места на место. В результате эти частицы рассеивают солнечные лучи, не давая им пробиться к поверхности льда, и создают эффект «мутного неба».

(Арктический и Антарктический НИИ, Ленинград)

Движение — в движении

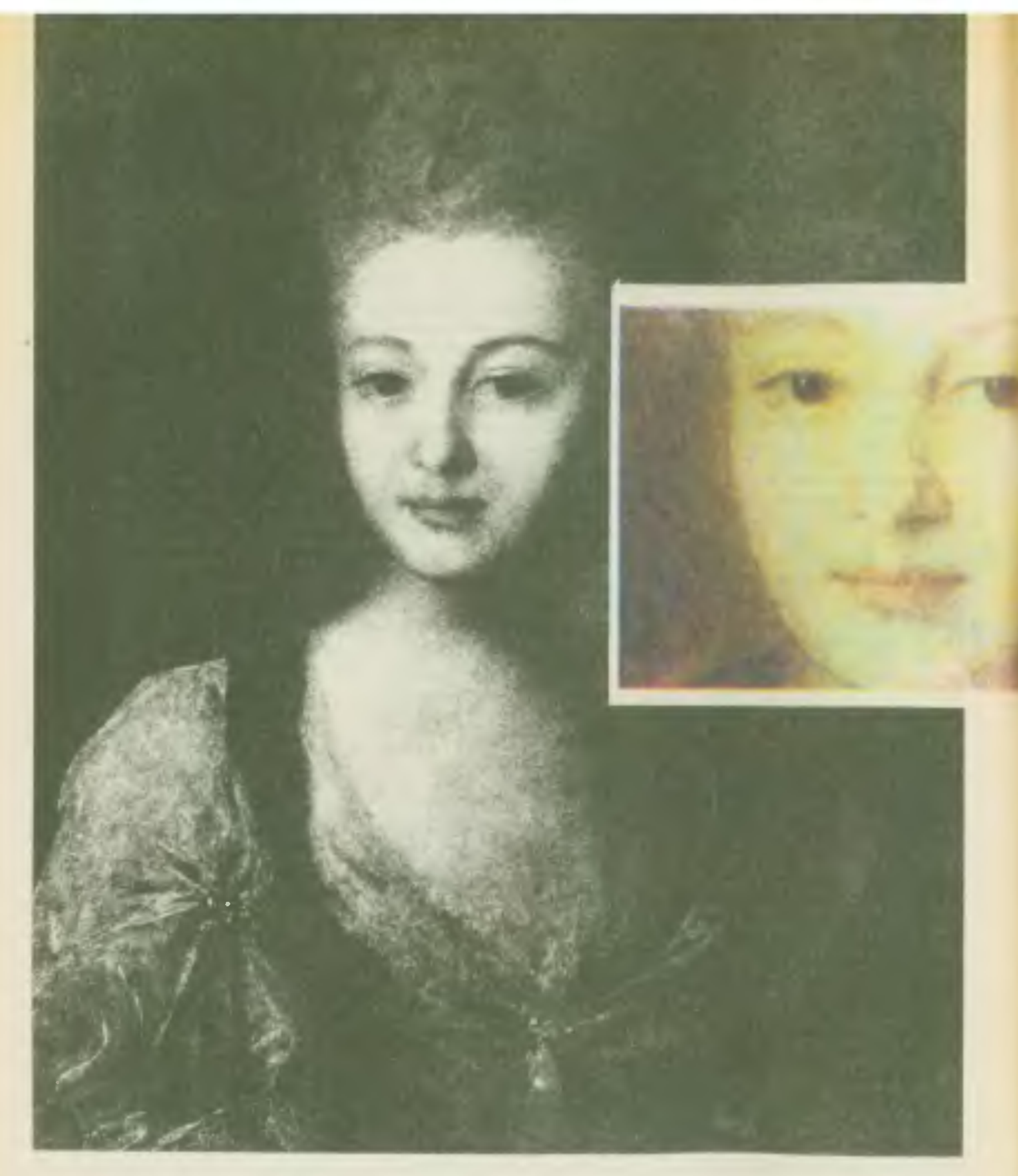
Если на натянутый канат надеть некое устройство, которое могло бы посылать по канату в одну сторону упругие волны, то само оно стало бы немедленно двигаться в обратную сторону. Это так называемый волновой движитель. Возбуждаемые им колебания отводят от него энергию, оказывая при этом на него давление наподобие небольшой реактивной тяги. Кстати, уравнения, по которым вычисляют его кпд, подозрительно похожи по форме на известное выражение для кпд прямоточного реактивного двигателя. Интересны и конкретные расчеты эффективности такого движителя. Посаженный на стальную балку и колеблющий ее с частотой в десять герц, такой аппарат будет двигаться по ней со скоростью сорок метров в секунду. Его кпд перевода энергии в работу по перемещению при этом достигнет восьмидесяти двух процентов.

(Нижегородский филиал Института машиноведения имени А. А. Благонравова АН СССР)

Иду на грозу...

Что происходит с грозовым облаком, когда в нем сверкает молния, доподлинно никто не знает. Известно только, что в нем образуются «мелкомасштабные» электрические ячейки — по-разному заряженные зоны величиной в десятки метров. Их появление пытаются объяснить теперь механизмом особой электропроводности, уже известным для плазмы. Согласно ему, в грозовом облаке «само собой» происходит разделение зарядов по знаку, причем одноименные заряды каким-то образом скапливаются в ячейки диаметром в тридцать метров. Когда же соседние разнозаряженные ячейки накопят достаточно электричества, между ними происходит пробой воздуха — молния. А уже всего лишь через несколько секунд обе ячейки полностью восстанавливают свои суммарные заряды и снова готовы обменяться яркой вспышкой молнии.

(Институт прикладной физики АН СССР, г. Нижний Новгород)

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

А. Акифьев,
доктор биологических наук

Хомо советикус — хомо сапиенс?

Восстановлены данные переписи 1939 года, в свое время искаженные. В 1939 году в СССР было всего 167,3 миллиона жителей. Для сравнения — в 1912 году в России (без Польши и Финляндии) насчитывалось 155,2 миллиона человек; и, согласно прогнозам, к 1936 году население должно было вырасти до 247,2 миллиона человек.

Все прогрессы реакционны,
если рушится человек.
А. Вознесенский

Как оценивать национальное богатство?

Человек — двойственное, биосоциальное существо, но его биологическая сущность долгое время не принималась всерьез во внимание. Более того, идеологизация науки в нашей стране привела к своеобразному оправданию приоритета социальности. Природная одаренность фактически отрицалась. В ходу были такие представления, как «кухарка может управлять государством», вместо одного «ненадежного» авиаконструктора Туполева предлагалось воспитать сто тысяч преданных социализму Туполевых, и вообще советский человек при рождении — tabula rasa, чистая доска, на которой можно написать любую программу его жизни.

Попробуем разобраться в ситуации. Бесспорно, существуют признаки, одинаково формирующиеся под действием генов практически в любых совместимых с жизнью условиях среды. Их как раз легко наблюдать у имеющих идентичную генетическую программу однояйцевых близнецов — цвет глаз, форма черепа, носа, тембр голоса, походка, мимика, жесты и т. д. Что касается характеристик, лежащих в основе социального поведения, то они в большинстве случаев несравненно более пластичны, то есть подвержены влиянию внешней среды. Однако нет таких признаков у человека, в становлении которых не принимали бы участия гены — косвенно или через промежуточные этапы.

Чтобы понять природу любого социально-биологического феномена, надо знать историю его эволюционного становления, уметь отыскивать в нем внутренние противоречия, только тогда мы сможем избежать догматизма абсолютной целесообразности. В качестве примера можно привести весьма популярную идею (ее активно поддерживал В. П. Эфроимсон) о бессознательном альтруизме животных, ставшем предтечей альтруизма человеческого, этики, отчасти культуры.

Если и полагать, что социальная сторона человека доминирует над его биологическими особенностями, то это вовсе не означает, что она их «снимает». Нет, и новая, и старая интегрированы в единую человеческую сущность. Появление лиц с диктаторскими наклонностями, равно как и конформистов, в конечном итоге отражает трансформацию в человеческий социум наследуемых форм поведения, формирующих иерархические системы, существующие в животном мире.

Генетическая программа человека не воспринимает и не хранит всю совокупность знаний, накопленных человечеством в ходе исторического развития. Н. К. Кольцов предлагал эту информацию в отличие от генетической называть культурной программой. Н. П. Дубинин предложил для нее понятие социальной программы. Для простоты изложения будем называть ее культурным наследием. Воспринимает и хранит его мозг человека, его память. Притом человеческая память — не единственный хранитель культурного наследия. В наше время это и книги, и компьютеры, и магнитные ленты, и пластинки и т. п.

Между тем биологическая и информационная преемственность между поколениями обеспечивается непрерывным рядом половых клеток, передающих содержащуюся в генах программу, соглас-

но которой развивается и живет каждый индивид. Ничего, кроме кода, по которому будут строиться нужные для жизни, в том числе и для соответствующего поведения, белки, в этой программе нет. Поэтому вера некоторых людей в «гены исторической памяти», с помощью которых человек может, допустим, вспомнить в мельчайших подробностях охоту на мамонтов, которой занимались его далекие предки, попросту наивна. Человек всегда рождается несмышленышем, а общество заботится о том, чтобы своевременно сообщить малышу все необходимое для жизни среди людей. Однако характер восприятия всегда глубоко индивидуален. Ведь помимо однояйцевых близнецов, нет людей с полностью идентичной генетической программой. При всем огромном значении для человека роли внешней среды, и в частности воспитания, специфика генетической программы человека такова, что в одинаковых условиях она рождает индивидуумов, один из которых предпочитает свободу, тогда как другой — золотую клетку: один мечтает о синей птице, другой — о бройлере, а третий — сразу и о том, и о другом.

Вот почему мы хотим привлечь внимание к биологической стороне человека как личности. Высокоинтеллектуальная деятельность, богатая духовная жизнь, труд хлебопашца, плотника, слесаря, шофера, отношения в семье, конфликт в троллейбусе или парламентские прения — все эти формы социального поведения базируются на работе многих (а не одного) генов. Все они вкупе — плод длительной эволюции и отбора, сохраняющий в поколениях лучшие качества популяции, ее золотой фонд. Вот почему национальным богатством, как полагают генетики, следует считать и совокупный генетический материал народа, или его генофонд.

«Красный террор» — с позиций генетики

А теперь рассмотрим события, происходившие в нашей стране, начиная с 1918 года. Во все времена жертвами геноцида, войн, произвола в первую очередь становились самые активные члены общества, его интеллектуальная и наиболее дееспособная элита. Однако политика репрессий, достигшая мрачного апофеоза в 1937 году, пожалуй, оказалась страшнее войн. Первыми жертвами произвола стали люди с независимым мышлением. Чудовищно близоруким было уничтожение «буржуазных» специалистов, принудительная эмиграция ученых, писателей, художников. Тяжелейший удар приняло на себя крестьянство, наиболее многочисленная часть российской элиты. Сейчас уже ясно: «раскулачиванию» подверглись как раз те, кто кормил Россию.

Иными словами, происходившее в нашей стране в отдельные годы вполне может рассматриваться как геноцид.

В целом же уничтожение элиты российского общества, начавшееся в 1918 году, я назвал бы противоестественным отбором. Он не прекратил свое действие ни в 1953 (а если и прерывался, то всего на несколько лет), ни в 1985 году. Массовая эмиграция — отъезд из СССР сотен тысяч людей — продолжается. Только в 1989 году нашу страну покинули со своими семьями 70 тысяч научных работников.

Искусственный отбор при социализме

В биологии отбор рассматривается в качестве фактора, способного изменить генофонд популяции. Все зависит от числа погибших или не оставивших потомства индивидуумов. Разумеется, важен не абсолютный показатель, а процентная доля от численности данной популяции. И конечно, следует учитывать, какая часть популяции обладала признаками, по которым шел отбор. В Китае во время «культурной революции», как и у нас, террор был направлен чаще против наиболее активной, творческой, деловитой части общества. Однако, по приблизительным оценкам, так погибло около 20 миллионов человек, то есть примерно два процента населения. При этом репрессии мало коснулись крестьянства. И, несмотря на чудовищные жертвы, можно считать, что генофонд китайского народа в целом не пострадал.

Совсем иная картина наблюдается в Советском Союзе. За период с 1918 по март 1953 года мы лишились не менее трети соотечественников, причем в первую очередь — самых ценных для воспроизведения генофонда индивидуумов. Здесь уже соображения об оскудении генофонда приобретают зловещую реальность. Отбор есть отбор — гены исчезают практически безвозвратно. Известно, что новые признаки возникают в популяции в результате превращений генетического материала — мутаций, рекомбинаций и прочего. Частота таких превращений, затрагивающих конкретный признак, в расчете на поколение крайне низка. Значит, если отбор устранит из популяции данный наследуемый признак, — скажем, такой, как бесстрашие или жизненная активность, — или группу признаков, связанных между собой и служащих основой самых ценных для социума качеств, то шансы на их возобновление невелики. В лучшем случае (поскольку все же трудно представить себе окончательное исчезновение любого качества) восстановится разрушенное лишь через несколько поколений.

Уничтожение населения, проводившееся с 1918 года в нашем государстве, крайне обеднило его генный потенциал[1]. И нельзя уйти от вопроса, что же может произойти со страной, если восстановление генофонда займет несколько поколений.

[1] Здесь следует учесть еще и современную экологическую обстановку, а именно — уровень химического и радиационного загрязнения в нашей стране. Влияние этих факторов на генетический аппарат человека очевидно. А потому с горечью приходится констатировать, что генофонд нашего народа продолжает губиться и сегодня. (*Ред.*)

Сегодня катастрофическое нарастание кризисных явлений в нашем обществе стало очевидным. Такой ход событий объясняется многими причинами. Они достаточно хорошо освещены в печати. Но для полной объективности надо посмотреть на ситуацию еще и глазами биолога. Очевидно, что основной действующий и руководящий слой общества сформировался главным образом из детей тех, кто избежал репрессии. А это значит, что у власти, с точки зрения генетики, находится пассив общества (напомним, что речь идет не о конкретных личностях, а о явлении в целом, оцениваемом со статистических позиций).

Психиатр доктор медицинских наук В. Лупандин исследовал наследственно обусловленные формы умственной отсталости в различных регионах СССР. Вывод, к которому пришел ученый, заставляет задуматься. В районах, где сталинские репрессии были особенно сильны, умственная отсталость у детей встречается как минимум в пять раз чаще, чем, например, в слабо пострадавшей Прикарпатской Украине. Очевидно, объясняя феномен, надо помнить, что уничтожению подвергался элитный слой крестьянства. Безземельных бедняков почти не трогали. Сре

ди них, кстати, умственная отсталость встречалась в три раза чаще, чем у крестьян, владевших землей.

Обработка результатов с учетом математического моделирования привела В. Лупандина к неутешительным выводам. Последствия деструкции генофонда заметно скажутся на следующем поколении населения СССР. Число умственно отсталых должно возрасти на семь процентов.

Мы имеем уникальный пример того, как социальные факторы, казалось бы, навсегда утвердившиеся в качестве ведущих в истории человечества, пробудили к жизни факторы биологические. И сегодня роковая последовательность предстает следующим образом: политические идеи — отбор — оскудение генофонда — замедление темпа социального прогресса популяции. Разрушение генофонда нации, занимающей огромную территорию, на которой быстро развиваются признаки экономической катастрофы, к тому же нации, обладающей огромными запасами ядерного оружия, не может не иметь отрицательного глобального влияния. Поэтому происходящее в нашей стране небезразлично для всех, кто думает о судьбе планеты.

Марксизм и чувство собственности

Едва ли Сталин, проводивший свою политику под знаменем марксизма, преследовал столь далекую цель как вырождение ряда народов. Биологические результаты террора выступили здесь в качестве побочных следствий. Но возникает вопрос: не является ли все-таки и сама марксистская теория исходно неверной в том, что касается природы человека?

Я не обладаю достаточной подготовкой, чтобы анализировать каждый пункт марксистской теории с позиций биологии человека, но некоторые ошибочные положения очевидны.

Особый интерес представляет проблема чувства собственности.

Начнем немного издалека — не с человека, а с животных многих видов. Отношение животных к своему — пище, гнезду, территории, детенышам, самке — хорошо известно экологам. Оно формируется как специфическое поведение почти целиком на базе генетической программы. Самые яркие примеры такого поведения — создание запасов пищи и охрана территории.

Соловьиная трель предназначена не только для привлечения самки — своим пением соловьи предупреждают, что гнездовой участок уже занят, то есть стал собственностью данной пары.

Однако гнезда делают не одни птицы, а самые различные животные, начиная от насекомых и кончая человекообразными обезьянами. Кукушки не строят жилье, но интересно, что кукушата, только что вылупившиеся в чужом гнезде, сразу же стараются превратить его в свою собственность, для чего выталкивают оттуда птенцов подлинных хозяев.

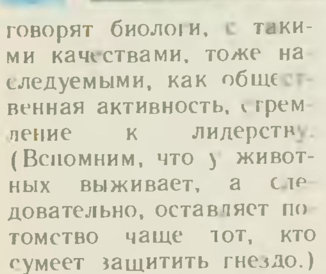
Так обстоят дела у многих видов животных. А у людей? Пока у нас нет достаточно надежных объективных критериев, которые бы доказали, что чувство собственности наследуемо. Однако нет никаких фактов, которые бы это опровергали. В моих рассуждениях, пожалуй, здравый смысл будет преобладать над профессионализмом. Но в данном случае только здравый

смысл и позволяет делать какие-то выводы.

Хорошо известно, что социальное поведение человека во многом зависит от того, как он относится к собственности. Мы ведь знаем: человек, которому, скажем, жалко сжигаемый по распоряжению исполкома за ненадобностью старинный московский особняк, как правило, и в своем деле созидатель. Можно проецировать и другие его социальные черты, не правда ли?

Можно предположить, что собственность накапливалась в первую очередь в тех семьях, которые обладали соответствующим инстинктом, то есть наследуемой рачительностью. Полагаю, что не будь передача чувства собственности генетически обусловленной (я думаю, что в купцы, скажем, выбивались самые способные с этой точки зрения крестьяне), не закрепилось бы и его социальное наследование уже хотя бы потому, что свойства собственника, собирателя, копителя коррелируют, как

говорят биологи, с такими качествами, тоже наследуемыми, как общественная активность, стремление к лидерству. (Вспомним, что у животных выживает, а следовательно, оставляет потомство чаще тот, кто сумеет защитить гнездо.)

Едва ли можно сегодня рассуждать о генах собственности в том смысле, как о генах окраски глаз, формы крыльев и т. д. Скорее, речь идет о наследуемых качествах, комбинации которых будут ориентировать человека определенным образом по отношению к собственности. Подобные качества в большинстве своем достаточно пластичны, и в тоталитарных условиях они могут быть подавлены. Однако это как раз то состояние человека, которое препятствует проявлению его биологической природы и, следовательно, создает ощущение несвободы. Когда давление исчезает или ослабевает, генетически детерминированное чувство собственности дает о себе знать.

Все происшедшее в нашей деревне за семьдесят лет показывает, что социалистическая общественная собственность в совхозах и колхозах оказалась совершенно неприемлемой именно для созидателей, людей активных. В этом кроется одна из главных причин — а помоему, самая основная — наших неудач в сельском хозяйстве.

Те, кто внедряли единственно возможными в такой системе насильственными методами общественную собственность, и в первую очередь на землю, наивно полагали, что биологическую природу человека можно изменять как угодно. За это заблуждение теоретиков, вылившееся в преступления их последователей-практиков, нашей стране ныне отведена роль «страны дураков». Страны, в которой ждали урожайного года, а когда дождались, то

поняли что, оказывается, легче расплачиваться невоспроизводимыми национальными богатствами за чужой хлеб, чем убирать свой.

Таков бумеранг игнорирования биологической природы человека, его генетической программы, вырабатывавшейся многие миллионы лет.

Свобода и братство — без равенства?

Итак, попытаемся ответить на роковой для истории России вопрос: что делать? Что делать в условиях кризиса генофонда нации? Естественно, биолог не может и не должен давать готовые рецепты по проблемам, решаемым на уровне руководителей государства или даже референдумом. Но именно биологи должны настаивать на скорейшем обсуждении вопросов социобиологического мониторинга. Этот пока еще непривычный термин означает оценку общественных мероприятий с позиций их адекватности биологической природе человека, хранимой в генофонде хомо сапиенса.

Предвижу возражения:

а нужно ли? Может, достаточно лишь в полном объеме восстановить демократию и начать перестраивать экономику? Мол, тогда само собой все образуется. Нет, этого не будет — ни в одной другой стране, даже в Камбодже, генофонд народа не пострадал так, как у нас. Между тем ответственный подход к человеку подразумевает заботу о его будущем. Если мы не готовы к такой заботе, нечего и надеяться на достойное будущее.

Начнем с главного обоснования всех последующих действий. Следует оценить нынешнее состояние нашего генофонда как кризисное, чреватое близко грядущей катастрофой всего нашего общества. Именно поэтому так важно обратить самое серьезное внимание (одного внимания, разумеется, мало, так как это выражение на Руси извека по существу почти ничего не означало) и принять государственную программу по спасению генофонда.

Как видится мне подобная программа? Что должно стать в ней основным? Прежде всего надо разработать теоретические рекомендации и практические меры по оптимизации численности населения. Оно, разумеется, не должно быть так мало, чтобы даже при современных и грядущих способах связи население страны распалось на полуизолированные популяции. Мне кажется, что сейчас нет более страшной проблемы для людей, чем демографическая беспечность. Возможно, для каких-то видов стремительный рост численности в пределах определенного отрезка времени и служит показателем процветания, но не для хомо сапиенса. Если численность вида не регулируется социальными структурами, это свидетельствует лишь о том, что человек как существо социальное в своем развитии ушел весьма недалеко. Оценивая демографическую ситуацию, разумеется, надо учитывать, что населению страны должен быть обеспечен достойный для данного этапа НТП уровень жизни.

Другой и, пожалуй, главной задачей социобиологического мониторинга мне видится разра-

ботка объективных, надежных тестов. Здесь тесно переплетаются теоретические и практические аспекты современной биологии человека, поскольку речь идет о выяснении биологической компоненты на первом этапе профессиональной ориентации.

Наследственная компонента, которую необходимо выявить у каждого молодого человека, может быть как стабильной, диктующей фактически уникальную жизненную дорогу, так и лабильной. Последняя встречается чаще, и тогда специалист по профессиональной ориентации предлагает не один, а несколько путей, круг профессий, в которых человек, вступающий в самостоятельную жизнь, может достигнуть успеха.

Почему же для нашего общества так важна сегодня именно профессиональная ориентация? Да потому, что пока это единственный способ повысить эффективность отдачи имеющегося генофонда.

Меры по выявлению и стимулированию активной деятельности обладателей всех возможных талантов как раз и будут факторами «повышения качества народонаселения». Именно о них как о важнейших глобальных проблемах человечества писал еще в семидесятые годы П. Л. Капица. Иными словами, не дадим бесполезно пропасть тому, чего у нас так мало.

В этой связи ни в коем случае нельзя недооценивать значения специальных школ с углубленной подготовкой по различным гуманитарным и техническим дисциплинам. Понятно, что преподавание и обучение в профессионально-технических училищах тоже должно подняться на качественно иной уровень. Чем больше у нас будет спецшкол и чем разнообразнее их назначение, тем лучше — тем быстрее будет формироваться новая элита.

Неминуемо ли разбазаривание генофонда?

Осознание глубины национального кризиса, влияющего на судьбу абсолютного большинства соотечественников, побуждает меня внести еще одно предложение. Некоторым оно покажется кощунственным, поскольку сводится к привлечению максимально возможного числа иностранцев в нашу страну (в том числе и на должности, традиционно занимаемые так

называемыми национальными кадрами) и к всемерному поощрению межнациональных браков. Однако прежде чем осуждать подобные идеи, посмотрим, к чему приведет их реализация[2].

Прежде всего через четыре-пять поколений восстановится генофонд, что важно само по себе, хотя это и произойдет не так скоро, как хотелось бы. Но есть другой положительный аспект в моем предложении, который проявится довольно быстро. Речь идет о гетерозисе, или явлении гибридной мощности.

Данный эффект наблюдается в первом поколении высших растений и животных, полученном от скрещивания генетически достаточно далеких линий. У человека представителями таких генетически далеких линий могут быть географически изолированные группы (разумеется, существуют и другие способы «изоляции», например религиозные, социальные). Гетерозис, как правило, выражается в увеличении физических показателей. Но есть основания полагать, что при этом возникают биологические предпосылки и для изменения социального поведения. К сожалению, гетерозис у человека изучен недостаточно. Однако несомненно, что такие феномены XX века, как резкое увеличение среднего роста и продолжительности жизни человека, возникли не без его влияния. Именно в на-

ше время рухнули барьеры, препятствовавшие различного рода смешанным бракам.

Надо принять во внимание и то, что благоприятный «эффект первого поколения» не будет одномоментным событием: он растянется во времени настолько, насколько будут распространяться межнациональные браки. И наконец, о положительной роли гетерозиса свидетельствуют многочисленные исторические факты. Я имею в виду выдающихся людей, родившихся от межнациональных браков.

Эмиграция, состоящая сейчас почти целиком из элиты общества, — другая очевидная проблема.

Конечно, причины нынешней волны эмиграции имеют весьма глубокие корни, так же как потеря уважения к ряду ключевых профессий. Мне, в частности, особенно грустно наблюдать, как стремительно утрачивают интерес к работе выпускники наших университетов. А ведь речь идет о деятельности в областях биологии, еще недавно считавшихся весьма престижными, например в генетике. Унизительные условия интеллектуального труда лишь одно из звеньев цепи, которой сковано наше общество. И это, и эмиграция, и прочие очевидные вещи суть внешние признаки все той же роковой последовательности: политические идеи — отбор — оскудение генофонда — замедление темпа социального прогресса популяции.

В настоящее время я вижу только один слой нашего общества, где достаточно сконцентрированы элитарные гены: для России — это служители Русской православной церкви. Сюда на протяжении всех мрачных лет стекались люди, понимавшие, на что они идут, более образованные и, бесспорно, более нравственные, чем те, кто обладал реальной властью. Я не призываю к установлению теократического правления в СССР. Но расширить сферы деятельности церкви, не препятствовать ей — значит максимально усилить социальную отдачу от наиболее качественной части населения нашей страны. Эта дорога спасительна не только для нас, но и для людей завтрашнего дня ●

[2] Редакция не разделяет здесь точку зрения автора. Однако принимая идею плюрализма не на словах, а на деле, считает необходимым позволить автору полностью высказать свои мысли. (*Ред.*)

- Радон — от грозного Плутона
- Для науки не жаль и драгоценных камней
- У Днепра — настоящие клады!

Инертный тяжелый газ радон обладает радиоактивностью и «обитает» в толщах пород и недрах земли. Он, конечно, понемногу выходит наружу, в атмосферу, но не сам по себе, а в смеси с увлекающими его потоками других, более легких газов — водорода, углекислого газа, метана, азота и других. Все они порождаются глубинными процессами и деформациями, но, несмотря ни на что, количество радона имеет определенный средний уровень, что легко проверить, контролируя радиоактивность выходящих на поверхность газов. Все это становится особенно важным для сейсмически активных зон, например, в Средней Азии. Так, ученые из Института физики Земли имени О. Ю. Шмидта АН СССР и Московского геологоразведочного института имени С. Орджоникидзе, анализируя записи содержания радона в подпочвенной атмосфере в зоне влияния Северо-Ферганского глубинного разлома в 1985—1986 годах, обратили внимание на странные аномалии этого показателя.

За четыре-пять суток до каждого небольшого землетрясения с магнитудой меньше пяти, а их в те годы там было несколько, радона становилось постепенно все больше и больше. Концентрация газа достигала максимума за сутки-двое перед толчком, затем быстро понижалась. В день же сейсмического удара уровень радона был даже ниже своей обычной нормы, зато назавтра, сразу после толчка, он опять достигал максимума, а возвращение к норме занимало снова несколько дней. Вот бы знать заранее! Но для этого и существует наука сейсмология, чтобы, поняв признаки, причины и закономерности хода прежних землетрясений, давать какой-то прогноз для будущих. В нашем случае на основе всех имеющихся совпадений исследователи разрабатывают модель «неглубоких коровых землетрясений». В ней разные очаги толчков формируются постепенно на глубинах от двадцати до восьмидесяти километров, и между трущимися блоками горных пород образуются щели, через которые и устремляются на поверхность все подземные газы. На основе новой модели, может быть, удастся строить прогнозы для землетрясений такого типа.

Странное дело, графит и алмаз, эти «близнецы-братья», состоящие из одинаковых атомов углерода, не схожи не только внешне и по механическим свойствам, но и по электрическим тоже. Точнее, если графит — хороший проводник, то алмаз — абсолютный изолятор. Правда, иногда это правило нарушается.

Если окунуть ненадолго столь драгоценный кристалл в не очень горячий расплав соединений металлов, например окислов натрия, вольфрама, молибдена и других, то он каким-то образом приобретает небольшую поверхностную проводимость. Обнаружившие этот эффект ученые из киевского Института общей и неорганической химии АН УССР и свердловского Института электрохимии Уральского отделения АН СССР предположили, что механизмов возникновения электропроводимости может быть несколько. Проверить их решили, выполнив термодинамические расчеты, где надо было учесть поведение атомов всех веществ, участвующих в событиях, а также проведя некоторые опыты. В результате исследователи наблюдают процесс приобретения проводящих свойств.

Вначале в расплаве происходит хемосорбция — химическое осаждение молекул расплава на поверхность алмаза. На ней атомы углерода кое-где окисляются кислородом из распавшихся на ионы молекул окислов металлов. В итоге выделяется углекислый газ, который улетучивается, а на поверхности остаются положительно заряженные ионы углерода следующего слоя. Вот к ним-то и подходят остальные обломки молекул растворителя, содержащие атомы металлов, и прочно к ним присоединяются. Такой металлизации «в один слой» на поверхности алмаза оказывается вполне достаточно для появления у нее электрической проводимости.

«Сокровища хана Кубрата». Выставка под таким названием состоялась в Национальном историческом музее в Софии. Главное место на ней было отведено экспонатам Государственного Эрмитажа — оружие, сосуды, монеты, украшения, предметы, найденные еще в 1912 году у нас, недалеко от Полтавы. Этот названный учеными Перещепинским клад, состоящий из золотых и серебряных вещей, датировался примерно четвертым — седьмым веками новой эры и, как было принято думать, связывался с погребением какого-то вождя одного из степных племен. Однако в первом тысячелетии эти земли пересекали многие кочевые орды, потому «национальная» принадлежность клада была неясна.

На научном симпозиуме, проходившем вместе с выставкой, прозвучали новые данные. На месте клада так и не нашли ни костей, ни остатков костра ритуального сожжения,— значит, это было не погребение, а настоящий клад. Среди его сокровищ нашлись перстни с надписями на греческом языке с именами вождей праболгарских племен Кубрата и Органа. Они известны исторической науке: Кубрат — отец знаменитого Аспаруха, хана первого Болгарского царства, а Орган — дядя Кубрата. Обитавшие в степях Приазовья праболгары, будучи изгнаны хазарским войском, разделились в поисках лучшей доли. Часть из них ушла на Волгу, основав впоследствии Волжско-Камскую Булгарию, другая отступала на запад. Здесь под покровительством Византии вождь Орган пытался объединить разрозненные орды в единую «Великую Болгарию», но потерпел неудачу. Уход остатков племен дальше на запад возглавил его племянник Кубрат и, вероятно, под угрозой стычек с преследовавшими его хазарами однажды зарыл самое ценное в землю. Да так за кладом и не вернулся. Зато его сын Аспарух довел народ до цели — Балканского полуострова. Здесь праболгары поселились, смешались со славянами и дали начало будущим болгарам.

А клад Кубрата так и остался зарытым в степи на полпути между бывшей родиной и будущей.

- Неживая земля вокруг заводов
- Таинственный четырехатомный кислород
- Периодическая таблица клеток?

Есть в Прикарпатье один завод, производящий магний и другую химическую продукцию и вроде бы не очень загрязняющий окружающую среду. Так и считалось до момента, пока он не попал в поле зрения экологов из Ивано-Франковского медицинского института. Исследователи рассуждали так. Завод действует уже много лет, и в воздух, несмотря на все очистные сооружения, все равно попадают сотни килограммов промышленных выбросов. Они оседают на почву и, возможно, уже там, вдали от родного предприятия, как-то воздействуют на жизнедеятельность почвенных микроорганизмов. Для подобного исследования не требуется «проникать» на территорию самого завода.

Ученые облюбовали три площадки на разном удалении от завода — в полукилометре от забора, затем в двух километрах и самую далекую — в двадцати пяти километрах от территории предприятия. На площадках, расположенных на «нейтральных землях», можно было спокойно проводить любые исследования. В течение пяти лет здесь измеряли численность бактерий и грибов в верхнем слое почвы, интенсивность их дыхания и способность фиксировать атмосферный азот. И результаты были получены однозначные: чем ближе к заводу, тем больше угнетается жизнедеятельность почвенной микрофлоры. Например, биомасса азотфиксирующих бактерий вблизи завода меньше контрольной, самой удаленной, в три-четыре раза, а их способность усваивать азот одновременно падает почти в пять раз.

Так, с помощью микробиологии оказалось возможным расследовать любую «природозагрязняющую» деятельность промышленных производств, причем держась от них на почтительном расстоянии.

Кислород бывает разный — атомарный, обычный двухатомный, необычный трехатомный под названием озон. Но есть еще один тип молекул этого вещества — четырехатомный кислород. Его, говорят, совсем мало, ибо образуется он при повышенном давлении, но тут же распадается на более простые формы — примерно через стомиллиардные доли секунды. Такое краткое существование позволило бы и пренебречь этими экзотическими кислородными «полимерами». Да вот некоторые опыты, где через кислород, находящийся под давлением, пропускали световые лучи, показывают, что поглощают кванты в основном как раз четырехатомные его молекулы. А раз их роль столь заметна, хотя бы и в некоторых процессах, то следует их более внимательно изучить.

По представлениям ученых, такая молекула являет собой «димер», где «мономерами» выступают обычные двухатомные кислородные молекулы. Димер, хотя правильнее называть его «димоль», образуется за счет сближения двух нормальных молекул и последующего частичного «обобществления» валентных электронов, которые теперь принадлежат всем четырем атомам в молекуле. В Институте физики имени Б. И. Степанова АН БССР в Минске проверили способность таких молекул поглощать свет лазера и, наоборот, излучать кванты под его возбуждающим действием. Измеряя длину волны люминесценции, а также длительность ее высвечивания, ученые приходят к следующему.

Димоли кислорода в природе, оказывается, не такая уж редкость. Их действительно много образуется в сжатом воздухе при давлении в десятки атмосфер. Но и в обычных нормальных условиях давления димолей тоже хватает. Залогом тому служит большое время жизни молекулы — измеренное заново с применением современной аппаратуры, оно равнялось уже примерно десятитысячной доле секунды. А это может означать только то, что в фотофизике атмосферы димоли кислорода, видимо, играют какую-то свою, пока еще не совсем ясную роль.

Казалось бы, различные элементы крови, всякие там лейкоциты-эритроциты, настолько давно известны из практической медицины, что ничего нового от них ожидать не приходится. Однако вот оно, «удивительное — рядом», о чем поведали изумленному ученому миру сотрудники Второго Московского государственного медицинского института имени Н. И. Пирогова.

Занимаясь исследованием лимфоцитов крови человека и животных, исследователи обратили внимание на размеры клеток и клеточных ядер. Поскольку клеток в пробах было много, то и наборов чисел — результатов измерений — тоже накопилось достаточно.

Тогда ученые принялись анализировать эти числа статистическими методами, в частности, задавшись целью определить характер распределения клеток по размерам. Непонятно только, зачем это им понадобилось, ведь и так ясно, что все клетки близки к какому-то среднему размеру, отклоняясь от него в обе стороны согласно известному «закону нормального распределения».

Нам это ясно было заранее, априорно, а им — нет, вот они и взялись все перепроверить. И не ошиблись!

Оказывается, никакого единого, общего для всех лимфоцитов среднего размера клеток и их ядер нет. А есть набор каких-то разных средних, кстати, равно отстоящих друг от друга. Для площади ядра, например, все его шестнадцать средних значений различаются на один и тот же шаг, равный пяти квадратным микронам. А конкретные клеточные размеры ядер явно тяготеют и группируются вокруг этих частных средних. Получается, что все клетки в популяции по своим размерам строго разделяются на группы — кластеры — со своими функциями и уровнями активности. Причем клетки могут при необходимости переходить из одного состояния — кластера — в другое скачком, увеличивая или уменьшая свой объем. А характер «заселенности» разных кластеров лимфоцитами, считают ученые, позволяет в принципе оценивать уровень и структуру каких-то внешних воздействий на популяцию в целом, а значит — и на организм.

Курьер науки и техники

С чем войдем в XXI век?

П. Щедровицкий
М. Хромченко

Иллюстрация А. Обросковой, фото В. Бреля

Можно ли кого-нибудь чему-нибудь обучить не из-под палки?
Новое знание и традиционная педагогика — антагонисты
Постоянно меняющаяся наука обучать

Моего собеседника застать в Москве трудно. Переезжая из Харькова в Красноярск, из «артековского» Крыма в Находку, из Вильнюса в Ригу, он то участвует в организационно-деятельностных (ОД) играх, то читает курс лекций, то проводит цикл семинаров или так называемый ситуационный анализ. Круг его профессиональных интересов весьма широк — это вопросы управления и регионального развития, экранная культура, экология, инженерия, наука. Но едва ли я ошибусь, если скажу, что приоритетной темой для него была и остается педагогика, от решения проблем которой в первую очередь зависит, какой облик обретет страна в ближайшем и отдаленном будущем.

Но написав все это, я еще ничего не сказал. Потому что особый интерес к беседам с моим соавтором был предопределен не столько тематикой, сколько его подходом к обсуждаемым вопросам, способом мышления, неожиданностью и нетривиальностью высказываемых мнений, которые мне приходилось слышать от Петра Георгиевича Щедровицкого — одного из наиболее ярких представителей то ли профессии, то ли образа жизни, какой ныне осознается ее редкими «адептами» как методология.

Итак, начнем, Петр Георгиевич...

О чем мы говорим?

— Для меня на первое место выходит вопрос о статусе педагогических дискуссий в стране и осмысление их значения для перестройки общества. Мой опыт подсказывает, что в общественном сознании истинного, подлинного, глубинного смысла и значения педагогики нет до сих пор.

— Петр Георгиевич, я полагаю, что педагогическая ситуация в стране, вставшей на путь перестройки общества, хотя и специфична, однако не настолько, чтобы полностью вычленить ее из процессов, протекающих в других странах. Чтобы убедиться в этом, достаточно даже беглого знакомства с зарубежными материалами, отражающими состояние средней и высшей школы. С другой стороны, вроде бы также ясно, что истоки современной ситуации в педагогике уходят глубоко в историю.

— Да, ряд тенденций проявляется во всем мире. Тут вы правы.

При этом, конечно, есть рамка перестройки, специфическая для нашей страны, но разворачивается она в другом темпе и другой логике, нежели реформа образовательных структур. Поэтому тот, кто думает, что демократизация и гласность делают возможной реформу педагогики, заблуждается.

Основная проблема сегодняшнего момента состоит в том, что без публичности знания — экономического, экологического, медицинского, педагогического, любого — не может быть общественного контроля за названными институтами. Но и контроля не может быть, если он непрофессионален,— вот в чем парадокс демократического общества. Здесь граница и передний край борьбы — между общественностью, которая отстаивает право на весомость своей точки зрения по любому вопросу, и профессионалами, контролирующими определенные области человеческой — заметьте, нормированной и организованной — деятельности.

Что по сути я говорю? Должна быть затверждена непонятная и даже не приемлемая для демократического экстаза позиция профессионализма, которая одновременно не ставила бы преграды для демократического движения.

Смотрите, если педагог настаивает: «Не лезьте в мою профессиональную область!», то он не понимает ситуации. Но если у нас везде будет демократический «люмпен», то ничего не будет в стране — ни инженерии, ни компьютеров, ни педагогики. Вот он, нерв и реальный проблемный узел нашей беседы.

— Но мы же с вами стремимся провести анализ ситуации в современном педагогическом сообществе и траектории развития педагогической формации...

— Нет никакой педагогики вне сферы социокультурных проблем. Педагогика есть не что иное, как практика гуманитарного знания. И потому если социокультурного знания нет, то нет и быть не может никакой педагогики. Сама сосредоточенность обсуждения на отрасли есть ошибка, которую фиксирует методологическая позиция.

Приходится вводить педагогику в более широкий социокультурный контекст. Возникает вопрос: кто это может делать профессионально? Я отвечаю: только методолог или философ.

— Как в таком случае предстает дело с точки зрения методолога?

Идея школы — в изменении

— Вспомним, что идея школы (в переводе с греческого «школа» — это досуг, отдых от труда) сводилась к отделению детей от непосредственной трудовой деятельности. Изымая их из производственных процессов в семье или цехе (в нем, кстати сказать, также складывались своеобразные семейные отношения), помещая детей в среду, «безразличную» и даже принципиально противоречащую условиям труда и быта, родители — общество — предоставляли школьникам время для усвоения культуры, для обучения латыни и другим, казалось бы, лишним, «схоластическим» предметам.

И еще один смысл есть в итальянском «школа»: «скала», «лестница», что созвучно идее первых университетов, также изолированных от семейно-ремесленного производства и как бы включавших в себя три иерархические ступени, по которым поднимались «студиозусы».

Первую представлял факультет свободных искусств — математики, геометрии, диалектики, риторики. На второй располагались медицинский, юридический и философский факультеты. Наконец, третью, высшую, ступень занимал теологический, или богословский, факультет. Достигшие этого уровня студенты преподавали на факультетах первых двух уровней и должны были решать, уходить им в гуманитарную практику или в богословие. По мере развития университетов первые две ступени пополнялись другими факультетами, но венчал это здание всегда теологический факультет, формирующий целостную онтологическую картину мира и тем самым обеспечивающий высшую образованность.

Критика — в кантовском смысле — этой системы разумности, в том числе образования, начатая в эпоху Просвещения, разрушила старые структуры и способствовала рождению новых принципов организации жизни. Ведущей становится идея государства, в том числе, по Гегелю, правового. Отсюда вырастает и впервые появившаяся идея профессии — основного набора целостных единиц организации мышления и деятельности, которые, обратим внимание, задавали новый смысл и концепцию образования — подъема к образу государственного мужа и гражданина, должного руководствоваться в своих деяниях благом страны.

Таким образом, высшее образование получило совершенно новый статус: формирование системы государственных чиновников, в том числе учителей, которые несли на себе идеалы и нормы государственности.

— Какой смысл вкладывается в понятие «высшее образование»? Выше чего оно быть не может? В какой момент оно завершено?

— Самый важный и сложный момент связан со статусом и смыслом самой идеи образования и образованности. Введенная неогуманистами — Гердером, Песталоцци, Шлегелем, Гегелем, она явилась основной для ядерного понятия всех гуманитарных наук — о духе или о культуре. Культура, форма и образ мысли составляют основу общественного устройства и человеческой деятельности. Культура и образование отвечают за передачу образцов мышления и деятельности. На переднем плане — воспитательная техника Просвещения, а духовный процесс восхождения к общему, процесс воспроизводства — образования нового по образу того, что есть.

Как и ряд других гуманитарных и философских понятий, это закладывалось в XVI—XVII столетиях, отражая принципы организации жизни людей, которую мыслители XVII века выращивали за счет анализа предыдущей истории, в частности средневековой педагогики и педагогических аспектов теологии. Если не понимать, что спектр идей XVII столетия есть попытка выделить наиболее рациональные моменты предыдущей истории, взяв из нее все положительное, в том числе для обучения и «воспроизводства» людей, то работать с понятиями образования и образованности очень трудно. Потому, прежде всего, что в основании христианской педагогики и новых формаций жизни лежала идея становления человека по образу и подобию. Но если для христианской педагогики было ясно, по образу и подобию чего — образцом выступала идея Бога, то для последующей педагогики это стало проблемой. Идея образования и становления человека осталась, но потребовалось разработать новую систему образцов и образов, в соответствии с которыми он должен был формироваться.

Сегодня мы продолжаем жить в формах гуманистических традиций, заложенных реформами Коменского, Песталоцци и других мыслителей XVII—XIX веков, в свою очередь, подготовленными более чем столетним развитием европейской педагогики, занятой конструированием нового содержания и новых организационных единиц среднего образования. Сменив идеологические ориентиры средневековья, гуманистическая традиция привнесла идею Человека. Именно это и оказалось главной сложностью для реформаторов педагогики, потому что отправной точкой для построения системы образования может быть не человек, а только та деятельность, в которую ему предстоит войти подготовленным.

Кропотливая работа десятков и сотен людей по формированию нового учебного содержания как бы фокусируется в известных нам именах педагогов, сумевших соотнести практику обучения с теорией. Например, Ратихиус развивал идею соразмерности обучения с этапами созревания ребенка. Песталоцци в своем Доме Ребенка решал другую задачу: как разворачивать постоянно усложняющуюся «машину» организации, структурирования и развертывания математического знания, чтобы от элементарного понятия о числе подняться ко всей системе.

Успех Коменскому, в определенном смысле универсальному синтезатору, обеспечило удачное сочетание формы Братских школ (поурочная организация обучения) с идеями того же Ратихиуса, Альштета, писавшего философию целостного знания, Шмидта, который искал единицы содержания, соразмерные времени урока или «шагу усвоения». Так была создана целостная концепция среднего образования, в своих основных принципиальных чертах дожившая до наших дней.

В XVIII веке реформатор системы образования в России Иван Бецкой ввел принцип: дети должны покидать отчий дом и переселяться в казармы, отдых им предоставляется раз в году, посещения родителям не разрешаются (лицеи). Отсюда, к слову, и понятие дисциплины, говорим же мы: «учебные дисциплины».

Никакого другого способа образовывать нет, во всяком случае, я его не знаю. Разумеется, ныне мы имеем дело с совершенно иной ситуацией, требующей пересмотра всего списка понятий и представлений. Но проблему мы зафиксировали.

Школа — связь времен.
Ее кризис — кризис этой связи

— Понимаю вроде ваш тезис, но принять не могу. Я убежден, что «казарма» может быть превращена в Дом Радости, что обучение может быть пусть «каторгой», но «сладкой», как определяют свой труд иные писатели. Для этого нужно лишь осознание необходимости обучения, понимание тех колоссальных преимуществ, которые дает подлинное образование, формирование и развитие интеллектуальных функций.

— Казарма как Дом Радости — для меня все равно, что квадратный мяч, хотя как проектную идею, не больше, принять могу.

Одной из центральных характеристик ситуации в области образования и педагогики оказывается гигантский разрыв между словом и делом, между идеологией и практикой работы сообщества. В идеологии все «за» — за то, чтобы каждый человек был микрокосмом, за вариативность и разнообразие. А в практике действий осуществляем противоположное: все системы понятий и представлений, все оргформы построены на принципах унификации. Подобная противоречивость — в так называемой гуманистической педагогике.

Я же утверждаю: нет и не может быть никакой педагогики сотрудничества; либо одно, либо другое. Педагогика может быть только из-под палки!

— Не соглашусь с вами, потому что, на мой взгляд, учитель в идеале должен наладить сотрудничество с учеником.

— Все это мифы идеологии. Красивые, увлекательные, но не имеющие никакого отношения к практике нашей жизни, тем более что мы предполагаем вступить на путь развития, отвергающего воспроизводство. Организуя любую свою деятельность, мы опираемся на известное, прежде всего реализуя старый стереотип и штамп. И хотя ситуация, скажем, для меня всегда нова, я все равно начинаю с нормы. Я, вы, педагоги — все мы воспроизводим то, что знаем и умеем, ничего иного.

— Но опираясь на комплекс интеллектуальных функций — понимание, рефлексию, мышление,— вы в каждой новой ситуации обретаете новый опыт и начинаете двигаться дальше, если...

— Нет, ни я, ни вы не можем двигаться дальше, без всяких «если». Развитие отрицает и разрушает воспроизводство, а воспроизводство — развитие. Если я пытаюсь начать развиваться, то должен все прежние формы и нормы деятельности разрушить, а значит — уже не могу ни достигать цели, ни получать необходимые продукты деятельности — обучать, воспитывать. Отказавшись от старого опыта и переходя на идеологию сотрудничества, педагоги перестают учить детей чему бы то ни было.

Вот подлинная проблема, на которую выходит вся современная педагогика. Разрушая традиционную форму организации педагогического процесса, мы перестаем обучать и воспитывать, выдаем необученных и невоспитанных учеников, тем самым прерывая всю преемственность социокультурной жизни. Новая педагогика возникнет на новом уровне, и это — самое главное.

А начал я с утверждения, что подлинная педагогика может осуществляться только из-под палки. Что это значит? А то, что педагог — это носитель определенных норм и систем, социальных, общественных, социокультурных ценностей и целей. Их он привносит в учебный процесс, ими определяет формы взаимодействия с ребенком, которому они... противны. Да-да, противны, потому что не соответствуют его органике, естественным траекториям его жизни. Возьмите средневекового школяра, который должен был переписывать и заучивать, истолковывать и критиковать, вживаться в сложный канонический текст. Возьмите дворянина со шпагой на боку, который за стенами университета оставлял мир пирушек и дуэлей, или, наконец, современного школьника и студента. Всегда педагогика строилась на разрыве и рассогласовании двух миров — мира социальных ситуаций (дома, улицы), с одной стороны, и мира культуры — с другой. Как только педагог начинает «сотрудничать», «входит в понимание» жизни, становится «своим в доску», он тут же перестает быть носителем и «калиткой» в мир идеального содержания и культуры, а значит — уже ничему научить не может.

Ученик, по понятию, есть инстанция, которая отказывается от своего права на правильную интерпретацию происходящего и видения мира, то есть отказывается от онтологических утверждений — о мире, о бытии — в пользу педагога. Встать в позицию ученика — значит сознательно и целенаправленно отказаться от права делать утверждения о мире, принимая те рамки и ту картину мира, которые несет учитель.

Однако, остановившись на этом, ученик никогда не станет личностью. Если не происходит совершенно другого. Либо ученик сам — за счет какой-либо специальной организации своих усилий, сознания, позиции, либо учитель — за счет целенаправленных действий сформирует для ученика ту зону — интеллектуальную, практическую, по отношению к которой ученик начинает строить свой мир, формировать свою сферу влияния и собственности, вырабатывать ответственность по отношению к тому миру, за который он взялся и который развивает. Так, ученик становится личностью, когда, проходя через экзамены, доказывает, что освоил, овладел и присвоил тот или иной мир, а теперь несет ответственность за развитие в этой области теории и практики.

И наконец, вновь совершенно иной вопрос: направленность реформистских тенденций в области образования, затрагивающих в основном формы его организации. Но любые попытки внесения новых знаний в практику обучения реально приводят лишь к разрушению концентров содержания (Песталоцци), которое последние лет сто обеспечивает школьное обучение. И потому следует, наверное, признать, что под воздействием всех этих тенденций школьное образование будет разрушено окончательно. Об этом стоит сказать вслух, потому что иллюзии вредны. И вопрос тогда надо поста-

вить иначе: что может и что должно быть построено взамен, что начинать строить рядом, на каких принципах это строительство вести, с тем чтобы выйти на передовые рубежи в области среднего и высшего, непрерывного и дополнительного образования, переподготовки и повышения квалификации.

На мой взгляд, кризис образовательных институтов, возврат к идее университетов с переосмыслением их роли и значения, обсуждение проблем непрерывного, дополнительного и самообразования схватывает и отражает главное — рассогласование процессов воспроизводства деятельности и развития, которые «отпечатываются» на судьбах отдельных людей. Следом за Гамлетом мы имеем все основания для того, чтобы говорить о разрыве времен, об утрате целостности мира как необходимого условия воспроизводства и развития культуры.

Утверждение идеологии материального образования, первой ступенью которого является единая трудовая школа, ведет к превращению человека в крепостного единственного для него производственного мира. Если человек, как было в эпоху цеховых общин, лет пятнадцать растирает в мастерской учителя краски, то, даже осознав, что великого художника из него не получится, сменить мир, вырваться из него не сможет. Точно так же не могут изменить образ жизни люди, с детства обученные какой-либо одной специальности, что при нынешнем динамизме цивилизации становится фатальным.

Иными словами, материализация и специализация подготовки человека к одной и достаточно узкой производственной функции привели к разрыву времен и мира. Все беды с образованием — это следствие разрушения функционального места человека в мироздании. Понять это необходимо, но недостаточно — надо искать решение, как возродить принципы идеального образования, восстановить ориентиры педагогики, которая могла бы вооружать человека способами жизни в условиях непрерывного развития. Выход из сложившейся ситуации возможен только за счет формирования нового мира идеального содержания и строительства новой педагогики, которая только и способна ввести в него. Но для этого новый мир надо вначале прочертить и оформить — как в плане предметного содержания, которое может быть передано взрослым и детям, так и в плане оформления схем образа жизни, новых личностных и ценностных ориентиров, новых демонстрационных образцов.

Два шага назад?

— Если я правильно понимаю принципиальные установки вновь созданного Госкомитета по народному образованию, то он, включая бывший Минпрос, должен заниматься лишь управлением, тогда как школы сами разрабатывают содержание обучения...

— Давайте вдумаемся в ситуацию. Рост научных знаний и превращение науки в технологию по производству знаний совершенно изменил их статус, а так как высшая школа специализирована и предполагает определенную подготовку абитуриента, то начинается экспансия вновь полученного знания в систему школьного обучения. Естественно, что такая экспансия может идти только за счет внутренних ресурсов самой школы. В результате якобы методисты всякий раз проделывают одну и ту же работу. Анализируя содержание учебных дисциплин, из них вынимают те разделы, которые, с точки зрения методистов, являются незначимыми; на освободившиеся часы вставляется «новое знание». Но критериев для определения, что значимо, что — нет не существует. Поэтому вместо конструирования новых «машин» содержания убираются все пропедевтические курсы — введение в специальность, убираются все разделы, направленные на формирование мышления и понимания.

До сих пор никто не ответил на вопрос, какую функцию и какое значение имели «мертвые языки». И мало кто понимает, что они служили мощным средством формирования мышления, мысли-коммуникации, организованной речи.

— Но не компенсировало ли отсутствие «мертвых» языков преподавание современных?

— Нет, конечно. Во-первых, их преподавание сегодня также ниже всякой критики. Во-вторых, «мертвый» язык уже неизменен. Благодаря ему ученики через римскую и греческую литературу крепились в культуре. И пока эти языки оставались в гимназическом курсе, не было проблем с преемственностью поколений: дети и родители должны быть в равной мере прикреплены к более широкой культурной рамке.

Так или иначе, подлинного анализа значения, смысла, направленности учебных предметов, дисциплин и курсов никто не проделал. Потому и происходит постоянный процесс «вытеснения», а одновременно обессмысливаются основные курсы. Лишенные своего базисного каркаса, они превращаются в сумму абстрактных знаний, в неосмысленные догмы. Теряется всякая направленность обучения, развития мышления и понимания учащихся.

— Не потому ли так происходит, что изменилась направленность высшей школы, которая задает принципы среднего образования?

— Источников, причин тому было много. Это и все большая массовость образования с середины XIX столетия. И демократизация общественной жизни, которая предоставила каждому доступ к образованию и одновременно кардинально изменила управление системой образования. И гигантский рост темпов общественного производства, смена профессий, моральное старение знаний и представлений. И неумение связать процессы базового и профессионально-специализированного обучения. И возникновение широкой системы дополнительного образования, которое вырывается за рамки существующих систем управления социальной педагогикой и движется в своем темпе.

— В таком случае следовало бы вернуться к тем характеристикам ситуации, которые обнажили ее наиболее очевидную опасность. Я имею в виду гамлетовский тезис о разрыве времен, необходимость восстановить трансляцию норм и образцов культуры. До развития ли нам в подобной ситуации?

— Понятно, но именно на это я вам и возражаю. Никакого восстановления, говорю я, вне развития быть не может, поскольку восстанавливать «связь времен» можно только одним способом — двигаться вперед. Идея развития вводится здесь как альтернатива собирательству «осколков культуры», чем пытается ныне заняться так называемая экология культуры. Развитие необходимо как строительство нового, в которое в качестве естественного, органического момента должно входить старое. А разработка содержания требуется, исходя из иных целей; оно задает установку на объективное, что существует независимо от целей, проблем и исканий отдельных групп людей. Тезис о содержании ставит, по сути дела, предел субъективизму, который ныне цветет пышным цветом благодаря энтузиазму учителей-новаторов, проповедующих свои догмы и мифы.

Не имея ни идей, ни устремлений к новому объективному идеальному содержанию, они «несут себя», используя старую форму школы или института для распространения своего образа жизни. Это единственный путь становления новой педагогики, но при одном условии: если внедряемый образ жизни перестает быть их образом жизни, а становится некой идеальной, конструктивной и содержательной схемой, которая может быть передана, рассказана и объяснена независимо от техники личности. В этом основа идеи содержания образования, противостоящего технике, форме организации и личности. Поэтому в условиях развития — поиска, инноваций, критики всего того, что есть,— установка на разработку содержания образования обязательна.

В этом смысле мы как бы заново переживаем время вхождения человечества в эпоху христианской идеологии и педагогики III тысячелетия. Она еще должна появиться, построив новую картину мира и новую аксиологию, а затем вернуться назад и попытаться ассимилировать все элементы «греко-римской» педагогики, культурную историю человечества, включить в нее все элементы образования и сделать их органическими для новой цивилизации.

— Цивилизации ноосферы?

И шаг в новое пространство

— Ее можно называть и так, но мне важнее другое. Изменчивость мира ныне достигает такой скорости, что по многим пунктам мы обязаны отказываться от схемы педагогики и переходить к идеям антропоники — «выращивания» людей, способных меняться самим и быстро обучаться в быстро меняющемся мире.

Здесь принципиально важно изменение соотношений между рамками воспроизводства и развития. Если христианская педагогика должна была отвечать на вопрос, как можно развиваться человеку в условиях воспроизводства культуры и деятельности, то мы теперь обязаны ответить на вопрос, как сохранить воспроизводство в условиях развития! И при этом построить и сохранить новую целостность мира!.. Эта ситуация превращает каждого человека в своего рода экспериментальную площадку.

Иными словами, в ситуации развития каждый человек должен по поводу себя принимать личностное — волевое и организационное — решение, а педагогическая система обязана лишь подвести его к такому решению и дать достаточно открытый мир, в котором он сможет самоопределяться, снабдив средствами для самоопределения, но не самим конкретным решением. Мы так не живем и не работаем.

Коренное, принципиальное отличие нынешней ситуации в сравнении с XVIII веком, особенно если анализировать тенденции на перспективу, сводится к тому, что мы поняли — мир идеального содержания м н о ж е с т в е н! Отсюда и вывод о необходимости многих разных педагогик и школ — соответственно числу миров, а далее — о необходимости развертывания системы непрерывного образования. Непрерывного не в смысле последовательности одного направления — от детского сада до института повышения квалификации, а в бесконечной вариативности, возможности смены траекторий обучения и личностного выбора направлений.

В свое время борьба против теологии и схоластики сводилась по сути к борьбе с монотеизмом. Светская школа (в своей культурной части) утверждала идею культурно-исторического плюрализма. Антикультурный, с точки зрения традиционной педагогики, декрет Французской буржуазной революции о свободе преподавания фиксировал тот же принцип множественности миров, который — в силу его непроработанности — не был реализован и потому сменен гегелевской идеей государственного человека. В ней отражен тот же монизм — создание одного мира, в который должен войти человек,— мира государства.

Отсюда вывод: чтобы позитивная идея культурно-исторического плюрализма или множественности миров не превратилась в свою противоположность, необходимо каждый из этих миров проработать и детально оформить с о д е р ж а т е л ь н о. По каждому направлению делать вклады такого уровня совершенства, как некогда были сделаны по единственному. Это потребует напряженной работы сотен и даже тысяч педагогов.

— Что в практическом смысле означает признание идеи множественности педагогических миров?

— То, прежде всего, что мы иначе начинаем относиться к человеку, предоставляя ему — как подлинной личности — право выбора любого из миров. В этом пункте сталкиваются и противоборствуют различные концепции. Сторонники психологической утверждают, что каждый человек предназначен для одного мира. Сторонники социально-исторической придают особое значение траектории, которая выводит человека в тот или иной мир. Наконец, утверждается концепция социокультурного проектирования и программирования, которая предусматривает создание разных пространств и обеспечение возможных путей перехода из одного в другое за счет реализации идеи непрерывного образования.

— Вы неоднократно упоминали систему непрерывного образования, настаивая на том, что это не пристроенные «в затылок» детсад, школа, техникум и вуз. В таком случае какой смысл вкладываете вы в это понятие?

— Я утверждаю, что концепция или идея непрерывного образования есть особый модус существования личности, ее самоорганизации. Но если мы действительно создаем такую разнообразную систему подготовки

кадров и сеть образовательных институтов, то возникают вопросы: при каких условиях человек может осуществить сознательный выбор трассы своего движения по образовательным институтам и как автономная личность строит для себя программы развития и подготовки?

Чтобы ориентироваться в разнородной системе, человек должен проектировать трассу своей жизни, и только при этом условии он может существовать в условиях системы непрерывного образования. А это очень сложное требование к его самоорганизации. Любое разнообразие мира — социальных систем, культурных институтов — требует интеллектуального роста человека. И если создаваемое разнообразие опережает этот рост и вводится без соответствующих проектов роста личности, то человек может только разрушаться. Эффекты псевдодемократии обусловлены именно этим.

То же самое с непрерывным образованием. Оказавшись перед выбором, но не имея способов самоорганизации, человек теряется, его движения начинают определяться случайными обстоятельствами. И то, что мы выигрываем, создавая условия выбора, то же и проигрываем при реализации на уровне отдельного человека. Вот почему важно обсуждать условия, при которых он не будет потерян, создавать их параллельно с формированием системы непрерывного образования, даже ее опережая.

Небольшое отступление. Проблемой России всегда было отсутствие национальной философии, то есть пространства идеального содержания. Все обученные элитные группы «крепились» к заимствованному, чужеродному, иностранному миру культуры. Ситуация начала меняться с конца XIX века, когда стала оформляться и крепнуть оригинальная русская философия со своими онтологическими картинами мира и чрезвычайно перспективными траекториями развития образования как практики философии.

Кстати сказать, сегодня многие, в том числе на Западе, убеждены в том, что именно в России заложены истоки будущей духовности мира, причем методология есть лишь конкретно историческое проявление этой тенденции. Вся история развития страны шла таким образом, что к середине следующего столетия на «шестой части суши» должен сформироваться ресурс развития человечества на 300 лет вперед. Но условием его формирования должно стать нечто вроде придания личного дворянства каждому выпускнику высшего учебного заведения. Если школа есть «лестница» в новый мир, то он должен быть социально, и юридически узаконен — явно, зримо, публично.

Итак...

— *Обсуждая нынешнюю педагогическую ситуацию в исторической рамке, вы упомянули как пример переход от концепций христианской педагогики — через эпоху Возрождения — к идее государственности. Что задает такие переходы, что их обеспечивает и что они означают?*

— История педагогики и систем образования раскрывает несколько различных формаций, которые, сменяя друг друга, по сути дела соозначны формированию новой концепции человека, универсума деятельности, социальной организации. Они формируются, складываются и возникают отнюдь не сразу, но в какой-то момент «вдруг» создают целостную единицу, которая определяет развитие человечества лет на триста — пятьсот и более. Каждая смена педагогической формации, а можно выделить по крайней мере несколько — греко-римская образованность, христианская педагогика,— есть грандиозная социокультурная революция.

Что же на уровне конструктивной работы нескольких поколений задает такой сдвиг и переход от одной формации к другой? Беря в качестве примера формирование христианской педагогики и ее специфического содержания, мы должны понимать, что этому предшествовало возникновение специальных деятельностных систем, в которых кристаллизуется и дальше распространяется определенная концепция организации образа жизни: скажем, монастыри V — VI века новой эры. Параллельно формируется система рамок, втягивающих в себя греко-римскую идеологию, круг знаний о мире и вместе с тем задающих организационно-деятельные ориентиры для самоопределения. Здесь же появляется основа для возникновения университетов.

При этом содержание знаний не заимствуется, вот что важно. Берется материал, который становится содержанием только в процессе переноса, по мере рефлексии и анализа опыта, философских концепций и умозрений, деятельностных систем. Содержание возникает в рефлексии — по поводу анализа материалов текстов, существующих в библиотеках, и в связи с новыми рамками организации жизни.

Но если такая гипотеза правдоподобна, то мы сегодня обязаны проделать то же самое — задать новые рамки мысли (идея Бога становится рамкой жизни лишь с появлением монастыря; а как абстрактная идея, изложенная в Библии и в соответствующих комментариях к ней, она есть рамка мысли) и новые рамки жизни, ввести их в ткань новой рефлексии н... Так начинается работа нынешних поколений по реинтерпретации всей предыдущей истории человечества и формирование нового педагогического содержания.

— *Так куда же зовет автор?*

— Смысл наших бесед не в том, чтобы куда-то звать и вести, а совсем в другом. Необходимо очертить и задать проблемные области, даже сферу проблем, которые надо обсуждать и над которыми размышлять. Я хочу вывести читателя не на проекты социального действия, а на методологическую по сути точку зрения и подход.

Я вижу четыре основных пункта нашей беседы, вокруг которых была бы крайне полезной широкая дискуссия. Это — глубинный исторический кризис педагогики, один из выходов из которого указывает идея непрерывного образования. Это ход на зарождение и становление новой педагогической формации как формации развития. Это идея содержания образования и, наконец, методологическая позиция, которая может выступать в названных ранее превращенных формах. И все эти четыре пункта, собранные в комплексе социокультурных проблем, должны решаться в очень широком залоге.

ВО ВСЕМ МИРЕ

Без забот

Традиционная привязанность англичан к газонам в садах и парках хорошо известна. Однако уход за газоном требует немалых забот. Голландский селекционер вырастил траву с чрезвычайно ценными качествами. Поливать и косить ее можно очень редко, а полоть и удобрять вообще не надо. Трава прекрасно растет и на неплодородных почвах, и в любом климате. Кроме того, она выделяет естественный гербицид, который подавляет развитие сорняков.

Новый вид травы был выведен на основе нескольких различных видов. Она растет медленно и имеет темно-изумрудный цвет. Правда, англичанам придется подождать еще шесть-семь лет, прежде чем они увидят свою мечту осуществленной. Это время понадобится для того, чтобы еще раз проверить на практике качества новой травы и накопить достаточный семенной фонд.

«Черный ящик» на корабле

По инициативе одной из западногерманских фирм создан морской «черный ящик» — специальное записывающее устройство, подобное тому, которым снабжен любой современный самолет. Новое устройство будет автоматически регистрировать все параметры рейса, включая местоположение корабля, состояние погоды и моря, глубину дна под килем, обороты винта и так далее. Морской «черный ящик», который на самом деле оранжевый, снабжен поплавком, радиомаяком и укрепляется на капитанском мостике. Если корабль затонет, автоматическое устройство отделится и начнет подавать радиосигналы, чтобы его «засекли» и вынули из воды. Информация, записанная на магнитную ленту, поможет специалистам определить причину аварии.

Жаба-робот

В Калифорнийском университете сконструирована модель жабы-робота. «Мозг» сделан из искусственного волокна, а в «памяти» записано множество сведений о поведении животного. Странный робот может прыгать, двигаться в нужном направлении, ловить мелких насекомых и даже плавать под водой. Это дает ученым уникальную возможность анализировать ряд не ясных до сих пор ситуаций с животными на суше, на воде и под водой.

Молочная ферма — без коров

Французский филиал шведской фирмы «Альфа-Лаваль» создал абсолютно автоматизированную фабрику для производства соевого молока. За час — 300 килограммов соевых зерен перерабатывается в 1500 литров продукции. В соевом молоке содержится четыре процента белка. Вместо животных жиров, которые в организме человека превращаются в холестерин, соевое молоко содержит растительные жиры, предохраняющие от инфаркта. Нет в нем и молочного сахара, вызывающего нередко расстройства пищеварения.

Фабрику обслуживает один человек. А все оборудование занимает площадь в три квадратных метра.

Рисунок Ю. Сарафанова

Как в анекдоте

Есть старый анекдот: что получится, если скрестить ужа с ежом? Метр колючей проволоки! Ну а если попробовать скрестить светляка с табаком? Тут дело посерьезнее. Правда, ответ на такой вопрос кажется неправдоподобным: светящийся табак! Этого добилась группа ученых из Калифорнийского университета в городе Сан-Диего. А возможным такое «чудо» стало благодаря генной инженерии. Введя ген светляка в генетический материал табачного вируса, ученые и вывели растение, которое светится в темноте.

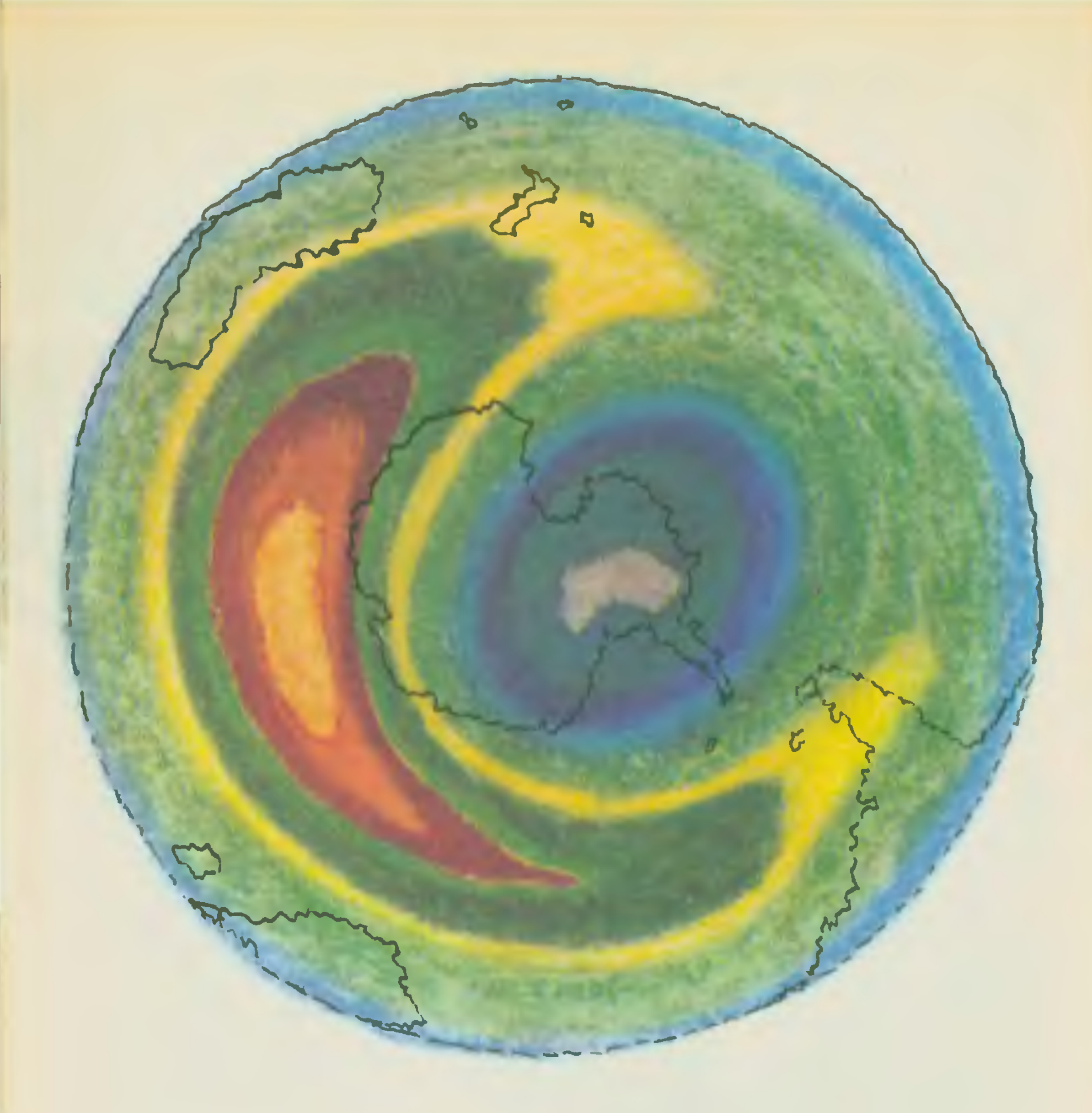
Эксперимент позволил продемонстрировать необычные возможности генной инженерии, дав ученым инструмент, позволяющий определить, как гены делают свое дело. Но почему же для проведения опыта был выбран именно табак? Оказывается, в молекулярной биологии растений табак обычно играет роль подопытной лабораторной крысы. На снимке: так выглядит днем и ночью табак, выведенный с использованием генетического материала светляка.

Энергия Солнца сегодня

В калифорнийской пустыне Мохаве построена солнечная электростанция «Луз интернэшнл». Она занимает 340 гектаров. Площадь большая, но это и понятно. С восходом солнца компьютерная система начинает ориентировать по нему 540 тысяч параболических зеркал. Они следят за Солнцем от восхода до заката. Фокусируя солнечные лучи, зеркала направляют их на темные трубы из нержавеющей стали, по которым протекает синтетическое масло, нагреваемое до 390 градусов. Поступая в теплообменник, оно отдает свое тепло воде, превращая ее в пар, приводящий в действие турбогенератор, который и вырабатывает электроэнергию. Как видите, все «просто». Генераторные установки компании «Луз» мощностью 30 тысяч киловатт — первые в мире тепловые электростанции на солнечной энергии коммерческого масштаба. Новейшие из этих установок уже рентабельны. Они вырабатывают электроэнергию, стоимость которой 12 центов за киловатт-час, хотя первоначально цена была в два раза выше.

Первая из пяти новых солнечных установок мощностью 80 мегаватт начала работать в 1989 году в городе Харпер-Лейк. Предполагается, что компания «Луз» в недалеком будущем целиком перейдет на переработку солнечной энергии в электрическую, а акции компании будут продаваться всем желающим.

ПРОБЛЕМА: ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗДУМЬЯ

С. Морозов

Отчего все случается именно там, где случается, или Вездесущая геодинамика

Все связано в мире — от самой далекой звезды в небесных просторах и до мельчайшего атома в песчинке под ногой человека... Так, оказалось, что существует связь между любовью, поэзией, землетрясениями, огнем, гремучими змеями, радугой, драгоценными камнями, уродством, солнечными закатами, львиным рыком, светильным газом, каннибализмом, красотою, убийством, рычагами, точкой опоры и табаком. Теперь Вселенная предстала перед ним как единое целое...

Дж. Лондон, «Мартин Иден»

В духе эпиграфа вопрос к читателю: что общего у сейсмических облаков, сопровождающих некоторые землетрясения, и ленинградских наводнений, у аварии продуктопровода под Уфой, крушения экспресса «Аврора» и прорыва дамбы в Стебнике, когда а Днестр хлынули сжигающие все рассолы? Трудно ответить? Тогда — подсказка: к перечню можно добавить многочисленные случаи внезапных изменений русла рек, морских берегов, дебита нефтяных и артезианских скважин. Еще? Приплюсуйте сюда же «летающие тарелки», Бермудский треугольник, массовое самоубийство китов, лесные пожары, нарушение радиосвязи и свечение неба перед землетрясениями, повышенный мутагенез в сейсмоактивных зонах. Из этого же разряда — головная боль перед дождем и полудетективная история с поисками пушек Беринга, то уходящих на несколько метров в песок, то опять возникающих на поверхности.

Распределение содержания озона над Антарктидой, 1988 год.

Если принять, как на карте из учебника физической географии, что цвета минимальной концентрации — впадины, а максимальной — возвышенности, то получим картину, очень похожую на рельеф шаровой функции.

Облачный след вариации гравитационного поля, связанный с активизацией канала в мантии. Подобные «диски» часто причисляют к разряду НЛО, хотя причина вполне земная, точнее внутриземная. (Снимок опубликован в журнале «Наука и жизнь», 1979 год, № 8.)

Нет, перед вами не тест на наличие чувства юмора и не попытка поиздеваться над уважаемым читателем. Многие, наверное, уже догадались, что все эти феномены связывает между собой геодинамика, а если точнее, то КПЛВ[1]. Загадочная аббревиатура расшифровывается достаточно длинно: короткоживущие подкоровые локальные возмущения. Именно такое название получили флуктуации потоков вещества через основания каналов в мантии. Гипотеза о существовании КПЛВ подтверждается целым рядом наблюдений. И, как считают ее авторы Э. Бородзич и П. Беспрозванный, изучение КПЛВ позволит в будущем по-настоящему решить проблему прогноза землетрясений и других геодинамических процессов.

Как их измерять?

Постойте, скажет проницательный читатель, примеры — это всего лишь примеры, а гипотезы — не более чем предположения, в той или иной мере остроумные. Если КПЛВ действительно существуют, то как их регистрировать? Неужели авторы изобрели новый и, как водится, дорогостоящий способ? Отнюдь, дорогой читатель. Дело обстоит иначе. Кстати, почем нынче мертвые души? А прошлогодний снег? Нет, шутки в сторону, нас на самом деле интересуют старые метеорологические архивы...

Известно, что над разломами коры часто располагаются облака, причем их цепочки «трассируют» геологические структуры, запрятанные порой под километровыми толщами осадочных пород, а иногда и морской воды. Этим феноменом геологи пользуются очень широко, особо не задумываясь о происхождении природного подарка, благодаря которому сокращаются затраты на дорогостоящее бурение и многие полевые работы.

Что же способно влиять на атмосферу через километровые толщи?

Электромагнитное воздействие? Нет, оно экранируется: в подземной гидросфере встречаются обширные линзы рассолов, а в структуре облаков это не отражается.

Магнитное воздействие? Его можно бы допустить, но тогда облака должны реагировать и на много более интенсивные «магнитные бури».

Радиация? Увы! При распаде радиоактивные атомы создают изотропное (одинаковое во всех направлениях) излучение. Вот почему уже на километровых высотах в атмосфере вместо узких (сотни метров) цепочек облаков будут наблюдаться слабоконтрастные облачные поля, не пригодные для выявления разломов.

Тогда, быть может, феномен объясняется присутствием в «дыхании» разломов иных компонентов, которые в принципе могли бы вызвать конденсацию? Опять не то. Ведь облака «зависают» над разломом даже при ветре, который снес бы все диффундирующие и всплывающие компоненты...

Да, кажется, с этим феноменом дела обстоят иначе и гораздо интереснее.

Попробуем подойти к проблеме с другой стороны. Задумаемся, к чему способны привести флуктуации потоков вещества через основания каналов в мантии? О том, что они вызывают короткоживущие подкоровые локальные возмущения (КПЛВ), мы уже говорили. А еще? Очевидно, флуктуации, деформируя «содержимое» канала, обязательно уплотняют или разуплотняют его. При той же длине в канале оказывается либо больше вещества (подток), либо меньше (отток).

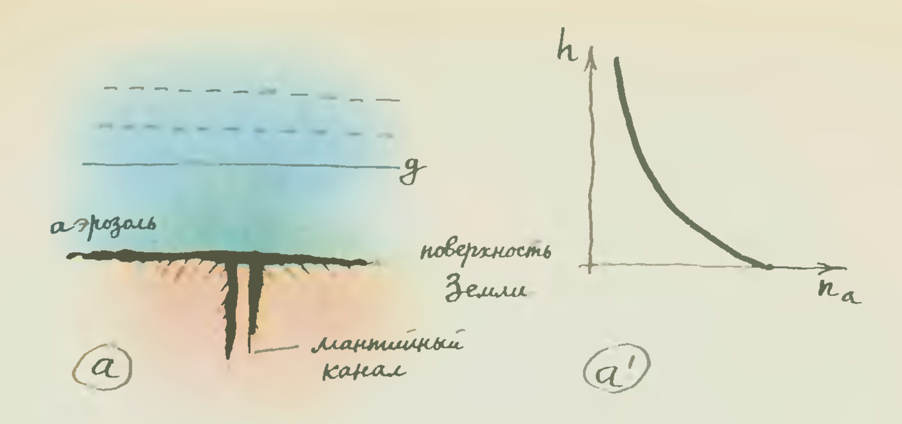
Факт весьма любопытный, если учесть геометрию канала (отношение его длины к поперечнику более 10:1). Прямые вычисления показывают, что сила тяжести в окрестности канала будет изменяться. Вот она, необходимая анизотропность! Ведь максимальное изменение силы тяжести у поверхности Земли будет приурочено к оси канала.

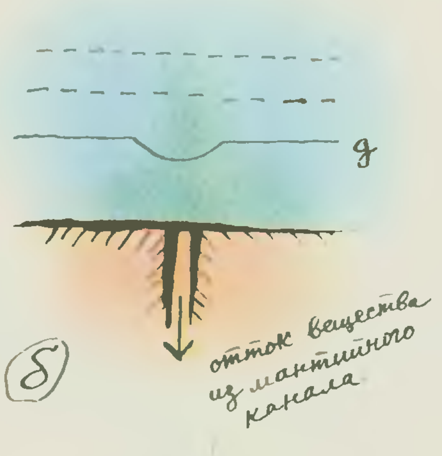
Стоп! Не будем увлекаться. Элементарные расчеты показывают, что возможная вариация силы тяжести ничтожна: стометровое облако весом около тонны при этом потяжелеет или станет легче на десятую долю копейки. Нет, такой силой, конечно, облака не удержать.

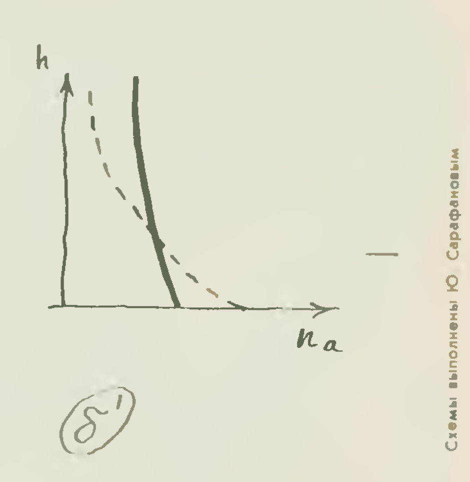
А что если обратиться к частицам аэрозоля, попросту пылинкам, на которых идет конденсация? Известно, что они гораздо чувствительнее к изменению силы тяжести. Ее уменьшение вызывает заметный подъем пылинок в верхние слои атмосферы. И та же вариация силы тяжести (на одну десятимиллионную), которая практически не повлияла на вес облака, совсем иначе сказывается на поведении пылинок.

Так, концентрация частиц аэрозоля диаметром 0,2 микрона на километровой высоте возрастает... в тысячу раз! Этого уже

[1] Читайте статью С. Морозова «Что предвещают предвестники землетрясений», «Знание — сила», 1991 год, № 6.

Схемы выполнены Ю. Сарафановым

Схема воздействия КПЛВ на атмосферные процессы.

а) Невозмущенное состояние.

Слой воздуха, содержащий значительное количество паров воды, но недостаточное для их конденсации количество аэрозоля.

Ускорение силы тяжести (q) постоянно вдоль поверхности Земли.

а') Концентрация аэрозоля (n_a) в зависимости от высоты (h) одна и та же вдоль поверхности Земли

б) Появилась отрицательная вариация силы тяжести, и концентрация аэрозоля в этом слое воздуха над линейным каналом резко возросла.

Над мантийным каналом сила тяжести (q) понизилась.

б') Над мантийным каналом аэрозоль «всплыл», в других районах концентрация аэрозоля с высотой осталась такой же, как и раньше.

в) Началась конденсация паров воды на частицах аэрозоля над мантийным каналом — образуется облако.

При конденсации паров воды выделяется тепло Δq. Облако прогревается, его объем увеличивается, оно делается легче окружающего воздуха.

г) Облако начинает всплывать. При этом оно работает как поршень: под ним — зона пониженного давления (—Δp), туда устремляется с периферии воздух, несущий в зону мантийного канала дополнительное количество аэрозоля, который в свою очередь всплывает и тоже попадает в облачный слой, усиливая процесс.

д) «Облако-поршень» не жесткое. При всплытии над ним образуется зона повышенного давления (+Δp), причем максимум избытка давления — в его центре. По краям воздух перетекает сверху вниз, давление стремится выровняться. Поэтому края облака всплывают быстрее, всплытие середины тормозится максимальными перепадами давления $+\Delta p_{max}$ и $-\Delta p_{min}$ сверху и снизу. В результате облако принимает тарелкообразную форму.

е) Все возрастающая разница скоростей всплытия облака (v) в его центре и на периферии приводит к разрыву облака в центре. Образуется своеобразная облачная воронка. При разрыве облака происходит скачок изменения давления (Δp). Возникают порывы ветра.

вполне достаточио, чтобы нарушить неустойчивое равновесие: конденсация в определенном слое воздуха иачнет преобладать над испарением. Возникает облако. Но не только. При кондеисации в слой выделяется тепло, он нагревается, уменьшаетси его плотность, и в итоге слой всплывает. Такой всплывающий слой, как поршень, создаст под собой разрежение (понизит давление) и будет засасывать с периферии воздух, создавая ветер.

Описанная ситуация возникает при уменьшении силы тяжести, то есть при оттоке вещества (через основание канала), сопровождаемом опусканием поверхности. Подток вещества при КПЛВ вызывает обратный процесс, который приводит к исчезновению облака и поэтому, к сожалению, остается невидимым.

Резумеется, здесь для простоты изложения опущены многие важные детали. Главный же вывод очеаидеи: некоторые аномальные состояния атмосферы действительно можно использовать для картирования КПЛВ.

Вот он, инструмент для регистрации КПЛВ! Метеорологическая аппаратура! Более того, существует вполне удобный для исследования КПЛВ регламент наблюдений: ведь состояние атмосферы регистрируется ежедневно, каждые три часа. Тут уж колебания длительностью в несколько часов не останутся незамеченными. А главное — уже есть результаты многолетних режимных наблюдений, охаатывающих практически всю Землю, во всяком случае сушу. Остается «пустяк» — проанализировать эти результаты.

Небесиое эхо подземиых бурь

Через руки Э. Вородзича и П. Беспрозванного прошло несколько тысяч синоптических карт с 1977 по 1980 год. Они охаатывали СССР и смежные территории. Да, теперь сомнений не было: метеоданные позволяли решать геодинамические задачи.

Обработав результаты на компьютере, исследователи получили новую карту. На ней отмечались частоты повторяемости локальных метеоаномалий, обусловленных КПЛВ. Оказалось, что существуют четко локализованные максимумы повторяемости, некие «заколдованные места», где все время что-то происходит. Имеино в них проявлялась и повышенная геодииамическая активность, но не сейсмического, а иного характера, в диапазоне КПЛВ.

Такие участки обнаружились не только в сейсмоопасных районах, но и в Центральной России, в Сибири и даже в Гренландии, то есть никакой явной корреляции с сейсмичностью территории не наблюдалось. Не было здесь и явного различия между равнинами и горами, даже между сушей и морем. Но (удивительно!) зато довольно четко обозначилась граница между неотектонической платформой и областью активизации: приблизительио по линии Пиренеи — Предкавказье — Памир — Прнбайкалье — хребет Черского. Заметим, что к югу от этой линии отнюдь не только горы, но и моря (Средиземное, Черное, Каспийское). Однако повторяемость метеоаномалий здесь, как и в горах, заметно выше, чем иа спокойной платформе.

И все-такя где гарантия, что пятна по-

3 Знание — сила № 7

вышенной повторяемости метеоаномалий имеют глубинное, внутриземное происхождение? Для доказательства необходим более веский аргумент, имеющий строгую количественную оценку надежности.

Да, задача не из простых. А потому начнем немного издалека. В Институте кристаллографии АН СССР в свое время провели красивый опыт. К центру плоского диска, покоящегося на жесткой плите, приложили постоянную нагрузку (нагружение было упругим). Что же должно возникать на свободной поверхности? Казалось бы, ямочка в центре диска, асимптотически переходящая в плоскость к его краю. Однако в действительности картина оказалась иной. Когда размер диска был достаточно велик, на нем обнаружили профилометром концентрические кольцевые «валы», чередующиеся с такими же «ложбинами».

Сопоставим этот результат с явлением из абсолютно, казалось бы, далекой области. В геологии сегодня активно обсуждаются вопросы кольцевых структур, или радиально-концентрических систем. Две из них, вернее их фрагменты, известны каждому школьнику. Это островные дуги — Курильская и Алеутская, будто нарисованные циркулем. Последняя к тому же имеет четкую секториальную составляющую в рельефе дна: по радиусу из центра Алеутской дуги в южной части Анадырского залива на юго-восток тянется заметная «ступенька».

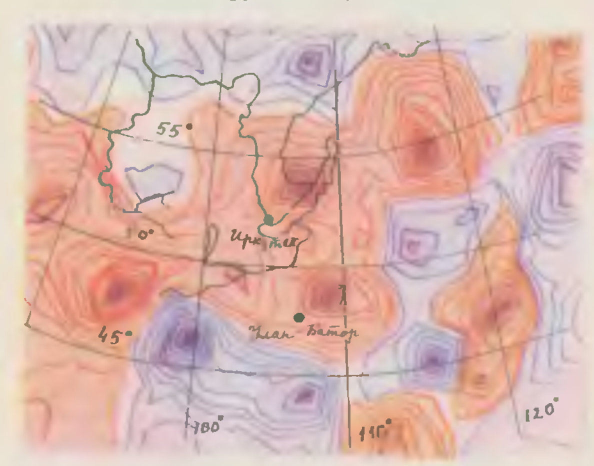
Сейчас особенно много споров вокруг происхождения подобных образований. Одни исследователи связывают их с геодинамикой (конвекция вещества мантии, вулканизм и т. д.), другие считают, что это следы встречи Земли с космическими телами. Но в существовании радиально-концентрических систем и в их важной структурирующей роли уже мало кто сомневается.

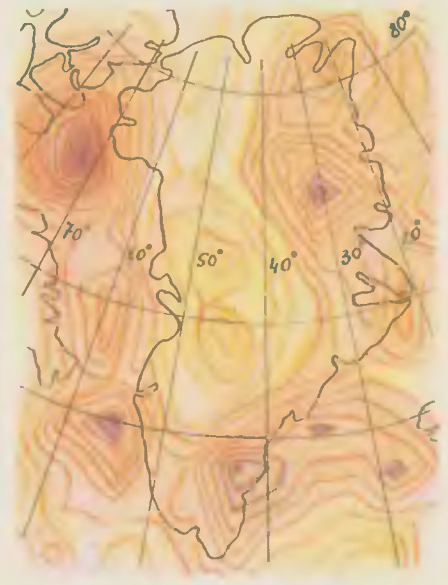
Читатель, вероятно, смекнул, к чему мы ведем. Да, конечно, возникает предположение, что радиально-концентрические системы формируются так же, как шарик деформирует диск, но только не снаружи, а изнутри. Иными словами, флуктуации потока вещества через основания каналов в мантии при КПЛВ возмущают мантию и ее поверхность. В результате образуются радиально-концентрические системы.

Но любое предположение, как уже говорилось, нуждается в строгом доказательстве. И его, по просьбе Э. Бородзича, нашли специалисты кафедры теории упругости МГУ М. Короткина, Е. Лобанов, А. Шмаков. Они установили, что при подобных возмущениях литосферы действительно возникают кольцевые концентрические структуры. Теперь нетрудно представить, как за долгую геологическую историю, повторяясь миллиарды раз, КПЛВ оставляли в геологической среде следы своей деятельности (остаточная, неупругая деформация). Итак, у локальных метеоаномалий и кольцевых структур, кажется, есть общий «прародитель» — КПЛВ[2].

Придя к такому выводу, Э. Бородзич и П. Беспрозванный, совместно с сотрудником МНТК «Геос» В. Муравьевым, решили сопоставить два результата. Они хотели окончательно убедиться, есть ли что-то общее в размещении пятен повторяемости метеоаномалий с известными кольцевыми структурами. Ведь нельзя исключить, что существующая картина так же могла реализоваться и при хаотическом перемешивании пятен. Иными словами, следовало убедиться, случай это или все-таки закономерность.

Столь непростая задача решалась на ЭВМ с помощью методов математической статистики. Выяснилось, что вероятность случайной реализации данного варианта исчезающе мала: в числителе — единиица, в знаменателе — число с двадцатью нулями! Таков итог долгого расследования.

КПЛВ проявляются в любых районах — в сейсмоактивных и сейсмобезопасных, в гористых и равнинных, на суше и на море, в пустыне Гоби (а) и под ледниковым щитом Гренландии (б).

[2] В природе кольцевые структуры располагаются «сериями» — дискретными наборами радиусов, охватывающими размеры от сотен метров до тысяч километров. Существование таких серий легко объясняется, если вспомнить слоистость мантии, а следовательно, и канала. Границы слоев в канале — это «вторичные» источники КПЛВ. Они создают, в соответствии с решенной в МГУ задачей, свои системы «валов» и впадин.

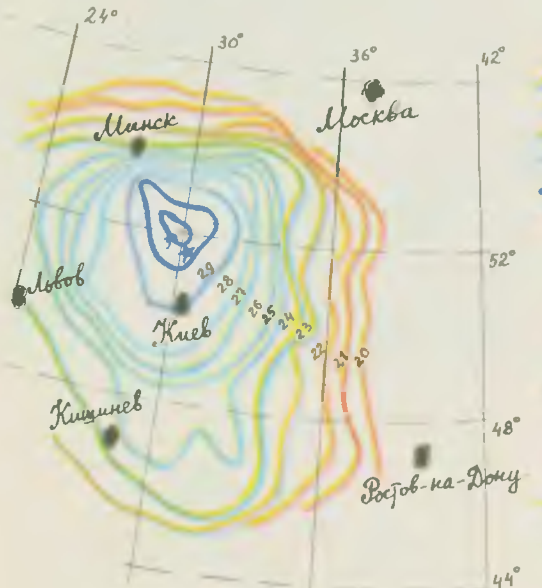
Теперь можно с уверенностью сказать: метеоаномалии тяготеют к определенным местам. Они «группируются» вблизи кольцевых структур, которые, как предполагают Э. Бородзич и П. Беспрозванный, генетически связаны с каналами в мантии. Размеры (радиусы) этих кольцевых структур часто достигают 1,5—3 тысяч километров, свидетельствуя о глубоком, во всяком случае подкоровом, происхождении источника возмущения...

У замечательного ученого, гелиобиолога А. Л. Чижевского, есть книга с ярким, интригующим названием — «Земное эхо солнечных бурь». Появляется соблазн воспользоваться образной находкой, «вывернув» ее наизнанку: метеоаномалии — это небесное эхо подземных бурь.

Вот вам и «прошлогодний снег»! Оказывается, наука способна возвести информацию о нем в ранг национального достояния.

А как же землетрясения?..

«Ну и что же дальше? — спросит читатель.— Сказать по чести, землетрясения и их прогноз меня беспокоят больше, чем облака и какие-то метеоаномалии».

Карта изолиний атмосферного давления перед чернобыльской катастрофой. КПЛВ и Чернобыль: простое совпадение по времени и месту или?..

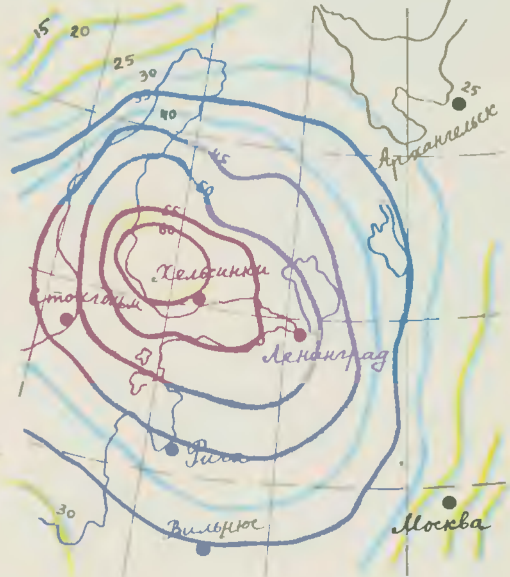
Что же, поговорим и о землетрясениях. Однако тема это сложная, и, касаясь прогноза, не хотелось бы сейчас давать легкомысленные обещания типа «откроем новую частицу в текущем квартале». Здесь, пожалуй, возможны некоторые важные выводы. О них и пойдет речь. Прежде всего многое свидетельствует в пользу того, что КПЛВ инициируют землетрясения. Но не всегда, для этого необходимо «благоприятное» стечение обстоятельств. И тогда даже в регионе со слабой сейсмичностью (по карте сейсморайонирования) происходят неожиданно сильные землетрясения, как, например, в Газли. Причина? «Удачное» наложение деформаций при активизации весьма удаленных от данной точки каналов в мантии.

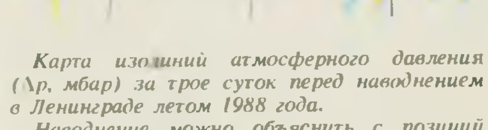
Значит, предвестники надо искать над ожившими каналами в сотнях и тысячах километров от будущего очага? Не на «пятачке» случайно выбранного полигона, а на огромной территории? Ведь КПЛВ создают сложную интерферирующую, постоянно «дышащую» систему кольцевых и радиальных элементов, размеры которой достигают сотен и тысяч километров. Вот почему площадь обзора, мониторинга должна быть столь же большой. И, повторим, среди методов мониторинга метеорологии должна отводиться достойная роль.

Аварии, которые можно предсказать

Однако КПЛВ не только инициируют землетрясения, но могут представлять и самостоятельную опасность. О ней (и в этом все коварство) никто не подозревал, пока Бородзич и Беспрозванный не сопоставили карты метеоаномалий, обусловленных КПЛВ, с недавними крупными авариями. И тогда выяснились поразительные вещи.

Так, станция Бологое, где в 1988 году произошла железнодорожная катастрофа,

Карта изолиний атмосферного давления (Δр, мбар) за трое суток перед наводнением в Ленинграде летом 1988 года.

Наводнение можно объяснить с позиций КПЛВ: отрицательный импульс (опускание поверхности Земли) к северо-западу от Хельсинки сопровождается локальным уменьшением силы тяжести. В результате воды Балтийского моря устремились к периферии, где сила тяжести осталась неизменной,— в Ботнический, Финский и Рижский заливы и на юго-запад. Волна, бегущая на восток, заперла Неву, что и привело к наводнению; волна к юго-востоку существенно ослабилась островами Сааремаа и Хийумаа, защищающими Ригу (история свидетельствует, что временами эта защита не спасала, и запертая волной Даугава разливалась до Домского собора). Ботническому заливу больше повезло: с севера в него не впадают полноводные реки, которые могли бы в подобных ситуациях вызвать наводнения.

расположена в центре области повышенной повторяемости КПЛВ (метеоаномалии отмечались там до шестидесяти раз с 1977 по 1980 год). Метеоданные свидетельствуют, о том, что летом 1988 года в течение двух-трех недель перед аварией здесь шла интенсивная «раскачка». Конечно, не подземный толчок сбросил поезд с рельсов. Нет, дело, по-видимому, обстояло так: при сравнительно резких вертикальных смещениях раскрывались и закрывались субвертикальные трещины, и по ним мигрировали грунтовые воды. В итоге активизировались оползневые процессы, разрушалось дорожное покрытие. Аварии еще можно было избежать, если бы путеизмерительные работы проводились именно в данном месте более тщательно. Повторим, именно в пределах геодинамически активного участка и именно в период раскачки...

А теперь обратимся к трагедии на Стебникском калийном комбинате, когда из-за внезапного разрушения дамбы в Днестр хлынули потоки ядовитого рассола. «Постойте,— скажет осведомленный читатель.— Но там, кажется, разбиралась специальная комиссия: виноваты строители». Так, да не так.

При анализе аварий всегда выясняется, что и в проекте были ошибки, и металл использовали не тот, и монтироаали небрежно, и эксплуатировали не по правилам... Но все сходит удачно — до первого случая. Что же стало здесь «первым случаем»? Карты метеоаномалий дают ответ и на этот вопрос. Да, именно КПЛВ и есть тот первый случай. Они вызвали дополнительное возмущение, понизив порог аварийности. И вот простая небрежность, обычно «сходящая с рук» в других местах и в другое время, здесь привела к несчастью...

В Западной Сибири, у реки Демьянки, сходятся восемь ниток различных продуктопроводов. Строились они из разных труб в разное время, разными организациями, а вот, поди ж ты, аварии там случаются необычно часто. И чуть не каждая — сотни тысяч рублей убытков. Средний уровень брака приблизительно постоянен вдоль всей трассы, а порог аварийности на данном участке почему-то заметно ниже. Почему? Ответ снова тот же. Именно здесь сосредоточен локальный максимум повторяемости КПЛВ.

Это, кстати, позволяет объяснить другую загадку Демьянки. Проводя дешифровку аэрофотоснимков, геоботаники МГУ обратили внимание, что именно в долине Демьянки среди сплошных болот четко выделяется осушенный участок, зарастающий сосняком. Здесь нет холмов или линз песчаной почвы — та же низина с тем же торфяником, но почему-то сухим. По-видимому, мы вновь сталкиваемся с результатами деятельности КПЛВ. К чему приводят вызванные ими часто повторяющиеся локальные восходящие подвижки? На фазе подъема трещины в земной коре раскрываются, вода уходит вглубь. Одновременно вариации силы тяжести способствуют формированию здесь локальной зоны антициклонов. В итоге осушение усиливается, вызывая заодно и метеоаномалии, позволяющие регистрировать сами КПЛВ.

Что же касается трубопроводов, то они, испытывая знакопеременные нагрузки, накапливают усталостные деформации, а отсюда — аварии...

Как выяснилось, в зоне риска находится и Чернобыльская АЭС. Конечно, можно отнестись к этому сообщению с иронией. Но вот факт, который нельзя игнорировать: в течение всего апреля 1986 года низовья Припяти находились в центре аномальной метеорологической зоны. Интенсивность метеоаномалий в два-три раза отличалась от фона на всей территории Украины, Нечерноземья и Прибалтики.

Две фотографии, выполненные К. М. Каспаровым 7 августа 1973 года с интервалом в 10—15 минут, иллюстрируют процесс образования облачной воронки.

На первом снимке, в центре, сквозь облачность просматривается Пик Коммунизма. На втором — облако с воронкой над Пиком Коммунизма, расположенное на высоте 11—12 километров.

Интересна оптическая иллюзия: кажется, что облако вместе с воронкой мы наблюдаем сверху. Однако это не так: снимки сделаны с Поляны Сулоева (высота ~4000 метров), Пик Коммунизма — 7495 метров, а облако зависло еще на четыре километра выше.

Фрагмент карты частот повторяемости КПЛВ. В этом диапазоне Подмосковье или Поволжье всего в два-три раза спокойнее, чем сейсмически активный Кавказ.

Стрелкой показан локальный максимум частот КПЛВ в долине реки Демьянка. Здесь находится участок повышенной аварийности нефте- и продуктопровода.

Ломаный, «меандрирующий» рисунок оси Срединно-Атлантического хребта и береговых линий океана. Такой характер изгибов, конечно, не имеет ничего общего с силами Кориолиса. Гораздо больше он похож на схематический рисунок шаровой функции с полюсом вблизи островов Новая Земля.

Вода, огонь и КПЛВ

А вот еще любопытный факт из разряда тех, которые публикуются журналами в рубрике «Кунсткамера». Путешественник Мари-Даниэль Бурре, оказавшийся свидетелем наводнения в Петербурге 21 сентября 1777 года, пишет: «...Один негоциант видел у себя на Васильевском острову, как среди двора забила из земли вода... Когда вода ушла (то есть наводнение кончилось.— *С. М.*), ключ иссяк; набережная была взрыта».

Обратите внимание: ключ забил на острове, где уровень водоносных горизонтов, по крайней мере верхних, не может превышать уровня реки. Подобные феномены — внезапные подъемы уровня грунтовых вод — неоднократно отмечались в эпицентре готовящегося землетрясения (это тоже один из «предвестников»). Однако здесь о землетрясении не может быть и речи. Скорее всего, мы вновь имеем дело с пульсацией КПЛВ, сопровождавшейся выжиманием грунтовых вод. Одновременно в атмосфере над устьем канала в мантии формируется устойчивое локальное понижение давления. Такой участок «засасывает» в себя воздух с периферии, в том числе с Финского залива. Начинается ветер, а он в свою очередь формирует нагонную волну, запирающую Неву и приводящую к наводнению[3].

Что же получается? До сих пор мы привыкли считаться лишь с сейсмической опасностью. Карта сейсморайонирования включена в СНиП — строительные нормы и правила, и при проектировании инженерных сооружений проектировщик обязан принять во внимание степень опасности. Однако приведенные примеры доказывают необходимость более широкого подхода, учитывающего и данные о КПЛВ.

Ведь мы убедились, что и в асейсмичных районах бывает неспокойно: могут разрушаться, постепенно или неожиданно, здания, рваться трубопроводы, разгерметизироваться подземные хранилища газа и вредных промышленных отходов и т. д. Могут происходить горные удары в шахтах, обвалы и лавины в горах. КПЛВ способны провоцировать пусть и более спокойные, но экологически неблагоприятные эффекты: засоление почвы, вымывание удобрений, активный рост оврагов, суффозионно-карстовые процессы. Более того, даже возгорание лесов и торфяников...

Да, читатель, да! Уже объяснялось, почему на фазе подъема при КПЛВ усиливается осушение. А если учесть, что среди восходящих по разломам флюидов есть самовозгорающиеся и для них достаточно безобидных огоньков над болотом... А тут еще ни капли дождя, «висит» антициклон! Как не возникнуть пожарам? Вспомним лето 1972 года в Центральной России. Разве можно всю вину возлагать лишь на туристов?

Теперь, думается, ясно, что широкомасштабные исследования КПЛВ необходимы. Они позволят провести районирование территории по степени геодинамической опасности, существенно дополняющее сейсмическое районирование.

Почему петляет река?

Разумеется, не только народное хозяйство нуждается в исследованиях КПЛВ. Очень интересные перспективы открывает изучение КПЛВ перед геоморфологией. Эта наука занимается строением и формированием современного рельефа земной поверхности.

Например, меандрирование рек — характерное чередование их петель и изгибов — обычно объясняют гидродинамическими

[3] Кстати, в последние годы гидрогеологи Г. С. Вартанян, Г. В. Куликов и другие активно исследуют связь уровня подземных вод с напряженным состоянием горных пород. По всей видимости, вариации «гидрогеодеформационного поля», как они назвали эти взаимодействия, не что иное, как частное проявление КПЛВ.

особенностями русловой эрозии и силами Кориолиса. Но тогда, при прочих равных условиях (податливость берегов к размывающему воздействию и прочее), чем быстрее течение, тем активнее должно быть меандрирование (поскольку сила Кориолиса прямо пропорциональна скорости реки и на излучинах центробежная сила больше). А в природе как раз наоборот: наиболее сильно меандрируют реки со спокойным течением. В чем причина такой «нестыковки»?

Обратимся к аэроснимкам. Сегодня для их дешифровки пользуются разными методами. В частности, в запутанном узоре речной сети выявляют регулярную сетку «мегатрещиноватости», то есть ослабленные зоны, «освоенные» водными потоками. И наряду с речными долинами равное внимание уделяют линиям водоразделов, в том числе горных хребтов.

И здесь обнаружилось, что хребты образуют весьма интересные узоры. Они составлены из спрямленных и дугообразных фрагментов с резкими изломами между ними. Стало быть, хребты тоже меандрируют? Получается, да.

Более того, взгляните на карту рельефа дна любого океана, например Атлантического. Вы увидите подводные хребты, в рисунке которых четко выявляется чередование спрямленных и дугообразных фрагментов. Уж здесь-то гидродинамика явно ни при чем! Тогда что же это? Видимо, рисунок отражает сложную суперпозицию линейных и дуговых тектонически ослабленных зон. Но мало того, что они ослаблены, они одновременно и геодинамически активны. Отсюда и своеобразие рисунка. Причем наложенные друг на друга элементы структуры отнюдь не хаотичны. Будучи достаточно регулярными, они допускают физическую трактовку (о радиально-концентрических системах мы уже говорили) и применение математических моделей. Ну а где кольцевые структуры, там ищи каналы в мантии, а где каналы — там и КПЛВ.

А также и «озоновая дыра»...

Конечно, идея о взаимосвязи каналов в мантии с радиально-концентрическими системами требует обширных исследований. Это и понятно. Слишком велик круг явлений, связанных с подобным феноменом.

Например, как формируются месторождения? Создавая в литосфере деформации, симметричные относительно каналов в мантии, КПЛВ образуют проницаемые для восходящих флюидов зоны. В них за долгое время и накапливаются полезные ископаемые, то есть формируются месторождения. Но одновременно «дыхание недр» влияет и на атмосферу, вызывая уже неоднократно упоминавшиеся метеоаномалии.

Отсюда еще одно перспективное направление исследований, связанное с региональными геолого-поисковыми работами. Метеоаномалии, обусловленные КПЛВ, помогут выявить элементы тектонического каркаса, к которым приурочены многие месторождения. Вот почему метеоинформацию следует включить в поисковый комплекс методов.

Другая серьезная проблема — происхождение самих радиально-концентрических систем различного «ранга», размера. Вспомним, что говорилось выше по поводу предполагаемой связи рангов этих систем со сложностью земной коры и мантии. Это дает надежду выявить и физически обосновать характерные радиусы кольцевых структур. Разумеется, для этого необходимо построить соответствующую модель, учитывающую соотношение механических (упругих) характеристик слоистого канала и вмещающей слоистой среды. Задача сложная. Но такой подход гораздо надежнее, чем простое набирание статистики и поиск в ней хоть каких-нибудь закономерностей, что вынуждены делать сейчас.

Одновременно построение подобных детерминистских моделей[4] позволит решать обратные задачи — определять параметры модели по внешнему результату, по фактически выделенным радиально-концентрическим системам. О чем идет речь? О геометрических (глубина приложения силы, расслоенность мантии) и о физических характеристиках (модуль упругости, по которому можно оценить и агрегатное состояние, и химический состав, и прочее).

Иными словами, мы получаем информацию о тысячекилометровых глубинах, которая до сего дня чрезвычайно скудна. А в итоге выявляются закономерности в организации геологического пространства, что позволяет использовать их для самого важного — для прогноза.

Не вдаваясь в лишние подробности, заметим, что для математического описания таких закономерностей весьма перспективен аппарат специальных функций, называемых шаровыми. В их «рельефе» имеются не только кольцевые валы и впадины, но и секториальная составляющая. Более того, оказывается, этому «рельефу» подчиняется, и очень хорошо, реальный географический рельеф.

Интересно, что структура озонового слоя очень близка к рельефу шаровой функции. (Это обнаружили с помощью спутников, исследующих «озоновые дыры».) Возможно, динамика формирования «озоновых дыр» определяется КПЛВ только в глобальном масштабе? Если это подтвердится, получим весьма нетривиальный вывод: для «создания» «озоновой дыры» не нужны никакие фреоны! И без них КПЛВ может вызвать перераспределение озона в атмосфере. Может быть, мы зря расстаемся с технологичными и столь нужными фреонами?

Где источник засухи?

Аэрозоль в атмосфере заслуживает отдельного обсуждения. Его роль не исчерпывается формированием воздушных аномалий. И вот почему. Известно, что космический аэрозоль (космическая пыль) выпадает пятнами на поверхность Земли (разумеется, в значительной степени из-за КПЛВ). Возникает вопрос: а как поведет себя продуцируемый промышленностью, нерашливым строительством и авариями техногенный аэрозоль, с кислотными дождями в том числе? Видимо, так же уляжется пятнами на поверхности. И это будут участки, также активизированные КПЛВ[5].

Казалось бы, не все ли равно, как распределяются промышленные выбросы? Однако теоретическая проблема выливается во вполне реальные заботы. Ведь речь идет о возможных голоде и гибели сотен тысяч людей. Связь с техногенным аэрозолем здесь очень проста.

Допустим, его содержание в атмосфере будет по-прежнему расти. Тогда благодаря КПЛВ станут возникать все более мощные метеоаномалии.

Напомним механизм этого явления: отрицательная вариация силы тяжести — всплытие аэрозоля — концентрация частиц аэрозоля в безоблачном, но достаточно влажном слое — конденсация влаги на аэрозолях, при этом — выделение тепла, разогрев образовавшегося облака, его расширение, всплытие в верхние слои атмосферы, подсос воздуха с периферии подоблачного слоя к его центру, ветер. Благодаря действию кориолисовых сил ветер закручивается в спирали — вот вам и циклон! Чем больше концентрация аэрозоля, тем циклон мощнее. А ветер переносит влагу от периферии к центру циклона. В центре — ливни, наводнения, на периферии — недостаток влаги.

При положительной вариации силы тяжести картина обратная: антициклон, влага уносится ветром к периферии и, вполне вероятно, подпитывает ливневые процессы в зонах отрицательных КПЛВ. Короче говоря, мощные ливневые метеоаномалии отбирают воду у засушливых районов, усугубляя засухи, провоцируя пожары, вызывая голод и прочие несчастья. И очень возможно, недавние засуха и голод в Эфиопии спровоцированы техногенными аэрозолями, выброшенными в атмосферу за сотни и тысячи километров, в других странах.

Вот тебе и локальность КПЛВ! Оказывается, ее следует учитывать и при решении глобальных экологических проблем. И еще неизвестно, от чего ущерб значительнее — от «парникового эффекта», для которого с трудом пока определяется «знак» последствий, или от аэрозольного загрязнения...

Неужели и Бермудский треугольник?!

Давайте поднимемся еще выше и обратим внимание на верхние слои — на ионосферу. Известно, что там есть положительно заряженный электрослой. В итоге между ним и отрицательно заряженной поверхностью Земли создается электрическое поле, как в конденсаторе с шаровыми обкладками. Нетрудно понять, как повлияет на «обкладки» положительное изменение силы тяжести при КПЛВ.

Наружная «обкладка» (положительные ионы) прогнется ко внутренней, и в этом месте поле усилится. Но внешняя «обкладка» представляет собой частично ионизованный газ. А поскольку он довольно подвижен, то заряды будут легко стекаться к «острию», еще более усиливая прогиб.

В итоге электрическое поле может настолько усилиться под провисающим «острием», что стекающие с него ионы заметно увеличат свою скорость. Они приобретут энергию, достаточную для ударного возбуждения нейтральных молекул. А те, рекомбинируя, будут ее излучать, создавая свечение неба.

Таков возможный механизм многих пока загадочных явлений. Во всяком случае, он разумно объясняет свечение неба, наблюдаемое иногда перед землетрясениями (и без них), «сухие грозы» (при ясном небе), воздушные ямы и радиопомехи, свидетельствующие о возмущениях ионосферы.

Кстати, этот же механизм позволяет понять природу вертикальных воздушных ударов. Так аэрологи называют потоки воздуха, движущиеся вниз со скоростью сотни метров в секунду. Видимо, здесь мы имеем дело с молекулами воздуха, увлекаемыми ионами, движущимися с «острия». Ясно, что встреча любого, даже самого совершенного, самолета с подобными воздушными потоками может закончиться катастрофой.

Кажется, мы вновь касаемся «катастрофического» аспекта. Что ж, продолжим тему. Пока мы лишь вскользь упоминали о «свободной» гидросфере — морях и океанах. Интересно, а каковы там проявления КПЛВ?

Это — «придонные штормы», «синоптические вихри», подвижки льдов в высоких широтах, а также удивительные эффекты, которые наблюдал космонавт В. Коваленок,— вспучивающиеся купола и амфитеатры с втекающими или вытекающими кубокилометрами воды.

Почему мы так уверенно относим их к проявлениям КПЛВ? Вспомним о модели канала в мантии. Уже говорилось, что флуктуации потоков вещества через его основание при КПЛВ вызывают изменения силы тяжести. Легко догадаться, что в открытом океане это приводит к местным искривлениям эквипотенциальной поверхности, в спокойном состоянии близкой к сфере. Такое искривление вызывает перетоки воды с периферии. Причем центростремительные потоки еще закручиваются кориолисовыми силами, меняющими свой знак в соответствии со сменой знака КПЛВ.

Вполне возможно, что в пределах пресловутого Бермудского треугольника тоже существуют синоптические вихри в океанической толще, генерируются еще какие-то аномалии. Но здесь мы отсылаем читателя к интересной книге Зденека Кукала, в которой убедительно развеиваются легенды об этом треугольнике...

Пока, к сожалению, это всего лишь гипотеза, хотя и правдоподобная. Для ее проверки необходимы фактические материалы, позволяющие построить карту КПЛВ в данном районе...

Думается, аргументов в пользу изучения КПЛВ мы привели более чем достаточно. На этой уже неоднократно высказываемой мысли нам и хотелось бы закончить.

Придирчивый читатель, который дочитал до конца наш многотрудный опус, может возмутиться: где же обещанные «летающие тарелки»?! Ответим честно: пока не знаем. Но уверены, что без КПЛВ здесь явно не обошлось. ●

---

[4] Здесь статистика отнюдь не отвергается, она должна выполнять свою естественную роль: отображать неучтенные факторы, то есть помехи.

[5] Интересно, что близкий к описанному механизм, приводящий к пятнистому выпадению аэрозоля (в том числе радиоактивного в зоне чернобыльской аварии), разрабатывает советский геофизик В. Гридин. По его представлениям, горизонтально перемещающиеся при ветре массы воздуха, пересекая статическую «гравитационную ступень» — градиент силы тяжести над уступом кристаллического фундамента, погребенного под наносами,— «разгружаются», высыпая на землю аэрозоль. Понятно, что в таком процессе роль временной вариации гравитационного поля при КПЛВ играет ветер, перемещающий воздух из области с пониженной силой тяжести в область, где она повышена.

М. Розин

Мифология предчувствия

Когда мы впервые услышали о политических мифах, то нашли их столь абсурдными и нелепыми, столь фантастичными и смехотворными, что не могли принять их всерьез. Теперь нам всем стало ясно, что это было величайшим заблуждением. Мы не имеем права повторять такую ошибку дважды. Необходимо тщательно изучать происхождение, структуру, технику и методы политических мифов. Понять миф означает понять не только его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу.

Э. Кассирер

Я психолог. Я не знаю, как спасти Россию от экономического краха. Не возьмусь давать предложения по государственному устройству Союза. И даже не сообщу вам данные о запасе продуктов в стране и перспективах голода. Я изучаю особенности политического мышления людей, проживающих во времена, когда крах, голод и террор не есть нечто невероятное. Люди вынуждены осмыслять происходящие события, и то, как они осмысляют их, предопределяет дальнейшее развитие событий.

Вначале задумаемся о том, как люди отвечают на вопрос...

Что есть власть?

Советы — союзные, республиканские, городские, областные, верховные и не верховные — явно не в счет. Невозможно поверить, что они реально определяют судьбу страны. Все видят, что депутаты говорят, но никто не видит тех, кто решает. А страна тем временем быстро движется в определенном направлении. Кто же за рулем?

Существование власти — понятие столь же незыблемое, как и твердь земли под ногами. Есть я и есть власть, и каждый человек создает ее образ. И каждому кажется, что этот образ создан лично им, что это поистине «его» образ.

Рискну предложить иную гипотезу. В начале 1990 года вместе с Д. Давыдовым мы провели исследование, в котором попытались выявить глубинную структуру представления о себе и о мире членов различных политических движений. И, как кажется, в первом приближении удалось нащупать основание большинства современных идеологических систем. Так вот, почти во всех политических идеологиях, вне зависимости от принадлежности к тому или иному лагерю, у всех советских людей, охваченных опросами, прослеживается один и тот же глубинный миф, иногда завуалированный, как у «западников-интеллектуалов», «левых» и т. д., иногда обнаженный и утрированный, как у «почвенников-патриотов», «правых» и т. д. Сознание и тех, и других работает, опираясь на один и тот же образ власти, который описывается разными словами, но не меняет его сути. Итак, начало 1990 года.

«Почвенники-патриоты» провозглашают, что реальная власть принадлежит мафии. Мафия — это масоно-сионисты. Мафия — это дельцы теневой экономики. Мафия — это бюрократия и партократия. Чаще же всего мафия воспринимается, как все они, вместе взятые,— дельцы теневой экономики в союзе с коррумпированной бюрократией и партократией, собирающиеся продать нас Западу.

Зафиксируем атрибуты власти, как ее представляют «правые».

Глобальность. Действие власти распространяется на всю страну (или на весь мир). Речь не идет о мафии Узбекистана или Украины. Мафия, подобно осьминогу, распласталась над страной и проникает своими щупальцами во все ее грады и веси.

Таинственность. Кажется, трудно скрыть столь обширную и разветвленную организацию. И тем не менее не известен не только ее глава, но не высказывается даже догадок о том, кто он. Более того, крайне редко можно услышать о ее конкретных членах. Один из лидеров «Памяти» любит называть сионистом А. Н. Яковлева. И эта единственная фамилия выглядит странно и нелепо в текстах его обращений.

Мафия не имеет лица. Ее невозможно представить состоящей из яковлевых и даже из рабиновичей. Слишком мелки эти люди по сравнению с мафией. И более того, само слово «мафия» несколько принижает то, что стоит над нами, и что есть власть. И потому появляются плакаты, где власть вообще не названа, например: «Скрывается правда о психвойне против населения, ведущейся с помощью микроволн, гипноза и лжи!». Сказано все, кроме одного,— нет субъекта действия, неясно, кто ведет войну и кто ее скрывает. И в этом заложен глубокий смысл. Верующим евреям запрещено изображать Бога и называть его имя. Бог не помещается в изображении и имени. Так и власть в сознании «правых» больше, чем отдельное лицо или отдельное слово.

Для «левых» власть, на первый взгляд, менее таинственна. Она лишена экстравагантности и мистичности. Ее называют «КГБ», «военно-промышленный комплекс», «секретные институты», «референты»... Чтобы понять ее суть, обратимся к интервью с лидером одной из ультралевых партий.

«— Значит, у власти существуют планы? Кто их составляет? Какой круг, какая категория лиц?

— Дело в том, что у нас есть перебежчики из того лагеря, то есть люди, которые получали образование в специализированных институтах и знают структуру, согласно которой они действуют и планируют. У них есть институты, где сидят профессионалы, где сидит грамотная референтура, которая действительно строит долгосрочные очень грамотные планы и прогнозы. Но мы часто не можем проследить эти планы до конца и даже не верим в их существование, поскольку те актеры, которыми они располагают, очень неоднородны: есть такие актеры, которые вообще не способны вдуматься в режиссерский замысел, то есть они настолько примитивны, что даже не могут сыграть».

Эта цитата дает нам ключ к сознанию «левых», и мы видим те же атрибуты, с которыми уже встретились. Власть глобальна и действует тайно: институты, референты, «режиссеры», власть не имеет лица. Но есть и одно замечательное дополнение, которое можно обозначить принципом «театра». Этот принцип позволяет отождествлять власть с конкретными людьми, не лишая ее таинственности. Можно предположить (и левые это часто делают), что режиссером является М. С. Горбачев. Он пишет сценарии для Верховного Совета, в его руках армия, КГБ, он — истинный правитель страны. Но одновременно он режиссер и по отношению к себе. Мы видим на экранах телевизоров не Горбачева-режиссера, а Горбачева-актера: «Я — за социалистический выбор, я — за управляемый рынок», он может раздражаться, казаться простоватым. Все это не более чем игра, искусно созданная Горбачевым-актером и задуманная тем режиссером, об истинных замыслах которого мы можем только догадываться. «Политики в масках» — этот тезис позволяет совместить архетип невидимой, тайной, могущественной власти с обвинением конкретных лиц в узурпации этой власти.

Лицо власти

В одном из интервью, которое мне пришлось проводить, архетип истинной власти, лежащий в основе представлений многих людей в нашей стране, был назван открыто: «еврейский клан», который обладает, с точки зрения моего собеседника, истинной властью в нашей стране. Я спросил его: «Как можно совместить такое утверждение с практическим отсутствием евреев в центральных органах власти — Верховном Совете, Политбюро ЦК КПСС?» Он ответил: «Ну, в Политбюро у нас, скажем, евреев нет. Ну не «скажем», пусть их там нет. Это не страшно... Обычно, судя по истории, и государством правят и экономикой страны заведуют не те лица, которые находятся на виду у всех и чьи имена на устах, а те люди, которые находятся в тени и конкретно занимаются этими делами. И я думаю, что там процент евреев довольно-таки высок».

В чем же смысл подобного архетипа? Почему он появляется в сознании? Я не буду сейчас напрямую отвечать на этот вопрос, так же как не буду и обсуждать возможность реального существования тайных и могущественных структур власти в стране.

Главное — у власти нет лица, но есть цели, которые несложно расшифровать. И не имеет значения, к кому обращаться — к «правым» или «левым». Везде мы обнаружим одну и ту же картину.

«Мы не должны забывать, что власть, а точнее говоря, реакционная часть аппарата, толкает в пучину хаоса, беззакония, диктатуры. Все делается сознательно с той целью, чтобы дестабилизировать обстановку во всех областях. Я спрашиваю: почему сотни тысяч вагонов, эшелонов с продуктами, на которые ушли миллиарды валюты, стоят на подъездных путях, гниют и портятся? Почему они не разгружаются, в то время когда на прилавках ничего нет? Разве это не делается умышленно? Кому выгодно?..

Обратите внимание, что во всех областях все сводится к тому, чтобы расшатать и создать искусственно очаги напряженности...»

Власть — зло, и помыслить, что она хоть в малом стремится улучшить положение народа, невозможно. Но при таком понимании возникает логическая несуразность: зачем портить то, чем ты управляешь? зачем разрушать свое хозяйство? с какой стати рубить сук, на котором сидишь? Власть — Кремль или мафия — пытается заморить народ голодом? Но зачем? Чтобы он взбунтовался? Власть «разжигает межнациональные конфликты»? С какой целью? Чтобы часть регионов страны отделилась? Что может быть абсурднее, чем идея, что власть «во всех областях искусственно создает очаги напряженности»? Признаюсь, я оборвал цитату. Люди чувствуют нелогичность

своих обвинений, и объяснения даются: «во всех областях... расшатать, создать искусственно очаги напряженности, чтобы иметь повод ввести чрезвычайное положение».

Вот оно! В этой цитате прослеживается очень важный объяснительный принцип, лежащий в основе самых разных идеологических построений. Принцип, который может быть назван «принципом провокации». Все, что делает власть,— провокация, то есть нацелено на прямо обратный результат по сравнению с заявленным. Вся перестройка — не что иное, как крупномасштабная провокация: надо создать иллюзию, что в стране наступила демократия, «а поскольку эта демократия не принесет никому ни мяса, ни хлеба, ни топлива, ни порядка, у народа может возникнуть стойкое ощущение, что демократия еще хуже, чем тирания. И что, извините, правы те, кто говорит о необходимости твердой руки. И тогда народ может потребовать введения железной дисциплины и диктатуры открытой уже просто из-за того, что демократия окажется скомпрометированной в его глазах».

И еще одно интервью: «Я не сомневаюсь, что одной из причин кровавых событий в Баку является, безусловно, центральное манипулирование, так сказать, боевыми действиями, которые там происходят. Дестабилизация политической ситуации в том или ином регионе, который может быть локально оккупирован советскими властями, что и будет демонстрацией железного порядка со стороны тех сил, которые хотели бы в очередной раз приостановить те политические процессы, которые едва брезжат сейчас на нашей территории. Это, безусловно, известный во всем мире механизм. Вот смотрите, что происходит. Нельзя без железной руки. Без танков нельзя».

Странная логика, правда? Вводить демократию для того, чтобы избавиться от демократии. Зачем, если изначально «власть власти» была абсолютна? Подобные замысловатые построения появляются из-за необходимости хоть как-то сгладить противоречия, возникающие при принятии аксиомы: власть — зло, она стремится сделать нам плохо, уморить голодом, залить потоками крови, все уничтожить и испоганить. Вот и приходится применять принцип провокации, иначе аксиома повиснет в воздухе.

Наиболее же смелые и оригинальные идут в своих рассуждениях дальше. Я хочу привести цитату из одной весьма примечательной листовки:

«Когда речь заходит о трагедии нашего народа, то неизменно заканчивается вопросами: кто, зачем, до каких пор? Хотим предложить вам гипотезу. Первая сторона гипотезы: история цивилизации не знает случаев, когда высший руководитель страны

— искусственно разжег бы национальную рознь среди своих подданных до гражданской войны, до отделения некоторых народов;

— развел бы миллионеров на фоне всеобщего обнищания народа;

— развалил бы экономику до полного краха;

— односторонне разоружил свою армию, деморализовал ее и противопоставил народу;

— уничтожил бы созданный колоссальными усилиями оборонительный союз, оставив свою страну в одиночестве перед лицом противостоящих государств;

— допустил бы кощунственное глумление над памятью защитников своей страны и возведение памятников ее смертельным врагам;

— разрешил бы в своей стране официальные сборища сионистов (фашистов) и разрешил бы травлю и гонение патриотических сил;

— превратил бы страну в беспризорную территорию, а потом довершил бы ее развал дроблением на десятки враждующих между собой государств-осколков, обрекая эти осколки на легкую экономическую и политическую добычу.

Объяснение такому поведению высшего руководителя страны может быть только одно: он и не думает руководить в дальнейшем, а использует свое пребывание у власти для выполнения кем-то поставленных условий.

Вторая сторона гипотезы: Пересу де Куэльеру — за семьдесят, и в 1992 году он должен покинуть ООН, тем не менее ничего не слышно о кандидатуре на этот пост. Это означает, что кандидатура уже намечена, тихо согласована и ждет своего часа. А тайна личности сохраняется во избежание провала не доведенного до конца замысла секретных интересов все тех же сильных мира сего.

А теперь сопоставьте...»

Прошу извинить за длинную цитату. Но уж слишком многое из того, о чем мы уже говорили и о чем будем говорить, сконцентрировано в ней.

Во-первых, обратите внимание на литературный прием, очень характерный для современных текстов. Лицо, о котором идет речь, обозначено намеком. С читателями играют в игру «догадайся сам». Что это, трусость? Может быть, и трусость, но в то же время ход, позволяющий, разоблачая власть, не лишать ее до конца таинственности. Вроде бы все сказано, и все же последней точки нет, образ остается размытым. Так что перед нами — не политический памфлет, а политическая мифология.

Во-вторых, как нигде, полно раскрыты цели власти, соответствующие аксиоме «власть — зло».

В-третьих, продемонстрирован весьма распространенный объяснительный принцип, позволяющий обойти все связанные с обвинением власти противоречия. Власть творит зло, потому что она «чуждая». Чуждость может выражаться в том, что завтра нынешние правители покинут страну; возможно иначе — власть заслана извне; может быть, еще проще: власть состоит из «малой нации», которой безразличны страдания коренной части населения России. Или более слабый вариант: власть — это новый потомственный привилегированный класс, отделенный от народа непреодолимой стеной.

Чтобы объявить власть злом, оказывается, достаточно размежевать нас и власть по какому-нибудь признаку — классовому, национальному, по признаку судьбы прошедшей или будущей. У нас с нею разная судьба, а значит — им все дозволено.

Воспользуемся приемом предположения. Представьте, что власть желает стране добра, что она пытается исправить положение дел, но у нее это не получается. Может ли быть подобное представление в идеологии какой-либо политической группы? Можно ли тогда требовать замены власти? А разве у тебя получится? Самолет падает, летчик пытается вывести его из «пике» и не может. А кто может?

Истинная сущность власти

Иногда в могуществе власти сомневаются: «Ну что они могут? Сегодня — ничего». Но нет сомнения в том, что власть организовала межнациональные конфликты, искусственно создает дефицит и нагнетает напряженность. За любым сколько-нибудь значительным явлением в нашей жизни стоит власть, и никто не сомневается в этом. Если явление отрицательное,— концы сходятся, все ясно. Если же положительное (демократ Попов в Моссовете),— ищи тайные цели, провокацию. В свое время меня поразило, как объяснялся ленинградский митинг Гидаспова, на котором были антигорбачевские лозунги: Горбачев сам позвонил Гидаспову и попросил его провести митинг, для того чтобы левые стали защищать Горбачева от правых. Ферганские события приурочены к Первому съезду Верховного Совета. Антисемитизм, несомненно, организуют сионисты. А цель? Например, стимулировать эмиграцию (спокойный вариант); скомпрометировать и уничтожить патриотов, последний костяк нации (мнение «Памяти»). А вот лидер «Отечества» считает, что сама «Память» создана сионистами для раздувания еврейского вопроса.

На всем лежит печать власти. Все исчислено и предугадано. Шахматист Воланд передвигает фигурки. Неземной отсвет дьяволыцины проникает сквозь завесы цивилизованного сознания: «Пора покончить с соловьями-разбойниками, от свиста которых народ русский в беспамятстве оглох! Но просыпаются Ильи Муромцы, Добрыни Никитичи и Алеши Поповичи, дабы своей могучей рукой остановить вой поганых змеев-горынычей, соловьев-разбойников и прочей нечисти, поселившейся в кроне великого древа Российской империи и унесшей бесчисленное число жизней, ублажая свое сатанинское кровожадие. Возмездие неотвратимо!» Нас зовут на бой, но это не обычный бой, а сакральный, бой духовной рати с властью, которая есть дьявол. Последнее сражение воинства небесного на Земле.

Конечно, у «западников» все спокойнее, культурнее, завуалированнее. Мифологизм спрятан, претендующие быть пророками Запада не могут устрашать дьяволом. Но прислушайтесь: «...Советское общество, раздавленное дикой диктатурой, поставленное на колени, втоптанное в кровь и грязь... Люди, пропущенные через эту мясорубку, попавшие под асфальтовый каток, разумеется, не вышли невредимыми из всей этой истории...» «...Постоянно вспыхивают очаги насилия, постоянно какая-то невидимая рука толкает армию и репрессивные органы против народа. Наибольшую опасность представляет именно эта, третья часть аппарата, которая способна втолкнуть общество в такую катастрофу, которая поставит само его существование под вопрос...»

Цель дьявола — всеобщее разрушение, конец света, апокалипсис. Апокалипсис без второго пришествия — смерть без возрождения.

Мы — на краю пропасти. Катастрофа неминуема. Остались считанные месяцы. Это говорилось три года назад (тогда Нуйкин предсказывал коллапс через шесть месяцев), год назад, сегодня, будет говориться завтра. Катастрофа всегда впереди, времени до нее остается все меньше, но как асимптота никогда не достигнет предела, так и мы никогда не услышим: «Конец!» — в течение года, в течение месяца, в течение недели, опять в течение месяца, в течение дней... Конец не страшен, страшно непрестанное ожидание конца, на которое нас осудила жизнь и наше сознание.

Что отличает представление людей о катастрофе? Во-первых, ее иррациональность: «...хотим отметить тот факт, что производящая промышленность и сельское хозяйство ни на минуту не останавливали своей работы». «Катастрофа просто в воздухе висит»,— сказала девушка, у которой я брал интервью. Неурожай, война, революция — это рациональные причины катастрофы. Когда войны заканчиваются, урожай родится, глава государства у власти седьмой год, а «катастрофа висит» и «темнота сгущается», тогда возникает ощущение действия иррациональных сил — возмездия или царства дьявола.

Во-вторых, катастрофа мыслится глобальной. Мы уже встречались с этим атрибутом, говоря о власти. Погибнуть одним несправедливо, куда приятней утащить за собой весь мир (а вдруг в последний момент удержат?). России, как уже не раз показывали философы, вообще свойственно мессианство. Раз не получилось спасти человечество и открыть ему дорогу в светлое будущее — православное или коммунистическое,— то все равно невозможно помыслить себя стоящими в стороне, не спасение, так смерть мы принесем человечеству. И вот уже «западник», далекий от любого

славянофильства, говорит: «...Спасать надо Россию, потому что без спасения этого организма, как мне представляется, не может быть не только других социальных организмов, которые проживают на территории Советского Союза, но и, по всей вероятности, жизнь на нашем шарике скорее всего станет невозможной... Они опасаются, что более или менее конвульсивный крах нашего режима превзойдет по своим катастрофическим масштабам крах, который в свое время пережила Римская империя». А вот голос более молодой и энергичный: «...Проблема гражданской войны — это не проблема России. Это проблема всего мира. Потому что в России очень мало здравого смысла осталось в поведении людей. И мне кажется, что это проблема всего мира. И нужно всему миру сейчас стараться не допустить развязывания этой войны в России. Потому что не одна ракета и не один камень упадут на ту же Америку. Пойдет очень большая цепная реакция. И мир еще раз умоется кровью... Может быть, в последний раз».

Человек перед лицом апокалипсиса

Как мы переживаем катастрофу? Ну, конечно, прежде всего страшно. Страшно, что будет нечем кормить ребенка. Страшно, что начнутся погромы, страшен «бессмысленный и беспощадный русский бунт» («...А вот кого я боюсь в полный рост, так это пролетариат... Если революция и будет какая-то, то пролетарская, и вот тогда просто уж я не знаю...»). С другой стороны, привычно: люди помнят войну, карточки, очные очереди — ничего нового, скорее не успевшее забыться старое.

Психологических проблем стало меньше. Нашлось занятие для всех — кормиться и одеваться, и появилось оправдание для каждой несостоявшейся жизни: теперь ни у кого не состоится, я не один такой и не я виноват. Что еще? Еще катастрофа, как ни странно, будоражит. Явление, о котором я хочу сказать, может быть, не столь массовое и не столь открыто выраженное, как страх. Но и к нему стоит прислушаться: «...Гражданская война будет. И она будет жестокая, кровавая. И она будет яростнее и кровавее, чем была когда-то война в России или, допустим, в той же Румынии. Найдутся маньяки, которые просто будут выходить на улицу и просто будут косить людей. Для него уже не будет никакой разницы, потому что он уже дошел до абсурда. Для него уже нет той грани, за которой отделен человек от животного. Для него уже нет. Он практически слит с этой гранью. Он будет просто выходить на улицу и косить...»

Страшно? Да, страшно. Нам. А ему? Маньяку, описанному с таким пониманием? Нет, ему не страшно. И он не маньяк. Этот человек одержим совсем другими чувствами, понятными и отнюдь не редкими. Он накопил потенциал агрессии и ненависти и теперь смог его выразить. Жутко... и хорошо! Жутко... и весело! Эту черту очень точно схватил Кабаков в «Невозвращенце». События, происходящие в повести, напоминают карнавальную ночь. Дозволено все: убивать, насиловать, совокупляться... Но не в тишине, не спрятавшись в укромном уголке, а театрализованно, разыгрывая спектакли жизни, в которых кровь настоящая. Вспомните оргию в освещенном вагоне метро — он освещен, этот вагон; панка, болтающегося в петле много дней. Каждое убийство имеет свое лицо — это не заурядная драка, это кровавый обряд, который дозволено отслужить каждой нации и каждому классу. Невозвращенец остается в мире постперестроечной тьмы. Почему? Только ли потому, что «власть КГБ еще слишком сильна в наши дни», как написано в рецензии? А может быть, еще и потому, что царство дьявола завораживает?

Все мы испытали на себе удивительное очарование образа Воланда и его друзей. С ними страшно — и с ними весело, а кому очень повезет, тот исполнит свои заветные желания. Предощущение апокалипсиса снимает скучную паутину обыденной жизни. Человек распрямляется и из всеобщей заданности вступает в мир красок и цвета, крика и смеха, приключений, опасности и насилия, небытие обращается участием в последней битве сил света и тьмы. Человек попадает в царство булгаковского дьявола и понимает, что одной из частиц своей души всегда ждал и жаждал этого.

Западные идеологи движения «хиппи» говорили: «Мы хотим быть такими же героями, как те, о которых пишут в исторических книгах. Мы не застали первую американскую революцию, мы упустили первую мировую войну, не успели ко второй. Мы проглядели китайскую и кубинскую революции. Что может ждать от нас история, если мы следим за ней по телевизору и скалимся?»

Нас миновала их участь. Гражданская война и революция расстилаются перед нами и зовут в свои объятия. Можно не грустить. Не чувствовать себя ничего не значащим винтиком единожды заведенной машины. Нам выпала честь своими глазами узреть конец света. И не только узреть, но и принять в нем самое непосредственное участие: «Православные дружины собираются сегодня в духовную рать для последнего победоносного боя с вражиной поганой. Тот, кто считает себя мужчиной, воином, истинным христианином, способным постоять за други своя, должен вступить в Дружину национального спасения и встать на защиту многострадальной державы. Да будет так по воле Божией! С нами Бог! Мы победим!»

Нетрудно соблазнить «малых сих» столь льстящей самолюбию перспективой, ведь грядущая катастрофа гражданской войны романтизируется, делается как бы театрально-карнавальным событием, дающим надежду остаться зрителем, быть (по желанию) участником, но не превратиться в абсолютную жертву.

До сих пор я писал, стараясь не делать выводы. Но к концу придется подвести итоги. Осмысление «правых» и «левых», центристов и беспартийных идет по одной схеме: все, что есть плохого, определено могущественной силой зла — властью, которая прямиком ведет нас и весь мир к глобальной катастрофе. Так выстраивается примитивная, но безошибочно действующая (о психологических механизмах этой безошибочности разговор особый) оппозиция «гонимые — гонители», где гонители — власть. Введение этой структуры в идеологию позволяет, во-первых, упростить картину мира, во-вторых, указать на смену власти как на очевидный путь спасения, в-третьих, переосмыслить все события, дающие основания для оптимизма, в негативном ключе, в-четвертых, подменить вопрос о том, как строить, вопросом, как бороться с теми, кто мешает строить. («До каких пор будет не замечаться, что под видом расширения международных контактов, изучения зарубежного опыта зачастую идет прямой инструктаж работников средств массовой информации о способах манипулирования общественным сознанием? Не случайно, видимо, возникают довольно странные дефициты — то табака, то хлеба. Появляются все основания говорить о «тихом контрреволюционном перевороте».)

Если же обратиться к оппозиции «гонимые — гонители», можно заметить, что себя лидеры многих политических групп выносят за скобки. Они, естественно, не гонители, но они также и не гонимые — они спасители, спасители гонимых, стоящих уже у края пропасти. И ни для какого анализа «вражеских действий» и обдумывания стратегии своих ответов времени уже нет. Спасение видится не в том, чтобы, пройдя сквозь испытания, возродиться, а в том, чтобы в последний момент уничтожить врага. Таким образом, идеологическая структура «на краю» оказывается, с одной стороны, мощнейшим оправданием любого действия «спасателей», с другой — повышает субъективную значимость активного действия, поскольку человек, ведомый «спасателем», начинает ощущать, что от него зависит судьба мира. Члены политических групп чувствуют себя причастными к кардинальным историческим событиям, и это удовлетворяет, вероятно, одну из самых могущественных потребностей — в повышении значимости своего «я» через прикосновение к чему-то большему, чем ты сам. Другими словами, «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». О том, что описываемый механизм срабатывает, свидетельствуют и наши интервью. Многие лидеры политических групп сравнивали себя и своих «соратников» с великими деятелями прошлого. Один «все время сопоставляет» свою жизнь с жизнью Христа, другой боится оказаться в положении больного Ленина, третья сравнивает себя с Жанной д'Арк.

Формально в «идеологии врага» присутствует и еще один элемент — представление об идеальном будущем и путях, ведущих к нему. Однако правильнее было бы сказать, что этот элемент лишь обозначается: упоминается о возможности возрождения русского народа, установления западной демократии или «ленинского социализма», но основной акцент в идеологии всех политических движений остается все же на разоблачении врага, доказательстве коренной несправедливости положения гонимых и на мрачных пророчествах. По-видимому, «идеология врага» сильнее возбуждает, будоражит людей, имеет большие шансы на «овладение массами», нежели идеология с изложением конструктивной программы.

Любая притягательная идеология мифологична. Настоящий миф не просто произведение искусства, а функциональное средство, позволяющее через упорядочивание картины мира организовать деятельность людей. Поэтому политический миф появляется там, где нужно влияние, где нужно поднять людей на активные действия. Миф не выдумывается сознательно с этой целью, но интуитивно он выстраивается по вполне определенным законам; миф целенаправлен, каждая его часть имеет особую функцию. Образно говоря, он создан коллективным бессознательным как обоснование стремлений, желаний и ненависти.

Быть может, сила мифологической идеологии — в ее простоте. Люди легко классифицируются на друзей и врагов. Друзья полны благородства и ума, враги готовят нам погибель. Причины событий исчерпываются желаниями действующих лиц. В таком мире легко сориентироваться, выбрать себе ведущего и объект для ненависти. Хотя, конечно, мифы массовой идеологии не исчерпывают политических представлений конкретных людей, входящих в движения, многие из них видят все совсем иначе, чем мы описали.

И последнее. Необходимая почва для возникновения таких мифов — предельно низкий уровень гражданской культуры, общая напряженная ситуация в стране, когда легко поверить в гонимых, врагов и катастрофу и когда хочется верить. Вероятно, смена мифов, возникновение конструктивной идеологии будет свидетельствовать о выходе страны из кризиса и начале нормального развития.

Примечание: в статье использованы выдержки из выступлений общественных и политических деятелей и программных документов «Демократического союза», «Национально-патриотического фронта», «Памяти», «Московского народного фронта», клуба афганцев «Бандеамир», «Еврейской культурной ассоциации», объединения «Отечество» и некоторых других.

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Первые экологи древности

Они исходили всю пустыню вдоль и поперек, пытаясь ею овладеть, заботились о своих караванных путях и одновременно боролись с эрозией. Эти группы арабских племен называли себя набатеями и населяли северную часть Аравийского полуострова. Столица Набатейского царства Петра («Аравия Петра») была важнейшим центром караванной торговли.

Сохранились многочисленные руины этого города. Исследования, проведенные в нескольких километрах от окрестностей Петры, показывают, что вся округа носит следы интенсивной и методической сельскохозяйственной обработки. Причем очень древней. Здесь и следы парцеллярного хозяйства, и обрабатываемых площадей, и маркировка полей на равнинах. Но наибольший интерес вызывают невысокие каменные заграждения, возведенные в долинах и на крутых склонах. Эти своеобразные дамбы приостанавливали или замедляли оползни почвы во время проливных дождей. Набатеи, по мнению археологов, заботливо оберегали обрабатываемые земли. Они вели «сознательную и организованную борьбу с эрозией». Большая часть ложбин, например, превращена в наклонные террасовидные участки. Подобно лестницам, некоторые из них имеют «ступеньки» шириной от 20 до 25 метров. Набатеи не ограничивались такой специфичной защитой против сил природы, но и сами переходили в наступление — по всей длине бурного потока проложили восьмисотметровый канал, увлажняя тем самым два гектара земли. Оросительные системы в пустынной местности всегда жизненно важны. Сама Петра была построена так, что представляла собой город со сложной оросительной системой.

Лишь сегодня ученые стали обращать серьезное внимание на эту цивилизацию. До этого набатеи были известны только по историческим памятникам. Но настоящая их жизнь связана с земледелием, с борьбой против эрозии и засухи. Прославились они и как талантливые строители акведуков.

Археологи проводят сейчас обширные раскопки в пятидесяти километрах севернее Петры, в местечке Кирбет-эд-Дари. Исследуются остатки храма-гробницы, который вы видите на фото, а также жилищ и маслобойни, расположенных на крутом склоне. По мнению археологов, поселение построено таким образом для максимального использования водных источников. До появления набатеев это место было диким, пустынным. По всей вероятности, властители Петры относились с особенным вниманием к земледелию, что впоследствии обусловило и оседлый образ жизни.

В процессе раскопок выяснилось, что в этих местах люди обитали еще с конца каменной эпохи. А к концу первого века до новой эры население здесь значительно возросло. Три года назад к югу от Петры был открыт дворец эллинской эпохи, окруженный ста сорока семью селищами. И везде присутствует характерная оросительная система с заграждениями, барражами и каналами, без которых древние цивилизации не могли бы существовать.

ТЕСТ

Довольны ли вы собой?

Любой тест,— а тем более этот,— несовершенен. И все же попробуйте ответить на него — знает ли человек, какое зеркало наименее кривое!

1. Хотели бы вы родиться заново и начать жизнь сначала? (Да — 4 балла, нет — 16).

2. Есть ли у вас хобби? (Да — 18 баллов, нет — 5).

3. Когда какая-либо ваша работа не ладится, способны ли вы сказать: «Такое может случиться только со мной»? (Да — 6 баллов, нет — 12).

4. Радуетесь ли вы, когда понимаете, что кто-то вам завидует? (Да — 16 баллов, нет — 2).

5. Страдает ли ваше самолюбие оттого, что кто-то считает вас несимпатичным, скучным человеком? (Да — 3 балла, нет — 12).

6. Находите ли вы какое-нибудь утешение в том, что с вашими знакомыми случаются те же неприятности, что и с вами? (Да — 18 баллов, нет — 5).

7. Мучает ли вас, если вы видите, что кто-то делает нечто лучше вас? (Да — 2 балла, нет — 16).

8. Часто ли у вас бывает крупный выигрыш в лотерею или по облигации? (Да — 4 балла, нет — 20).

9. Учащается ли у вас пульс, когда ваши знакомые или родственники делают дорогие покупки? (Да — 1 балл, нет — 12).

10. Любите ли вы высказываться перед большой аудиторией? (Да — 16 баллов, нет — 3).

А теперь подсчитайте баллы.

Свыше 120 баллов. *Вы исключительно довольны собой. Однако подумайте, не страдаете ли вы отсутствием критического, более реального взгляда на самого себя? Постарайтесь узнать о нем у своих приятелей и родственников?*

От 60 до 120 баллов. *В меру довольны собой, но все же вас нельзя отнести к крайне самоуверенным или самовлюбленным людям.*

Менее 60 баллов. *Вы не нравитесь себе. Возьмите себя в руки и постарайтесь обрести больше уверенности в себе, оглянитесь, подумайте, и не исключено, что заметите: вы себя просто недооцениваете.*

Рисунок Е. Силиной

НА ПОЛЯХ ЧУДЕС

А. Сокольская

Зачем человеку сонник

Видеть во сне серп есть знак вреда и злополучия, ибо он режет и пожинает все, ничего не соединяя. Видеть молот и ковать железо означает тяжкий труд, ссору и брань.

(Из старых сонников)

Сонник или гадательную книгу сейчас можно купить везде. И хотя все говорят о переводе бумаги, редко кто устоит от того, чтобы принести их домой и заняться гаданием. А гороскопы составляют даже для совместных предприятий.

Зачем человек покупает сонник? Вряд ли этот вопрос мог быть задан сто лет назад. Вещий сон снится Татьяне Лариной, сны видят Раскольников, Пьер Безухов, Анна Каренина и Вера Павловна Розальская-Лопухова-Кирсанова.

Вспомним, например, кошмарный и вещий сон Татьяны, и то, как она его пытается растолковать:

Татьяна в оглавленьи кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, буря, ведьма, ель,
Еж, мрак, мосток, медведь, метель
И прочая. Ее сомнений
Мартын Задека не решит...

Кроме чисто сюжетной и художественной нагрузки, которую несет этот сон, он на языке символов, доступном самому неискушенному тогдашнему читателю, приоткрывает очень многое из будущего Татьяны.

Бор — чужая сторона, буря — потери, ведьма — скандал, ель — праздники, подарок, еж — неприятность, мрак — опасность, удача, если выйдешь к свету; мосток — неудача, перемены, если перейдешь; медведь — жених, метель — печальное свидание.

Интересно, что героям советской литературы социалистического реализма сны уже не снятся. Самым простым объяснением может быть то, что изменилось время. Но посмотрите на Запад. Стиль XX века — «прустовско-джойсовские» приемы, сны, смещенные временные пласты, поток сознания. К тому же XX век — это и век Фрейда.

Как только от соцреализма отступает советский писатель, его персонажам начинают сниться либо вещие (кошмарный сон Лары Гишар в «Докторе Живаго»), либо странные, гротескные, выворачивающие наизнанку действительность сны, например в «Иване Чонкине».

Видимо, причина не в общем движении времени. С первых лет советской власти началось наступление на все, что касалось частной жизни человека.

А в начале тридцатых годов теоретики строительства новых городов обсуждают на страницах журналов «Революция и культура», «Социалистическая реконструкция и наука», «Борьба за технику», вопрос о личной площади и свободном времени трудящегося: для каких нужд он имеет право уединиться, насколько, с кем, допускать ли к нему детей, какие вещи он может иметь в личном пользовании.

Понятно, что сны — нечто изменчивое, расплывчатое, трудноуловимое — не вписывались в стройную систему маршей, физкультурных парадов и уверенности в завтрашнем дне. Будущее было известно, определено и спланировано. Мы строили научные городки, планируя, что дети, живущие там, тоже станут учеными (и в той же области), и возвели целый город Набережные Челны, в котором дети должны были заменить родителей у конвейера.

Слово «самоанализ» заменилось на «самокопание», а понятие о рефлексии сохранилось лишь в словосочетании «рефлексирующий интеллигент».

Герои Замятина и Хаксли не видят снов, а в романе «1984» есть одно очень интересное место. Уинстон Смит, размышляя о своей жизни, думает, что он не помнит, как выглядел мир до революции, он не в состоянии доказать, что этот мир существовал. Но бунт его тела против невыносимого быта, против отвратительной пищи, против самой этой жизни доказывает, что оно хранит память о каком-то более естественном мире, к которому оно принадлежит. Это доказательство преданалитичное, подсознательное. Правда переселяется из рассудка в предрассудок, из языка в плоть, из сознания в подсознание, в осколки памяти, в сон, в анекдот, в щемящую тоску.

Вдруг то здание, которое строилось в течение нескольких десятилетий, рухнуло. И оказалось, мало сказать людям, что они свободны, им надо еще научиться свободными быть. Научиться осознавать свое «я» не как последнюю букву алфавита, а себя — как уникальную личность, научиться принимать решения, выбирать пути и строить планы.

И тут человек неожиданно узнает, что только у него такие линии руки, только в момент его рождения были так расположены светила, а те неясные образы, которые он видит во сне,— знаки судьбы.

Он, человек, почувствовал себя центром таинственного мира, в котором кроме «да» и «нет» существует еще и «может быть». Он — его квинтэссенция. А история этого слова, как писал Пастернак, такова: «К четырем «основным стихиям» воды, земли, воздуха и огня итальянские гуманисты добавили новую, пятую — человека. Слово quinta essentia (пятая сущность) стало на время синонимом понятия, «человек» в значении основного алхимического элемента вселенной».

Но суть этой квинтэссенции нельзя понять, относясь к человеку как к безгласному, не способному к самооценке объекту.

Может быть, гадание по руке и толкование снов, пристальный интерес к своей духовной жизни (пусть даже на таком уровне) — это первые, робкие и смешные, шаги на пути постижения себя и своего освобождения?

Помните, как у Гумилева в «Шестом чувстве»:

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья...

Фотоокно В. Бреля

Никто не забыт...

На портрете Александр Аркадьевич Борин — профессиональный авиаконструктор, репрессированный в 1941 году по пресловутой 58-й статье. После десяти лет тюрьмы и приговора к пожизненной ссылке («хранить вечно») только в 1956 году полностью реабилитирован.

С начала тридцатых годов и до конца жизни (1987 год) Борин активно и плодотворно работал в области создания отечественной планерной и самолетной авиации. Уже в 1935 году в соавторстве с Е. П. Гроссманом и С. С. Кричевским им опубликованы работы, принципиально решившие одну из наиболее сложных проблем авиации — проблему флаттера. Продуктивным было и его творческое сотрудничество с такими авиаконструкторами, как Р. Л. Бартини и О. К. Антонов.

Воля, интеллигентность Александра Аркадьевича и поддержка многих его товарищей по несчастью помогли ему вытерпеть, выдюжить. Более того, сохраниться как личности и вернуться к любимой работе, а все оставшиеся силы отдать правозащитному движению.

В до сих пор не разобранном архиве Борина — более ста научных публикаций, свидетельств и заявок на изобретения, переписка с видными авиакострукторами — пионерами советского планеризма и самолетостроения, московскими правозащитниками. Наблюдательность, память и работоспособность позволили Борину сохранить и редчайший фактический материал о преднамеренном геноциде, сознательном уничтожении интеллектуального потенциала, интеллигенции, великой культуры великой страны, создать хронику «Никто не забыт...»

Писал он и рассказы о тюремных годах, вырезал на дереве портреты любимых писателей и поэтов, тех, кто помог ему не сломиться, выжить, сохранить себя.

Отступая от нашего правила, мы печатаем стихотворение Александра Аркадьевича. И причина такого отступления кажется нам очень важной. Этим стихотворением завершается неопубликованная тюремная хроника Борина, это итог его жизни.

Непримиренный я умру.
Душой склоняясь и коснея,
Я жил, я ждал и вот к весне я
Бросаю скверную игру.
К чему на зыби строить дом?
К чему хитрить, играя в прятки,
Когда в грызне и в лихорадке
Забыли мы, зачем живем?
На тощих лаврах совесть спит.
Сатрапы счастливы и правы,
Но зреет сок живой отравы,
Вгрызаясь в их тлетворный быт.
И вот настанет день большой,
Весна раскинет свод зеленый,
Но я умру непримиренный,
Как жил, с тоскующей душой.

В тот день на светлых площадях,
В глухих и грязных переулках,
В дремотных спальнях, в залах гулких
Рванет их души мерзкий страх.
Уже предчувствием пьяна,
Шатаясь, движется Расплата.
Над ней зияет тишина
Раскосым ликом азиата.
Ты тоже бьешься для нее,
О сердце гневное мое!
Примите же с последней данью,
Как дождь со светлой высоты,
Мое предсмертное дыханье,
Мои напрасные мечты...

Вдова А. Борина

Вам никогда не приходило в голову, что известная формализованная ортодоксия «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны» приобрела характер математического афоризма. Ее можно представить и в таком виде: «Советская власть — это есть коммунизм минус электрификация всей страны» или «Электрификация суть коммунизм без советской власти»?

Ю. Корякин

Ренессанс возможен, но...

Графика О. Брель

— Такое случается всякий раз, когда мы увлекаемся различного рода политэкономическими дефинициями типа «социализм», «коммунизм», «рабочий класс», «прослойка»,— считает главный научный сотрудник Научно-исследовательского и конструкторского института энергетики (кстати, того самого института, где проектировались реакторы Чернобыльской АЭС), доктор экономических и кандидат технических наук, профессор Юрий Иванович КОРЯКИН.— К этому ряду относится и усиленно вдалбливаемое сейчас в массовое сознание зловещее понятие «энергетика — базовая отрасль». Этот ход приверженцы административно-командной системы придумали, на мой взгляд, для того лишь, чтобы сохранить за собой власть, а за топливно-энергетическим комплексом — монопольное положение.

И наивно было бы не замечать опасность этого хода для экономического положения страны. Достаточно вспомнить, что добычей топлива и производством энергии занята, вкупе с оборонными отраслями, которые тоже претендуют на статус базовых, добрая половина трудоспособного населения Советского Союза. Останься эти оба гигантских комплекса в руках Центра, разве не понятно, кто будет править экономическим балом в стране? Опасность также заключается в том, что «базовая» — значит «государственная», а это, в свою очередь, означает «ничейная». В конечном итоге чернобыльская катастрофа — неисчисленные до сих пор потери человеческих жизней, сотен миллиардов рублей и десятков тысяч квадратных километров земель — следствие «ничейности», а значит — безответственности.

Я больше чем уверен, что никакая «базовость» не спасет энергетику от кризиса, в наступлении которого сейчас мало кто сомневается. Особенно глубок он в ядерной энергетике, отпочковавшейся («дочерней») от невероятно секретной отрасли атомного вооружения и потому принявшей много порочного от своего родителя.

Сейчас, после Чернобыля, проблема атомной энергетики СССР почти целиком стала общественной, а возникший социально-психологический феномен привел к кризису крупной народнохозяйственной сферы. Зримое проявление этого — мизерный ввод энергоблоков АЭС в нынешней и ожидаемый на всю тринадцатую пятилетку. Объявляют мораторий на строительство атомных станций целые республики. В результате общество недополучит более 100 миллионов киловатт, что не может не сказаться на всей экономике страны. Чтобы исправить положение, нужно, по крайней мере, признать прежние ошибки, отказаться от мифов, на которых ядерная энергетика развивалась.

Долго и упорно абсолютизировались ее возможности. И неисчерпаема-то она, и баснословно дешева, и безопасна. Понастроим реакторы везде и всюду и будем купаться в электричестве. В такой иллюзорной роли моноатомную энергетику управленчески было удобно рассматривать как источник неограниченного энергоснабжения застойной экономики. Надежды на щедрое энергоснабжение как бы освобождали от поиска энергетических альтернатив, энерго- и ресурсосберегающих технологий. Только сейчас, благодаря средствам массовой информации, которые вытаскивают за ушко министерских вралей, вселенская ядерно-энергетическая ложь стала рассеиваться. Но те, от кого она исходила и продолжает исходить, заняли глухую оборону или позицию агрессивного молчания, что лишь усиливает антиядерный прессинг населения.

— *Создается впечатление, что за ядерно-энергетическим негативизмом зачастую скрываются, кроме всего прочего, и антицентристские, антиправительственные настроения — за каждой станцией усматривают «руку Москвы».*

— К сожалению, поводов для этого более чем достаточно. Далеко не всегда строительство АЭС отвечает внутренним потребностям региона. И тогда привнесенная извне станция встречается в штыки. Особенно, если энергонасыщенность здесь и без того уже переполняет экологическую емкость. Так случилось, например, в Саратовской и Запорожской областях.

Георгий ЩЕРБИНА — из Челябинска:

Все решит референдум

На недавней сессии депутаты Челябинского областного Совета решили: Южно-Уральскую АЭС надо строить...

Однако «зеленые» продолжают занимать иную позицию: пусть, мол, свое веское слово скажет население области. Им, как видно, удалось убедить депутатов миллионного Челябинска в своей правоте. Сессия городского Совета, которая проходит в эти дни, приняла решение о проведении в городе 3 марта будущего года референдума. Челябинцы должны будут высказать отношение не только к строительству АЭС, но также к захоронению на Южном Урале радиоактивных отходов, поступающих из других регионов страны и из-за рубежа.

Сколько людей будет «за», сколько «против», предугадать сейчас никто не берется. Но сами депутаты придают референдуму политическую окраску. Они подчеркивают, что проведение массового опроса заставит высшие органы страны серьезно заняться наконец выработкой общегосударственной программы по атомной энергетике, а военные ведомства, Минатомэнергопром СССР — активнее заниматься ликвидацией последствий аварии 1957 года на химкомбинате «Маяк».

№ 341 • 8 декабря 1990 года • 2

Ярким примером может служить и Игналинская станция. Смею утверждать, что во многом нынешняя ситуация в Литве вызвана и двадцатилетним национально-общественным «бурлением» вокруг нее.

— *Но теперь-то, после того, как республика начала борьбу за собственные интересы, литовское общественное мнение вокруг этой станции, похоже, меняется в положительную для АЭС сторону.*

— Это понятно из складывающейся в Литве ситуации и только подтверждает мою точку зрения. Именно отсутствие региональных интересов, как правило, лежит в основе антиядерной аллергии. И заметьте, протестуют чаще всего не против атомной энергетики вообще, а против внедряемой Центром на «нашей» территории АЭС. Причем это всегда психологически обоснованная реакция на державные интересы Центра. Местные, региональные органы власти отказали в сооружении атомных станций в Ярославле, Иванове, где они, хотя и нужны, но потери региона больше, чем выгоды от сооружения АЭС.

Отказано в сооружении Южно-Уральской атомной станции. За свою сорокатрехлетнюю практику в системе Минсредмаша я не видел более удачного места для размещения атомной станции, чем Челябинская область. Сам бог велел ей там быть. Чудесные грунтовые условия. Станцию предполагалось соорудить на месте, которое примыкает к территории, где инфраструктура до сих пор нарушена после тридцатилетней давности взрыва баков с радиоактивными отходами, а для оборотного водоснабжения может быть использована поверхность уже испорченных озер. АЭС хорошо вписывается в комплекс с южноуральским комбинатом, на котором благодаря конверсии освобождаются ценные кадры, и, естественно, не кровати же и кастрюли им делать, а управлять бы атомной станцией. Да и саму Челябинскую область можно было бы освободить от загрязнений, что несут несколько крупных работающих на зольном угле тепловых электростанций.

Но насколько АЭС была бы там уместна, настолько плохо она была спроектирована. И еще хуже осуществляется ее маркетинг — с полнейшим минсредмашевским пренебрежением ко всей окружающей инфраструктуре. По сути дела, никаких сколько-нибудь серьезных усилий для строительства там атомно-энергетического объекта не было сделано. Ограничились слабыми, чисто формальными разговорами с местными «зелеными». А надо сказать, что в нынешнем антиядерном движении участвуют достаточно образованные и знающие люди, ученые местных университетов, научно-исследовательских и учебных институтов. Они предъявляют справедливые претензии к качеству проектов и организации ядерно-энергетического строительства. К сожалению, промахов, пренебрежения к региональным интересам и просто абсурдных решений немало.

Управленческие структуры не могли и не пытались, по существу, учитывать интересы местного населения, отгораживались от них ведомственной амбициозностью и тотальной секретностью.

Да и зачем, спрашивается, управленческим чинам поступать иначе, коли их зарплата никак не зависит от того, сколько выработано электроэнергии? Станции существуют (или не существуют) сами по себе, а ведомство, в котором заняты тысячи высокооплачиваемых работников, — само по себе.

И еще — слишком сильны управленческие стереотипы. Особенно прочно они укоренились в атомной команде. Тем более, что организационная структура этой системы не претерпела никаких значительных изменений по сравнению со сталинскими временами. От того, что слили Минэнерго с Минсредмашем в одно, еще более крупное министерство, ничего не изменилось. По-прежнему главной заботой чиновников остается «вызвать на ковер», на балансовую комиссию. По-прежнему — режим, служба, отчеты, справки. По-прежнему — «Дай пятилетку!» Сплошная имитация бурной деятельности, сплошная фикция. Как будто сами не понимают того, что ясно всем,— пятилетние планы в последнее время никто всерьез не принимает, так как будущее страны видят в конкурентной экономике, связанной с предпринимательской деятельностью. Только по этому пути может и должно развиваться и энергетическое производство. Тем более, что страна наша — одна из немногих — невероятно богата энергетическими возможностями. Невероятно богата и просто предрасположена к предпринимательской деятельности в области энергетического бизнеса. У нас есть и гидроресурсы, и уголь, и нефть, и торф, и газ, и ветер, и горячие подземные источники, и невероятное разнообразие природно-климатических и социально-демографических условий.

— *Но вы считаете возможным возрождение атомной энергетики?*

— Конечно. Об этом свидетельствуют мировые тенденции развития, мировой опыт. Нам не надо придумывать что-то новое, изобретать велосипед. Надо только посмотреть вокруг и поучиться у тех, кто достиг неплохих результатов. Но если правильно говорят, что мудрый учится на чужих ошибках, а умный — на своих, то мы...

Диву даешься, как много людей ездят сейчас в зарубежные командировки. Особенно полюбились валютные вояжи чиновному люду. Но где результаты этих поездок? Возвратятся и восхищаются: «Ах, как там все хорошо! Умеют же, дьяволы, работать!» А что, спрашивается, нам мешает так работать? Я вам скажу, что. И все это отлично понимают, только вслух вымолвить не решаются,— там другие отношения собственности. Кстати, никто и не интересуется в многотысячных загранвояжах этой главной причиной — всех интересует только следствие. Но ведь еще Козьма Прутков сказал: «Зри в корень»! Там не государство владеет энергетическими мощностями, а в основном фирмы. В США самая крупная из них — «Консолидейтед Эдисон» — продает на северо-востоке страны примерно тридцать миллионов киловатт. Всего же в Соединенных штатах около 600 частных энергетических фирм, более 200 частных электростанций. Как правило, они не специализируются на каком-то одном виде энергетики — угольной или газовой, атомной или гидро. Это расширяет возможности маневра.

Вспомним аварию на американской атомной станции «Три Майл Айленд». Она тоже привела страну в шоковое состояние и обошлась ей в 130 миллиардов долларов, несмотря на то, что там не было фактических потерь. Все эти 130 миллиардов — «плата за страх», плата за перестраховку. Зато никаких перерывов в снабжении энергией не было. Да, пришлось временно отказаться от строительства новых атомных блоков. Однако, как птица Феникс, возникли резервные генерирующие мощности, изменилась структура энергопроизводства. И хотя все это недешево обошлось американским фирмам, они своего не упустили. По одной элементарно простой причине: их жизнеспособность и положение напрямую зависят от выработанной и проданной продукции, полученных за нее денег. А чтобы их получить, приходится проявлять недюжинную гибкость, расчетливость.

Японские фирмы до 10—15 процентов стоимости атомных станций тратят на то, чтобы превратить места их расположения — ранее бросовые, разрушенные земли — в райские уголки. Сделают станцию, а вокруг настроят школы, больницы, дороги, создадут там заповедники — все, что местные власти захотят. Потом туда возят туристов, туда приезжают отдыхающие. И никто не внакладе. Ни те, кто живет здесь, ни те, кто производит энергию. Конечно, все это требует дополнительных расходов. Но давайте подведем баланс «затраты — выгода» применительно к отечественным условиям. Я не раз был в Кыштыме, в Челябинске — красивейшие места, прекрасные озера. Но все загажено. Вот бы и предложить людям: «Давайте наведем здесь чистоту и порядок. Да не потом, а еще до того, как начнем строить АЭС». Сооружение трех блоков Южно-Уральской станции обошлось бы примерно в два с половиной миллиарда рублей. В национальный же доход они бы ежегодно прибавляли в четыре раза больше.

Чтобы заинтересовать общественность региона в строительстве АЭС, достаточно было бы к ее стоимости добавить всего пять процентов. Этих 125 миллионов с лихвой хватило бы Челябинской области и на новое жилье, и на дороги, и на детские сады, и на школы, и на автостоянки, индивидуальное жилстроительство, помощь стройматериалами, и на бог знает что еще. Но вместо того чтобы отпечатать и широко распространить проекты и проспекты, обсудить их на сессиях местных Советов и сходках, подготовить рекламные кинофильмы и показать их в каждой деревушке, привлечь,— разумеется, с солидной компенсацией — местные знаменитости и авторитеты (но только неформальные) к выступлениям в пользу АЭС, вместо всего этого ведомство отступило. Дескать, нажим не прошел, ну и ладно. Пожалели 125 миллионов и упустили 10 миллиардов. Воистину, скупой платит дважды, а неразумный и ленивый — несоизмеримо больше. Такова плата за сановное самомнение и косность ведомства.

— *Что же вы предлагаете?*

— Пирамида энергетической власти не может и дальше стоять вверх основанием. Следует наконец перевернуть ее в нормальное положение. Было бы неразумным надеяться, будто изменить общественное мнение в пользу ядерной энергетики можно легко и просто, лишь рекламируя преимущества АЭС, на чем сосредоточено сейчас все официальное внимание. Словесная и бумажная пропаганда — плохой помощник. Как правило, назойливое повторение призывов провоцирует желание им не следовать.

Давно назрела необходимость принять радикальные организационно-экономические, законодательно закрепленные меры, которые придали бы ядерной энергетике научно-техническую мобильность и адаптационные способности, соответствующие грядущим экономическим изменениям. Среди них главное — усиление местной самостоятельности. Новые атомные электростанции должны создаваться, строиться и работать постольку, поскольку они выгодны или приемлемы для населения районов их расположения. Иного условия их сооружения не может быть. Ведомственный монополизм должен быть преодолен. Надо отобрать у министерства полновластное владение генерирующими мощностями. И образовать из них территориально самостоятельные энергетические фирмы. Такая фирма — своя, местная — тысячами нитей связана с населением. Ей оно доверяет. Сейчас, когда открываются возможности для формирования многоукладной экономики, а суверенитет республик и регионов не только провозглашается, но и начинает осуществляться, нечего уповать на директивно предопределенную приоритетность и исключительность ядерных энергоисточников.

Неизбежным и во многих отношениях полезным окажется рынок энергетических решений и предложений. Любой хозяйственно самостоятельный хозрасчетный регион будет нуждаться в энергии. Стало быть, неизбежен его переход в положение ответственного и по-настоящему заинтересованного в удовлетворении собственных энергетических нужд. Отвечать таким требованиям и интересам будут независимые от ведомств энергетические фирмы, основанные на акционерной или акционерно-

государственной формах собственности, в которые объединятся электростанции, проектно-конструкторские, строительно-монтажные и машиностроительные организации. Очень важно, чтобы энергоисточники объединились в хозяйственные единицы не по родству энерготехнологий, а по родству конечной продукции и территориальному принципу. Нетрудно представить себе существование и в нашей стране энергетических форм, обладающих парком разнообразных электрогенерирующих мощностей — гидростанциями, станциями на газе, мазуте, угле, атомных реакторах. Это важное условие рыночной энергоэкономики.

Другими словами, надо создать энергосистемы, которые функционировали бы самостоятельно, полностью на коммерческой основе. Министерство же — неважно, как оно будет названо, — станет регулировать поведение фирм, преследуя государственные цели. Их, по крайней мере, три. Забота о том, чтобы энергетическое производство не наносило вреда окружающей природной среде. Это раз. Второе — защита потребителей. Потому что, как ни крути, хотя энергетическая фирма выполняет региональный заказ, мы с вами не вольны завести себе в розетку энергию той или иной фирмы. Третье — ликвидация монополизма в энергетике.

Одно важное замечание: государственное регулирование должно осуществляться отнюдь не манипулированием ценами, а только соответствующей налоговой политикой.

Я глубоко уверен, что ядерно-энергетический ренессанс не наступит, если не перейти к горизонтальным рыночным связям между производителями и потребителями энергии, не отказаться от развращающей роли централизованных органов управления топливно-энергетическим комплексом, этаких спасителей экономически утопающих, от дезорганизующего мелочного вмешательства в дела предприятий.

— *Боюсь, что ренессанс атомной энергетики ни в Белоруссии, ни на Украине еще очень долго не наступит.*

— По крайней мере, при жизни нынешнего поколения. По природно-климатическим соображениям отпадают Крым и Кавказ. В Средней Азии ядерная энергетика вообще не нужна. Несколько особняком стоит Прибалтика. Создавшаяся там сложная политическая и экономическая ситуация может подтолкнуть к созданию не очень крупных атомных агрегатов. Что, например, мешает на северо-востоке Эстонии парочку блоков по 400—500 тысяч киловатт поставить в подземных сланцевых выработках? По меньшей мере, этот уголок республики стал бы чистым. Но это частный случай. Серьезное же развитие атомной энергетики представляется возможным только в России.

Скажем, севернее Вологды сельского хозяйства, извините, с гулькин нос. Зато здесь относительное безлюдье, много холодной воды, необходимой для нормальной работы реакторов, сравнительно близко к ленинградскому и прибалтийскому регионам, Центральному промышленному району, Донбассу и прочим местам широкого потребления энергии. Российские энергетические фирмы могли бы наладить деловые связи с другими республиками, какие бы политические и социальные перетряски там ни случались. Строят же французские предприниматели атомные станции в Бельгии, и обе страны довольны. Россия располагает необходимым ядерно-энергетическим, интеллектуальным и промышленным потенциалом. Она вполне может превратить ядерную энергетику в солидную доходную часть своего бюджета. В отличие от нынешнего совершенно ненормального положения, когда все или почти все ядерно-энергетическое бремя (топливный цикл, захоронение отходов) лежит на России, а выгода от АЭС отчуждается у нее центральным энергетическим левиафаном — Минэнерго, Минатомэнергопромом. И многомиллиардные инвалютные поступления — например, за обогащение для зарубежных АЭС так называемого «давальческого» урана на российских обогатительных заводах — растворяются во времени и пространстве.

Достижение энергетической самостоятельности России — условие возрождения ее национального величия. Не сомневаюсь, что ядерно-энергетический ренессанс обязательно наступит. Обязательно! Когда? Это целиком зависит от того, как скоро у нас появятся действительные, а не мнимые владельцы АЭС, экономическое положение которых зависело бы только от выработки энергии, то есть только от экономики и ни от чего больше. Поэтому лечить ядерную энергетику надо начинать уже сегодня. Ключ к ее лечению не столько научно-технический, сколько общественно-политический, политэкономический.

Беседу вел Г. ВЕРШУБСКИЙ

ВО ВСЕМ МИРЕ

Мощно дышать и в жидкости

Что делает белая мышь в этом сосуде с жидкостью? Ничего, просто дышит. Перфтористое соединение «Флуазол-Да», разработанное в Японии, проходит испытание в одной из американских фирм, купившей лицензию с целью использования в медицине — при ишемической болезни, в противораковой терапии, для защиты миокарда во время сердечного приступа. Предполагают, что в скором времени переносчик кислорода типа флуазола станет заменителем гемоглобина у больных с низким уровнем содержания этого естественного переносчика кислорода.

Так ли уж безмолвно море?

Производимый человеком шум можно назвать самой последней формой загрязнения океана, считает научный сотрудник из Мичиганского университета. Ученый собрал данные о том, что шум от кораблей и бурения нефтяных скважин вредно воздействует на поведение, рост и размножение многих морских животных.

Недавние исследования показали, что гренландские и калифорнийские серые киты изменили свои миграционные маршруты, чтобы избежать встреч с судами и другими источниками шума, отмечает ученый-гидробиолог Артур А. Майрберг. Известно, что киты-белухи испускают сигналы тревоги, когда в пятидесяти милях от них проходит большой ледокол.

Майрберг провел исследования, показавшие, что шум вреден для развития рыбьей икры, он уменьшает скорость роста и репродукции креветок и некоторых видов рыб. Он доказал также, что морские животные, приближающиеся в поисках пищи и убежища к нефтяным вышкам, вскоре становятся глухими, попадая, в сущности, в «физическую ловушку», которая препятствует их способности жить в других водах.

Вода, вода, кругом вода...

Немецким ученым из Регенсбургского университета удалось сохранить воду в жидком состоянии при температуре минус 70 градусов.

Как? Благодаря давлению в 400 тысяч атмосфер. Правда, вода стала густой, как мед, но не затвердела. По мнению исследователей, этот эксперимент крайне важен для дальнейшего изучения физических свойств такой необыкновенной жидкости, удивляющей нас в последнее время все чаще и чаще.

Усыпляющий моторчик

Какие только средства не испробовали отчаявшиеся родители, чтобы успокоить своего ребенка, плачущего без передышки из-за желудочно-кишечных колик! Согласно статистике, этим страдает почти четверть новорожденных до трех месяцев.

Измученный непрекращающимся плачем сына, американец Армандо Куэрво решил покатать его на автомобиле. Прогулка оказалась чудодейственной — ребенок успокоился. Сообразительный отец отметил скрытые возможности «неожиданного» средства усыпления и разработал устройство «слиптайт». Это маленький электрический вибратор с прибором, имитирующим звук автомобильного двигателя при скорости около восьмидесяти километров в час. Прикрепленный к коляске «слиптайт» издает слабый шум и одновременно легко раскачивает коляску. При испытаниях прибор оказался эффективным в восьмидесяти пяти процентах случаев. Педиатры единодушно одобрили изобретение.

Рисунок В. Сарафанова

«Большой бассейн»

Так называется новый национальный парк, созданный недавно в американском штате Невада. Именно здесь сохранились самые старые на Земле деревья — остистые сосны. Некоторым из них более четырех тысяч лет. Они величественны.

Нагорье Большого Бассейна — самая безлюдная и малоисследованная область западных штатов. Даже американцы считают эти места глухоманью. Здесь редко увидишь машину, зато обычны вилороги — красивые и стройные антилопы. Самая высокая гора нового парка называется Уилер-Пик. Ее вершина поднялась над уровнем моря на 3982 метра.

По мнению директора парка Ала Хендрикса, парки должны представлять природные ресурсы и условия данного края, чему и соответствует горно-долинная экосистема нового парка. «Большой Бассейн — один из последних рубежей дикой природы»,— сказал объездчик парка Майкл Никлас. Правда, это не заповедник, здесь разрешено пасти скот местным жителям, а туристам устраивать стоянки в любом понравившемся им месте. И все же директор парка уверен, что отныне парк будет здесь вечно и принадлежит он не только штату Невада, а всей стране.

«История любит повторяться» — эти слова уже набили оскомину. Наш век требует точных формулировок: что и где повторилось? С какими отличиями? В чем причина этих отличий и в чем причина сходства между двумя событиями, отдаленными во времени и в пространстве?

Будь Плутарх нашим современником, редакторы и читатели затравили бы его, требуя доказательств. Действительно, что общего между Демосфеном и Цицероном, кроме ораторского таланта? Почему судьбы или политические взгляды великих ораторов должны быть сходны? И насколько доказательно утверждение, подкрепленное всего двумя примерами? Вот если бы Плутарх мог предъявить пять или десять сходных биографий знаменитых ораторов, тогда другое дело. А то два оратора, два полководца, два политика... Нет, это не убеждает. Так что, гражданин Плутарх, либо дайте нам представительную выборку сходных героев, чтобы можно было подвергнуть их статистическому анализу и этак выведать всю подноготную, либо предъявите нам универсальную модель поведения ваших героев! И пусть эта модель будет формализуемой, да еще динамической, тогда ее можно будет зажать в клещи

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ИСТОРИИ

С. Смирнов

Сравнительное жизнеописание народов

современной математики и теорфизики, а потом загнать ее в компьютер и там много раз испытать, варьируя свободные параметры,— вот это будет солидно!

Конечно, старик Плутарх не выдержал бы такого обращения. А мы должны выдерживать — такова расплата за удовольствие жить в XX веке. Да только где они, современные Плутархи? Не ударились ли все в физику – сравнивать жизнеописания элементарных частиц? За это ведь Нобелевскую премию дают, а за сравнение биографий Ивана Грозного и Иосифа Сталина давали совсем другое! Действительно, давали и этим надолго притормозили развитие исторической мысли. Но верно заметил невеселый юморист С. Е. Лец: «Мыслей должно быть столько, чтобы цензоров на них не хватало».

Например, мысль об удивительном сходстве исторических судеб многих кочевых народов приходила в голову еще славному Ибн Хальдуну, современнику Дмитрия Донского и Тамерлана, и не считалась тогда подрывающей устои науки или общества. Мысль эту долго и успешно развивали и обобщали многие историки: Джамбаттиста Вико,

Огюстен Тьерри, Август Мюллер, Освальд Шпенглер, Арнольд Дж. Тойнби, Л. Н. Гумилев. И вот догадка стала теорией, вышла на страницы научной печати, о ней спорят в кулуарах конференций, в коридорах институтов, в «Литературной газете»...

Но, может быть, не споры нужны, а экспериментальная проверка этой гипотезы? Взять, например, два или три народа (или, по-научному, этноса) с хорошо изученной историей — хотя бы русских, англичан и французов — и сверить их биографии с хронометром в руках. Удастся ли выявить хоть частичный изоморфизм основных событий этих трех историй? И что останется вне рамок такого изоморфизма?

Попробуем выяснить это. Допустим (для начала и для простоты), что темпы исторического развития трех выбранных нами народов одинаковы. Если так, то надо лишь выяснить даты их рождения и дальше искать аналогии между «синфазными» — но не обязательно синхронными! — событиями в Англии, Франции и России. Но где же та книга, в которой отмечены все три «дня рождения» — великороссов, французов и англичан?

Начнем с наших пращуров, с ними все понятнее, и будем для простоты искать не «день рождения», а «день совершеннолетия» великорусского этноса. Спасибо Д. М. Балашову — благодаря его романам эта эпоха стала сейчас известна массовому читателю. Мы знаем, что Москва вышла на общерусскую политическую сцену в начале XIV века. Тогда крепкий хозяин и собиратель князь Даниил Александрович сумел (не один, конечно) удержать случайно доставшийся ему Переславль-Залесский, отобрал у Рязани Коломну, подготовил захват Можайска. Так была заложена основа будущего Московского государства, а уж потомство не выпускало ее из рук, даже при слабых князьях и в пору внутрисемейных усобиц.

Таково было московское совершеннолетие. А как быть с рождением будущих великороссов? Как заметить момент их обособления от прочих людей русского языка — киевлян, галичан, новгородцев? Электрическое поле распознается по движению в нем пробных зарядов. Так и «этническое поле» (что бы ни скрывалось за этой туманной метафорой) приходится изучать, наблюдая поступки правителей и — обязательно! — результаты этих поступков.

Вот странный поступок княжича Андрея. Почему сын Юрия Долгорукого самовольно оставил отца в завоеванном наконец славном Киеве и вернулся в Залесье? А вернувшись, сел не в старом Суздале, а в юном Владимире, сделался здесь великим князем, стал править всей Русью из вчерашней глухомани? Видимо, прикипел душою молодой князь к новым людям Залесья, столь отличным от ненадежных киевлян той поры. И видимо, все это началось на стройке первого кремля — в Москве или в Звенигороде в 1148 году или около того.

Похоже, что от «рождения» до «совершеннолетия» великороссов прошло полтораста лет. Интересно сравнить этот «срок возмужания» с соответствующими сроками англичан и французов. Если они окажутся примерно такими же, то подтвердится наша дерзкая предварительная гипотеза о едином темпе эволюции всякого этноса.

Что ж, разберемся с Францией. Вспомним, что изначально слово «Иль-де-Франс» — «остров Франция» — обозначало лишь маленькую область вокруг Парижа. Но в 987 году неяркий правитель этого княжества, Гюг Капет, вдруг был избран королем всей Франции! И пошла от него восьмисотлетняя династия Капетингов. Что предшествовало этому чуду? Кто был главным чудотворцем?

Наверное, пращур Капета, граф Эд, возглавивший беспримерную оборону Парижа от викингов в 885 году. Никто в Европе не верил, что парижане устоят, но они устояли. Значит, это были особые люди — ядро нового народа,— впервые заявившие о себе в черную годину разорения древней галльской земли заморскими хищниками и полного банкротства франкских королей, наследников Карла Великого. Так началось «детство» французского этноса.

А когда настала его зрелость? Видимо, в ту пору, когда сгладилась разница между потомками защитников Парижа и тех, кто его осаждал. Это произошло где-то во второй четверти XI века. Тогда мы уже не видим во Франции викингов-норманнов — их сменили «нормандцы», сохранившие боевую доблесть предков, но перенявшие французский язык, католическую веру и феодальную государственность. Тогда и «вектор агрессии» изменил свое направление: нормандцы, так же похожие на жителей Иль-де-Франс, как тверичи на москвичей, в 1033 году попытались (во главе прочих французов) завоевать королевство англосаксов, а в 1066 году они преуспели в этом намерении.

Итак, «детство» французов длилось около полутора веков — как и «детство» великороссов. А у англичан? Кажется, с ними все должно быть иначе: там ведь не было медленной консолидации, а шло быстрое завоевание. В 1066 году обе главные компоненты нового народа — англосаксы и нормандцы — вдруг оказались в одном котле, но в неравном положении: одни в роли хозяев, другие в роли слуг. И пошел неприятный процесс взаимного привыкания. Когда и чем он закончился?

Известно чем — срастанием двух компонент в единый английский народ. Но когда впервые нормандцы и англосаксы выступили плечом к плечу без приказа свыше? Пожалуй, это было в 1215 году, в борьбе за Великую хартию вольностей против зазнавшегося самодержца — Иоанна Безземельного. Конечно, без добровольной поддержки йоменов-саксов бароны-нормандцы не сумели бы разгромить королевских наемников, а после своевременной смерти Иоанна — короновать его малолетнего сына и оформить первое конституционное правительство Англии.

Ни в России XIV века, ни во Франции XI века не было такого острого противостояния народа и властей, такого вынужденного и крепкого союза между двумя разноязычными и неравноправными компонентами нового народа. Оттого и не стали эти государства конституционными с самого начала — со всеми вытекающими из этого последствиями.

Но об этом потом, а пока мы выяснили, что «детство» трех народов — русского, английского и французского — протекало с одинаковой скоростью и длилось около полутора столетий. Но даты рождения этих народов — 885 год для французов, 1066 год для англичан, 1148 год для великороссов — не совпадают даже приблизительно. Так что сравнивать основные события трех истории нам придется с учетом «сдвига фаз», который составляет около 180 лет между французами (они старше всех) и англичанами и примерно 80 лет — между англичанами и великороссами. Перейдем теперь к следующему возрасту народа — к его «молодости».

Можно ожидать, что здоровая молодость наполнена массовым творчеством во всех областях — экономической, политической, культурной. Но всякое творчество есть успешное преодоление естественных препятствий, поэтому «концом молодости» можно считать обрыв цепи удач в преодолении таких препятствий. Когда и чем закончилась молодость великороссов?

Видимо, это случилось в середине XVI века, когда быстрое и успешное подчинение Поволжья (Казань взята в 1552 году, Астрахань — четырьмя годами позже) вдруг сменилось и заслонилось катастрофой опричнины, неудачной Ливонской войной, опасным разрывом московских правителей с украинскими казаками... Значит, «молодость» великороссов длилась около 250 лет. А как было у французов и англичан?

Начнем с Франции. Отложив 250 лет вперед от эпохи Генриха I и Гвильома Нормандского, мы попадаем в эпоху Филиппа Красивого. Можно ли считать ее кризисной? Взлет профессиональной бюрократии и отступление феодалов, присоединение Наварры и победа над папой Бонифацием. Но одновременно — позорный разгром французских рыцарей ремесленниками Фландрии в «битве шпор» 1302 года, возмутившее Европу Авиньонское пленение пап, геноцид против ордена тамплиеров, а на горизонте — «крестовый поход детей», неудачное начало Столетней войны...

Пожалуй, 1302 год можно считать перевалом, отделяющим эпоху совместных успехов французского народа и правительства от «бунташного века», когда правители отрываются от народа и успехи тех и других становятся редкостью. В России это началось при Иване Грозном (1564), во Франции — при Филиппе Красивом. А как было в Англии?

Здесь переломным можно назвать 1455 год. Стоило отгреметь пушкам Столетней войны (в этом новом огненном деле французы превзошли англичан), как английская знать погрязла в тридцатилетней усобице — той «войне роз», чьи битвы превзошли по масштабу геноцида Креси, Азенкур и Гастингс. Политическое банкротство феодалов оправдало в глазах народа королевский террор против знати; таковы корни тирании Генриха VIII, во многом подобного Ивану Грозному. И все это началось через 240 лет после славной Хартии вольностей, так что подмеченная нами во Франции и в России закономерность проявляется и в Англии.

Сколько же длится «бунташный век», сменяющий «молодость» народа? В Англии устойчивое равновесие наступило лишь около 1660 года, в конце революции, через два столетия после начала феодальных усобиц. Во Франции относительный порядок установился в конце правления Луи XI или чуть позже, в 1485 году, когда французские деньги помогли английскому изгнаннику Генри Тюдору свергнуть последнего воинственного короля из дома Йорков, Ричарда Третьего, и заморская угроза перестала тревожить правителей Франции. А в России? Здесь весь XVII век справедливо прозван «бунташным», за ним следует эпоха Петра I, и все приходит в новую норму только при Екатерине II, после 1762 года.

Итак, бунташный век закономерно сменяет эпоху народной «молодости» во всех трех наших примерах, и длительность его почти одинакова — около двух столетий. Видимо, нет смысла считать эту фазу эволюции этноса исключительной — она так же естественна, как его бурное «детство». Впрочем, детство и у людей бурное; но за молодостью человека обычно следует более спокойная зрелость. У народов, кажется, иная судьба — за уверенным восхождением следует новый длительный неравновесный период, который нарушает покой обывателей (тогда рождаются афоризмы вроде «Не приведи бог жить в интересную эпоху!») и добропорядочных кабинетных мыслителей, легко забывающих древнюю заповедь: «Вы услышите о войнах и смятениях — не ужасайтесь, тому должно быть!»

Но поднимемся мыслью выше этих разногласий. Мы видели, как полуторавековое неустойчивое детство народа сменяется устойчивой молодостью, которая длится два с половиной столетия. Затем двухсотлетний бунташный век, который, видимо, должен смениться новой равновесной эпохой. Сколько она длится? И чем завершается?

Начнем с французского народа — он старше двух других. Устойчивый монархический режим, основанный Луи XI, просуществовал 300 лет и рухнул под ударом революции в 1789 году. Английский имперский социум «образца 1660 года» также прожил около трех столетий — до середины нашего века, когда Британская империя тихо распалась, Англия же вошла вслед за Францией в Западноевропейское сообщество. Напротив, в России имперский режим был уничтожен революционным взрывом раньше расчетного срока,— видимо, здесь проявилась иная социальная закономерность, которую мы пока не учли.

Выявленное нами сходство в расписаниях девятивековых отрезков английской, французской и русской истории кажется весьма интересным. Хочется узнать естественные пределы этой эмпирической закономерности. Например, проявлялась ли она в истории более древних народов? Что же, сделаем контрольный опыт: рассмотрим классические истории Рима и Эллады сквозь обнаруженную нами хронологическую призму.

Начнем с римской истории и попробуем выявить в ней подмеченный нами ритм: детство — молодость — смуты — равновесие в темпе столетий: 1,5—2,5—2—3.

Когда наступило римское совершеннолетие, какими событиями оно отмечено? Выход римского народа на общеиталийскую арену состоялся, видимо, около 509 года до новой эры — тогда римляне изгнали своего дурного царя Тарквиния Гордого, установили в городе республику и сумели ее защитить. Затем они 250 лет объединяли Италию и развивали свою законность — такою была их молодость. Пунийские войны искусственно затянули ее на полвека, но, одолев Ганнибала, римляне с увлечением погрузились в стосемидесятилетний бунташный век, конец которому положил лишь Август. С 30 года до новой эры началась равновесная имперская эпоха, но продолжалось это, кажется, пять веков, а не три века, как нам хотелось бы в духе нашей гипотезы! Но может быть, не так все было просто и равновесно в имперском Риме?

Действительно, середина III века новой эры (так называемая «эпоха солдатских императоров») — это тяжелейший кризис в истории Рима. Правители меняются по нескольку раз в году, в разных концах державы одновременно правят по два-три и более императоров. И откуда только они берутся: галл, испанец и мавр, иллирийский крестьянин и сын арабского правителя... Только коренных римлян не видно на престоле Римской империи!

Вот именно: в середине III века (через три столетия после Октавиана Августа) римский народ не исчезает, но перестает играть ведущую роль в созданной им державе. Единство государства поддерживается только единством военной машины, а это вещь непрочная. Вскоре проницательный политик Константин сменит государственную религию, чтобы подпереть шаткое имперское здание новой крепкой этнической общиной христиан. Эти новые люди напоминают древних и будущих москвичей в одном: считая друг друга товарищами по судьбе, они не предают своих ближних, в том числе — своих вождей. Оттого у них есть будущее (великая православная Византия и великая католическая Европа), а у римлян третьего века будущего нет. В оставшиеся три столетия римский этнос тихо угасает в рамках дедовской империи, управляемой новыми «варварами с душою римлян».

Итак, мы успешно проверили на римском примере нашу численную гипотезу о четырех возрастах этноса и при этом обнаружили пятую, заключительную фазу — старость этноса. В Риме она заняла два с половиной столетия — от 235 года, когда был убит последний «законный» император Александр Север, до 476 года, когда очередной полководец-варвар, свергнув очередного ничтожного императора, решил, что этот титул потерял в Италии всякий смысл, и отослал имперские регалии в Константинополь, сам же ограничился более скромным и древним званием «рекс».

Теперь надо разобраться в истории Эллады. Ее анализ удобнее начать с «имперской» эпохи, которая началась битвой при Херонее в 338 году до новой эры. Там Филипп Македонский разгромил объединенные войска греческих полисов и стал владыкой всей Эллады. Эра эллинистических монархий затянулась на три столетия — до той поры, когда Октавиан объединил все Средиземноморье под властью Рима. С этого момента греческая цивилизация процветает в римских руках. Длится это еще три века, затем эллинизм вытесняется новой христианской цивилизацией, а потомки эллинов становятся ревностными адептами нового образа мысли.

Значит, закат эллинов был подобен закату римлян — если следить за судьбой культуры больше, чем за политической хроникой. Но укладывается ли их ранняя история в нашу эмпирическую схему? Равновесной «имперской» фазе должен предшествовать бунташный век; подходит ли это название для славной эпохи Мильтиада и Перикла?

Пожалуй, подходит. Вспомним, что всемирная слава Афин началась с демократической «революции Клисфена» в 511 году до новой эры, которую спартанцы безуспешно пытались подавить. Затем греко-персидские войны на время приглушили давнее соперничество Афин и Спарты, но сразу после победы оно вспыхнуло вновь. И с той поры усобицы не прекращались до роковой битвы при Херонее. Значит, бунташный век Эллады длился 173 года — это соответствует двухвековому расчетному сроку.

Сдвинемся дальше в глубь веков — сразу на два с половиной столетия, которые должны, по нашей гипотезе, отделять совершеннолетие эллинов от начала их усобиц. Что мы видим в туманной середине VIII века до новой эры?

Первые Олимпийские игры (776 год до новой эры), равносильные общеэллинскому конгрессу доброй воли; первые надписи, выполненные греческим алфавитом; наконец, поэмы Гомера. Все это — блестящие аттестаты культурной зрелости эллинов и хорошее подтверждение нашей гипотезы.

Но можно ли разглядеть начало эллинского «детства» в еще большем удалении — где-то в конце X века до новой эры? Можно, потому что тогда начиналось детство очень многих народов. Именно XI—X века до новой эры были концом очередного переселения народов, связанного с так называемой «железной революцией» в экономике. Тогда в очередной раз стабилизировалось население Эллады и Палестины, Ливана и Ассирии, Северной Индии и долины Хуанхэ... Очень трудно разобраться в том фейерверке этногенезов, но нам достаточно зарегистрировать его финал, совпадающий с рождением Эллады.

Итак, параллель между историями римлян и эллинов установлена, «сдвиг фаз» между ними составляет около трехсот лет. А теперь не проверить ли нам интуицию старика Плутарха? Он подобрал двадцать три пары биографий знаменитых эллинов и римлян, личности или социальные роли которых показались ему сходными. Конечно, Плутарх не думал о едином ритме в развитии разных этносов, так что выбранные им герои сплошь и рядом оказываются «не синфазны» друг другу, но тем интереснее узнать, во скольких случаях угаданные Плутархом аналогии подтверждаются расчетом по нашей эмпирической схеме?

Перечислим явные удачи Плутарха (читатель может сам проверить их по «Сравнительным жизнеописаниям» и по учебникам истории):

ораторы — Демосфен и Цицерон;
удачливые завоеватели — Александр Македонский и Юлий Цезарь;
неудачные воители — Никий и Марк Красс;
вынужденные сепаратисты — Эвмен и Серторий;
самовластцы Спарты — Лисандр и Агесилай, и Рима — Сулла и Помпей.
тираноборцы-победители — Дион Сицилийский и Брут Младший;
тираноборцы-побежденные — Фокион Афинский и Катон Младший.

Легко заметить, что все эти пары персон представляют одну пару эпох — с центрами около 350 года до новой эры (для Эллады) и около 70 года до новой эры (для Рима). Можно проверить, что другие (менее убедительные) примеры спаренных Плутархом жизнеописаний — например, Тесей и Ромул, цари Агис и Клеомен и братья Гракхи — не укладываются в соответственные фазы развития Эллады и Рима. Поэтому удачи и неудачи великого эмпирика Плутарха можно считать первым надежным экспериментальным материалом по сравнительной этнологии человечества. Несколько раньше подобные наблюдения вел на другом краю Евразии великий структуралист Сыма Цянь, но он не имел возможности сравнивать биографии разных этносов своей ойкумены и поэтому не дошел до тех открытий, которые выпали на долю его далеких преемников Ибн Хальдуна, Вико и других мыслителей.

Однако вернемся в наш, двадцатый век и попробуем разобраться в научной сущности тех возрастов этноса, которые мы назвали детством, молодостью, бунташным веком, государственным равновесием и старостью. Мы видим две сугубо неравновесные эпохи, за которыми следуют две эпохи релаксации накопленных противоречий. Вначале — детство, когда в обществе совсем не заметно устойчивых структур и разные люди как бы играют в новую коллективную игру с неизвестными правилами. Как только эти правила становятся всем ясны и привычны, наступает молодость, то есть эпоха сбалансированного роста этнической культуры. При этом кристаллизуются основные социальные институты, общество приобретает устойчивую сословную структуру.

Далее, в бунташный век сословия теряют устойчивость, переходы людей между сословиями становятся не исключением, а нормой, то есть сословия превращаются в классы, которые тут же начинают свой тур игры на нахождение общего языка и равновесия сил. Раз достигнутое, это равновесие фиксируется в новой структуре государства. Срок существования этой весьма устойчивой структуры до начала ее естественной атрофии мы назвали государственным равновесием.

Такой представляется общая схема этнической эволюции: в первую неустойчивую эпоху происходит взаимная подгонка **личностей**, во вторую такую эпоху — подгонка **классов**; первая устойчивая эпоха закрепляет народную культуру, а вторая — административную надстройку над этой культурой.

Конечно, это очень упрощенное и огрубленное описание весьма сложных этнических и социальных феноменов. Мы не будем углубляться в анализ многоразличных и противоречивых научных моделей, построенных для объяснения этого круга явлений. Каждая такая модель заслуживает отдельной статьи или книги. Первые книги этого рода уже появились: в 1989 году вышла книга Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли», а в 1991 году выйдет русский перевод сходной книги Арнольда Тойнби «Постижение истории».

Нам же полезнее задуматься о другом: что осталось за пределами нашей «хронометрической» модели?

Вернемся к русской истории и решим, наконец, как быть с Киевской Русью. Какова ее связь с Московской Русью, историю которой мы столь придирчиво периодизовали, как бы забыв о ее предшественнице? Относительный успех нашей «вивисекции» говорит, видимо, о том, что история Московской Руси не была «обязательным» продолжением киевской истории... Значит, Киевскую Русь можно изучать **отдельно** от Московской Руси, **но тем же способом**! Попробуем уловить в ней тот же ритм этногенеза, какой наблюдали в разобранных нами биографиях этносов.

С чего начать? Проще всего заметить конец равновесной молодости киево-русского этноса и начало его бунташного века. Скорее всего, этот перелом свершился около 1070 года: именно тогда мы видим первое поражение киевской рати в битве с половцами на Альте, а сразу после этого — первое восстание киевлян, изгнавших «законного» князя Изяслава. На «золотом столе Киевском» появляется князь-чужак Всеслав. И с этого момента старый киевский порядок трещит по всем швам.

Если этот диагноз верен, то момент выхода киевлян в большую историю следует искать на два с половиной века раньше — в начале IX века. Что мы знаем об этой поре? Только два интересных и точно датированных события: приезд русского посольства в Константинополь в 838 году, завершившийся подписанием очень выгодного для Руси торгового договора, а еще строительство хазарами на Дону крепости Саркел в 834 году. Тогда император Феофил послал к хазарам своего родственника — военного инженера Петрону Каматира. Похоже, что главной его задачей была не фортификация, а разведка — Феофилу нужна была надежная информация о новой расстановке сил в степной полосе Европы. Кто вынудил хазар укреплять их западную границу? Киевляне, или кочевники-мадьяры, или союз тех и других? Секретный доклад Петроны не дошел до нас, но мы видим его последствия четырьмя годами позже.

Да, тогда киево-русский этнос впервые показал свои разнообразные способности — в давлении на хазар, в союзе с мадьярами, в инкорпорации норманнов. Ведь не зря наши летописцы почти не жалуются на буйство варягов, о которых их западные хронисты пишут с ужасом, как о потопе или чуме. Видно, наши киевские пращуры той поры сами не уступали варягам и мадьярам в боевой доблести и братались с ними так же легко, как москвичи XIV века — с православными татарскими батырами, которых немало было под московским стягом на Куликовом поле.

Итак, молодость киево-руссов наступила вскоре после 800 года. А можем ли мы различить начало их детства полутора веками ранее? Кажется, некому было за этим проследить... Но летописцы Западной Европы отмечают тогда появление первых государств, большинство населения которых составляют славяне: таковы Моравия, Само, Болгария. Видимо, в это время древняя славянская общность распалась, и ее части начали самостоятельную жизнь, в том числе на берегах Днепра и Волхова.

Попробуем теперь проследить за поздней историей киево-руссов. По нашей схеме, бунташный век киевлян должен был естественно завершиться в конце XIII века. Но он оборвался раньше — в 1240-х годах, вследствие монгольского удара. Оборвался ли? Или продолжился в новой оболочке? Мы рассматривали Московское великое княжество как «первый университет» молодого этноса великороссов, но можно рассматривать его и как последний устойчивый продукт киевской цивилизации! Так, может быть, не случайно трагическая гибель державы Рюриковичей в Смуте 1600-х годов отделена от ее рождения в эпоху князя Даниила Московского именно тремя столетиями — характерным сроком равновесной государственной зрелости этноса?

Дальше великорусский этнос живет, не пользуясь старыми киевскими черновиками, а киевская культурная традиция угасает. Сначала одиночные западники-подпольщики (вроде Дмитрия Самозванца и патриарха Филарета Романова), потом открытое, но умеренное западничество правящих кругов (Ордин-Нащокин, Василий Голицын) и, наконец, переворот Петра... Еще век — и этот раскол доходит до корней: появляются народники, которых одни мыслители считали бесплодными нигилистами-разрушителями, а другие видели в них зародыш нового (третьего?) русского этноса...

Не будем судить этот не законченный жизнью спор. Отметим важнейший для нас феномен — в русской истории наблюдаются как бы **два экземпляра** одного этнического ритма, различающиеся «сдвигом фаз» в пять веков. Эти два процесса — «киевский» и «московский» этногенезы — накладываются друг на друга с очень слабым взаимодействием, протекают почти независимо.

Сходный феномен хорошо известен физикам: например, когда звучит струна скрипки, она издает не один музыкальный тон, а целое семейство тонов разной высоты, как будто она участвует сразу в нескольких независимых колебаниях. Не играет ли выявленный нами ритм эволюции этносов сходную роль в истории человечества? Как будто разные страны — это разные струны «исторической арфы», а биографии разных этносов — гармонические колебания этих струн. То есть история человечества есть «музыка ноосферы»...

Но струна издает звуки разных частот, мы же пока уловили в развитии этносов лишь один возможный ритм. Неужели иначе не бывает? Или бывает, но в иных условиях? Заметим, что все рассмотренные нами этносы — англичане и киевляне, французы и римляне, эллины и москвичи — все они начинали свою историю как бы с чистого листа, на пустом месте или на пепелище. А что, если новый народ получит к своему совершеннолетию такой сомнительный подарок судьбы, как роль гегемона в своей ойкумене?.. «Кто хочет быть первым между вами — тот будет вам рабом!» Эта горькая библейская заповедь справедлива для народов в той же мере, как для отдельных людей. Вглядимся в судьбы некоторых этносов, побывавших в этом незавидном положении: так было с персами и с китайцами.

История Ирана удивляет странной разорванностью «имперской» фазы. Вначале — феерический взлет династии Ахеменидов, в считанные годы подчинившей весь Ближний Восток и уверенно правившей им более двух веков. Затем столь же неожиданный крах персидской империи под ударом Александра Македонского. Потом недолгая чехарда царей-эллинов — и вдруг (в 221 году до новой эры) мы видим очередной национальный подъем, возглавляемый новым этносом парфян, не считавших себя наследниками персидской державной традиции.

Пятивековая история Парфии бесит своими контрастами. Бурное кипение народных сил — и неспособность правителей мобилизовать эти силы для решения насущных государственных задач. Правда, защищались парфяне отлично — порукой этому разгром семи легионов Красса при Каррах в 53 году до новой эры. Но наступательных успехов в политике Парфии мы не видим, как будто долгая и бурная перестройка в мыслях и действиях народов Ирана занимает все их силы и внимание. Потом неясное кипение духа обрывается, и в 224 году новой эры, как Феникс из пепла, является вторая персидская династия Сасанидов. Эти правители объявили себя наследниками Ахеменидов и обеспечили Ирану новое четырехвековое имперское единство — вплоть до арабского завоевания. Как расшифровать этот новый, непривычный для нас ритм этногенеза?

В прежнем ритме (1,5—2,5—2—3) мы видели чередование неустойчивых эпох (детство, бунташный век) с устойчивыми (молодость, государственное равновесие), причем длительность каждой устойчивой эпохи была примерно в полтора раза больше, чем длительность предшествующей неустойчивой эпохи. Допустим, что эта закономерность проявляется и в истории Ирана. Тогда бунташный век, предшествующий четырехвековой имперской эпохе Сасанидов, должен был длиться около двух с половиной столетий. Но смутная парфянская эпоха была вдвое дольше! Так, может быть, ее следует разделить пополам — и только вторую половину (которая началась на рубеже новой эры, а завершилась победой Сасанидов) называть бунташным веком, раз она подготовила последующую имперскую эпоху? А первая половина парфянской эры, видимо, теснее связана с предыдущей имперской эрой Ахеменидов, и ее содержание можно обозначить современным медицинским термином — реабилитация.

Медики называют так период восстановления нормальной деятельности организма после тяжелой болезни или операции. Именно так было с персами после того, как удар Александра Македонского избавил их от тяжкой и вредной имперской ноши. Вспомним, что к началу эпохи Ахеменидов юный персидский этнос состоял из пахарей, скотоводов и воинов, чуждых древней городской цивилизации Двуречья. Но имперская служба превратила лучших воинов и пахарей в заурядных воевод и плохих чиновников. Она оторвала активнейшую часть народа от его «золотой середины», в итоге победители оказались побеждены своею победой, оторваны от полноправного участия в сложной, сбалансированной экономике Ближнего Востока. Неудивительно, что в результате персы впали в социальный анабиоз, прерванный лишь македонским нашествием.

Это напоминает участь Сизифа — богатыря, каждый день вкатывающего камень на гору. Вдруг камня не стало, богатырь свободен, но он совсем не готов к новой жизни и должен учиться ей заново. Нечто сходное произошло с персами после краха ахеменидской державы — оттого они не участвовали ни в войнах диадохов за наследство Александра, ни в освободительной борьбе парфян против македонцев. У них было дело поважнее — восстановление экономической основы персидского этноса, древнего сословия пахарей и скотоводов — вастриоршан. Только после успеха в этом тихом и великом народном деле персы смогли подумать о восстановлении славы прадедов. Они начали искать новые формы народного единст-

ва — и пошло «персидское Возрождение», завершенное победой Арташира, сына Папака и внука Сасана, над последним наследником парфянских витязей — Аршакидов.

Такою представляется «промежуточная» часть истории Ирана в свете гипотезы о чередующихся возрастах этноса. В целом «иранский ритм» выглядит так: (1,5—2,5— (2,5+2,5) —4—3). Первая фаза (детство древнеперсидского этноса) недоступна нашему наблюдению, ибо вавилонские летописцы той поры пренебрегали «варварскими» народами на периферии Двуречья. Зато последняя фаза (угасание древних персов под чужой властью) известна очень хорошо — это история «арабского» (точнее, «арабоименного») халифата Омейядов и Аббасидов. Арабские богатыри вырвали власть над ближневосточной ойкуменой из рук последних Сасанидов, и в течение трех веков халифам Дамаска и Багдада удавалось поддерживать единство своей империи на древнем иранском субстрате. Но в середине X века исламская ойкумена распалась на множество новых этнических компонент и никогда более не срасталась воедино.

Нам осталось сверить усложненный «персидский» ритм с китайскими событиями. Тут нужна аккуратность: ведь дальневосточная история ничуть не проще ближневосточной или русской, так что и здесь сплелись несколько ритмов разных народов. Аналогом персов в этой ойкумене оказываются западные кочевники Чжоу. В 1027 году до новой эры они подчинили всю долину Хуанхэ и правили ею до 771 года. Потом чжоусцы не выдержали конкуренции новых народов. Поднебесная на пять с половиной веков погрузилась в межэтнические усобицы и культурный плюрализм. Великий историк Сыма Цянь уверенно поделил эту эпоху на две равные половины: до (—500) года шли «весны и осени», а после этого — «борьба царств» (бунташный век), завершенная недолгим террором империи Цинь. Из пепла этого пожара родилась в (—207) году держава Хань, объявившая себя культурной преемницей Чжоу (хотя этническое родство здесь сомнительно), скорее, уместна пушкинская оценка: «Тень Грозного меня усыновила». Эпоха Хань — это четыре столетия имперского равновесия, а потом — новый крах державы и четырехвековое владычество варваров в Поднебесной, подобное господству арабов над Ираном...

Какие уроки можно извлечь из нашего сравнительного жизнеописания народов? Самые разные — в зависимости от вкусов читателя. Любитель исторической беллетристики увидит в наших рассуждениях основу задачника для новых последователей Плутарха — теперь можно уверенно выбирать синфазных героев из тьмы выдающихся персон разных времен и народов. Например, полулегендарный праотец Ромул встает рядом не только с мифическим Тесеем, но и с куда более реальным графом Эдом Парижским, с нормандским герцогом Гвильомом Бастардом (впоследствии — Завоевателем) и с князем Андреем Боголюбским. Цицерон и Демосфен находят свою ровню во Франции — в лице дипломата Филиппа де Коммина, в Англии — в республиканце Генри Вена, а в России — в епископе Серапионе Владимирском (по «киевскому» ритму), либо в лице Василия Никитича Татищева (по «московскому» ритму). Можно привлечь и более экзотических героев — даже из Шумера, где тоже прослеживается основной ритм этногенеза (1,5—2,5—2—3). А китайцев и персов можно успешно сравнивать с вавилонянами и немцами...

Ну а если у читателя музыкальные вкусы, тогда он неизбежно задастся вопросом об обертонах той струны-ойкумены, главный ритм которой мы изучили. Вообще, какие тона она может издавать в разных условиях? Мы отметили «политически вынужденный» ритм в Иране и в Китае. Но ойкумена подвержена и иным природным воздействиям — хотя бы пресловутой научно-технической революции. Как выделить ее эффект в ритме западноевропейской цивилизации после 1789 года? Не проследить ли за эволюцией более мелких и эфемерных социальных групп: политических партий, религиозных течений?

Далее. Поучителен опыт выделения двух вроде бы независимых ритмов в русской истории. Точно ли нет связи между моментами рождения «киево-русского» и «великорусского» народов? Не был ли одним из необходимых условий кристаллизации Второго Консорция в середине XII века некий «духовный надлом» первого этноса? Нельзя ли отыскать сходный надлом в биографии великорусского этноса и выделить рождение Третьего Консорция — так называемых «птенцов гнезда Петрова»? Какие новые закономерности выявит этот подход в новой и новейшей истории России?

Наконец, есть читатель-математик. Он заметит, что устойчивые возрасты этноса примерно в полтора раза длиннее предыдущих неустойчивых эпох, и спросит: точно ли, что именно в полтора — или в 1,618 раза? Ведь это — знаменитый коэффициент золотого сечения, который без спросу выскакивает во множестве природных процессов! Обычно он порождает геометрическую прогрессию; в нашем случае ее первые члены будут равны 1,5; 2,5; 4; 6,5...

Смысл первых двух сроков в ритме цивилизации мы выяснили; не поискать ли новые переломные эпохи, сдвигаясь вперед по времени на новые сроки? Например, римский народ, сдвинувшись на четыре века из конца его молодости, мы попадаем в середину II века новой эры — в эпоху Марка Аврелия и первых успешных диспутов незаметных прежде христиан с официозными язычниками. Кажется, это конец восхождения римской культуры — четыре века спустя после конца восхождения римской государственности... Сдвинувшись еще на шесть с половиной веков вперед, мы попадаем в 800 год — прямо на коронацию Карла Великого. Впервые римско-католическая церковь по своей инициативе объявляет «варвара» главою новой Европы! Это — полный разрыв с римской традицией в последнем учреждении, уцелевшем со времен римской державы... И над этим стоит поразмыслить.

Можно также, по примеру Л. Н. Гумилева, применить статистику возрастов этноса для объяснения «странных» исторических событий. Например, Столетняя война — удивительные победы небольшой английской армии над огромными французскими ратями (при одинаковом оружии и равной храбрости) довольно просто вытекают из стовосьмидесятилетней разницы в возрастах двух народов. Англичане переживали молодость, когда французы уже вошли в свой бунташный век и надолго утратили способность объединяться ради общенародных целей. Как только английская молодость закончилась, Столетняя война завершилась вничью.

Но всего полезнее будут, видимо, дальнейшие размышления над динамикой эволюции народов и цивилизаций. Здесь не обойтись без построения формальных моделей, без сравнения их предсказаний с исторической действительностью. Физики давно поступают так и не жалуются на свою жизнь. Может быть, счастье моделирования со временем откроется и историкам — так что никто не посмеет обзывать их лучших профессионалов «архивными и археологическими крысами», а лучших писателей — «безответственными сказочниками». Поскорее бы настал этот день! Светлые тени Сыма Цяня и Плутарха давно ждут его...

САМЫЙ, САМАЯ, САМОЕ...

Самое большое семейство в мире живет в Бразилии. Клоринда и Луис д'Арарас, кроме трех собственных детей, воспитывают 142 приемных. Отец семейства, служащий полиции, с утра развозит детей по детским садам и школам, а вечером забирает их. Маме Кло огромное семейство отнюдь не в тягость. Она намерена в самое ближайшее время усыновить еще несколько детей.

Самое популярное лекарство в мире — аспирин. С начала этого столетия (аспирин создан в 1897 году) человечество использовало 314 миллиардов таблеток.

Самая отдаленная точка от центра Земли — отнюдь не Эверест, а вершина погасшего вулкана Чимборасо (высота 6262 метра), расположенного в Андах, недалеко от экватора. Причина, разумеется, в несферической форме Земли, из-за чего Чимборасо, находящийся вблизи экватора, дальше отстоит от центра планеты, чем удаленный от экватора Эверест.

Самый емкий информационный магнитный диск с объемом памяти 30,24 гигабайта — в четыре раза больше существующих до сих пор — разработан японской компанией «Фуджицу». Для наглядности можно сказать, что на диске может уместиться 15 миллиардов букв, или все, что напечатано в большой газете на протяжении века.

Самая длинная пьеса в мире — постановка «Странствующий Майк». С 1944 года и до сих пор ее передает шесть раз в неделю одна местная радиостанция в канадском городе Нью-Уэстлинстер. Пока ничто не предвещает конца этой пьесы.

Самые огнеупорные материалы выдерживают температуру до 2500 градусов, а чистый вольфрамовый карбид — до 2750 градусов. Однако американские химики из лаборатории «Дженерал электрик» сумели получить материал, который выдерживает до 5500 градусов. Тайна его производства хранится за семью печатями, а применять этот материал будут в авиационной и автомобильной технике.

Самый интересный экспонат Лондонского геологического музея — землетрясение. Разумеется, это лишь эффектный аттракцион для посетителей.

Самая грандиозная уха «варится» в озере Киву, расположенном в Экваториальной Африке на площади 2650 квадратных метров. При извержении находящегося вблизи вулкана Китуро в озеро стекает лава, и вода в нем закипает. «Варка ухи» продолжается иногда неделями. Когда вулкан успокоится, местные жители собирают вареную рыбу из озера и едят ее. В последний раз это случилось в 1948 году.

Самый большой айсберг был замечен в Антарктиде в 1956 году — длиной 350 километров и шириной 40 километров. Если учесть, что около девяноста процентов айсберга находится под водой, нетрудно подсчитать, что в этой ледяной горе было столько пресной воды, сколько Волга дает Каспийскому морю за семь лет.

Самое старое гидротехническое сооружение находится в Египте. Построено оно около 4600 лет назад. Это дамба Сад эль-Кафара. Интересно, что она не была предназначена для ирригации. По мнению ученых, с помощью насыпи было создано водохранилище, обслуживавшее местный мраморный карьер.

Б. Кочубей,
кандидат психологических наук

Действие и поступок

Редактор одного из журналов, принимая от меня небольшой материал, произнес — в русле светского разговора — дежурную фразу отиосительно растущего интереса к публицистике. «У меня не публицистика, а лирика»,— ответил я. Эти слова были восприняты как шутка. На самом деле никакой ошибки в определении жанра не было.

Лирическими называют произведения, посвященные описанию переживаний автора или близкого автору «лирического героя». Почти ничего другого у меня нет. Я хочу понять человека, вскормленного скисшим молоком советской школы, пионерии и комсомолии и сегодня оказавшегося перед лицом перемен, далеко не все из которых представляются переменами к лучшему. Этот человек во многом — я сам.

В основе всех наших рассуждений лежит одна простая мысль: мы живем так, как мы живем, потому, что мы сами выбираем себе такую жизнь, и никто нам ее не навязывал — ни бог, ни царь, ни Ленин, ни Сталин. Почему же мы столь настойчиво выбираем ее? «На вопрос, кто же во всем этом виноват, я отвечаю: как кто, я и ты, мы с тобой и виноваты»,— писал Н. Бердяев. «Потому что какое бы тысячелетие ни было на дворе, внутреннее для них (нашего поколения.— *Б. К.*) определяет внешнее, а не наоборот. Потому что ответ на вопрос «Кто я есть?» автоматически решает и даже снимает три классических — «Кто виноват?», «Что делать?» и «С чего начать?» — продолжает эту мысль ленинградская писательница О. Хрусталева («Юность», 1988, № 12).

Близкое к панике состояние, охватившее все слои общества, невозможно объяснить только особенностями момента точно так же, как состояние истерической жестокости, охватившее Россию в конце второго десятилетия XX века, невозможно объяснить только войной и перебоями с продовольствием. История страны знает немало кризисов, но чувство кризиса — не всегда предвосхищение катастрофы; и хотя никто, наверное, не скажет, почему в одном случае появляются Минин и Пожарский, в другом — Сталин и Ягода, все же ясно, что только исторической ситуацией невозможно объяснить состояние духа. И то сказать: когда еще иные народы с такой готовностью протягивали нам руку помощи при каждой очередной нашей беде? Когда еще наша многострадальная земля была в такой безопасности от врагов, как сейчас? И вместе с тем — когда еще стремление прочь отсюда охватывало, как сейчас, добрую половину тех, кто сохранил хоть какую-то квалификацию, грамотность и профессиональные навыки?

Легко ли быть человеком?

> *Нежелание видеть то, что видишь, и таким, каким видишь,— почти что главное условие для человека* **партии** *в каком бы то ни было смысле.*
>
> Ф. Ницше

Есть два качественно различных состояния человека, назовем их индивидуализированным (или состоянием личности) и неиндивидуализированным. Из одного из них в другое нельзя плавно перейти, а можно только перепрыгнуть. В неиндивндуализированном состоянии человек совершает действия, определяемые обстоятельствами и предписываемые ему законом или правилами того класса, слоя, этнической группы, к ко-

торой он себя причисляет. Но только в индивидуализированном состоянии человек может совершать поступки, которые он выбирает свободно и за которые чувствует свою личную ответственность. Действие может, например, мотивироваться тем, что «на моем месте каждый советский человек поступил бы так же». Поступок в отличие от этого мотивируется тем, что «я, и только я, считаю целесообразным в данной ситуации поступать так».

Это чувство ответственности не знакомо неиндивидуализированному человеку даже тогда, когда, с точки зрения внешнего наблюдателя, его действия выглядят как вполне сознательные и осмысленные (например, он голосует за исключение коллеги из Союза писателей). Напротив, в состоянии личности человек способен ощущать себя ответственным не только за конкретные поступки, но за всю свою жизнь в ее полноте и завершенности:

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ...

Основная человеческая (не биологическая) потребность «неличности» — потребность принадлежать к чему-то большему, чем он сам. Такой человек не завершен изнутри, не целен, поэтому он нуждается во внешнем завершении, во включении в иную целостность — «здравствуй, русское поле, я твой тонкий колосок». Не будучи определен своим собственным «я», он обречен на поиск внешней определенности, внешних опор, и счастье его, когда такие опоры есть. Личность не нуждается во внешней детерминации, в том числе и в упорядоченной жизни, потому что источник ее порядка — внутри ее. Можно сравнить первое состояние с насекомым, второе — с позвоночным; первого поддерживает панцирь снаружи, второго — костный скелет изнутри. Продолжая эту зоологическую аналогию, заметим, что панцирь обеспечивает лучшую защиту, но не позволяет расти и меняться.

Непереносимость неопределенности и потребность в авторитете суть важнейшие психологические черты «неличности». Отсюда тот панический ужас, переходящий в ненависть, который внушает ей ситуация свободного выбора. «Скажите нам, в конце концов, во что нам теперь верить!» — вот типичная, отнюдь не выдуманная фраза, с которой ныне многие люди обращаются к своим начальникам, партийным и неформальным лидерам, лекторам, журналистам, ученым. Личность, напротив, ситуацию свободы воспринимает как естественную, хотя и для нее бремя выбора может оказаться чересчур тяжелым, в связи с чем возможен переход «обратно», процесс потери индивидуальности, деиндивидуализация.

В этом трагизм жизненной ситуации личности — она лишена жестких социальных опор, в любой общности она способна лишь частично чувствовать себя «своей» и ни в одну из них она не входит без остатка. «Ты царь. Живи один»,— эту рекомендацию не так просто выполнить. При отсутствии индивидуальности все основные вопросы за тебя решает закон, обычай, мораль. Индивидуальности приходится ежедневно решать их самостоятельно, взваливая на себя ношу вины и раскаяния, если найденное решение оказалось ошибочным. Неиндивидуализированный человек не может ошибаться: если что-то не так, значит — ошибся вождь, которому я верил, или партия, к которой я принадлежал, но не я. Соответственно, ему и не в чем раскаиваться.

Ни в коем случае нельзя думать, что индивидуализированное состояние всегда «лучше» (в моральном смысле), чем неиндивидуализированное. Можно свободно и сознательно совершать циничнейшие преступления. Наполеон был, несомненно, яркой индивидуальностью, но многие его поступки отвратительны; в то же время русские крепостные, сражавшиеся против его солдат и вызывающие гораздо больше симпатий, в большинстве своем индивидуальностями не были. Гораздо точнее говорить не «был личностью» (индивидуальностью), а «находился в состоянии личности», хоть это и загромождает текст. Можно не быть актуальной личностью. Потенциальная личность — это каждый человек, включая врожденных идиотов, и никто не знает, в какой момент (не в последний ли миг перед смертью?) эта потенция станет действительностью.

Следует предостеречь против ассоциации с привычным противопоставлением «личность — толпа» в духе ницшеанского сверхчеловека или даже, в смягченном варианте, в духе Ортеги-и-Гассета. Предмет анализа Ортеги — самодовольные, обеспеченные массы европейского мещанства,— конечно, противопоставляется им высокой культуре выдающихся, духовно свободных личностей. Однако стоит вспомнить, что наиболее типичное североевропейское филистерство было продуктом протестантской культуры с ее личным Богом, с ее традициями интимного общения с Высшим Существом. Можно вспомнить также, что именно мещанскую массу чаще всего обвиняли в индивидуализме; так что у нас речь вовсе не идет о противопоставлении людей «незаурядных» людям «заурядным», обывателям. Эту разницу глубоко чувствовал, в частности, О. Мандельштам, который, судя по воспоминаниям Н. Мандельштам, остро ненавидел «человека толпы» и в то же время с огромным уважением относился к «среднему человеку», к заурядности, к обывателю.

Личностями являются почти все, в том числе самые отвратительные, персонажи Достоевского. Все его идейные преступники самостоятельно строят теоретические концепции, которые толкают их на кровь и насилие. Этим они радикально отличаются от своих последователей из реальной жизни — те не создавали теорий, а брали готовое. Герои Достоевского шли от идеи к насилию; поэтому для них действительны понятия раскаяния и наказания. Смердяковы нашего времени шли, напротив, от мерзости и насилия — к идеям, которые подыскивались на скорую руку для их оправдания. Вообще говоря, думается, что Достоевский недооценивал силу «неличности». Переход из неиндивидуализированного состояния в индивидуализированное означает вовсе не достижение подлинной человеческой свободы, а лишь начало пути, на котором свобода может быть обретена. Более того, именно став индивидуальностью, человек особенно остро осознает свою неспособность быть в полной мере внутренне свободным (Радищев).

О вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.

Но тот, кто поставит себе задачу по капле выдавливать из себя раба,— уже не раб, хотя его путь к свободе может занять всю жизнь. Однако развитие происходит лишь внутри одного из состояний; смена состояний мгновенна и представляет собой духовную революцию. Савл превратился в Павла. Павел, конечно, не становится в тот же момент святым, а проходит долгий путь апостольского служения; но это не снимает вопроса о катастрофическом характере самого процесса превращения.

Дефицит индивидуального, личностного начала в духовной жизни России отмечался еще учеными середины прошлого века. Другое дело, что многие считали этот недостаток достоинством,— в то время такая точка зрения была возможна...

По нашей нелепой склонности к примитивным дихотомиям типа Запад — Восток (склонность, которая, заметим, сама по себе является признаком недостатка индивидуальности, ибо мы стремимся видеть типичное, усредненное, игнорируя особенное) мы наверняка не избежим соблазна искать индивидуальное начало в западническом течении русской мысли, неиндивидуальное — в славянофильстве с его идеями общинности и соборности. Нет большей радости для исследователя, чем убедиться в том, насколько жизнь интереснее примитивных схем. Основатель теоретического западничества Чаадаев (как и его тезка, основатель западничества практического) был категорическим противником индивидуализма. Оба Петра были глубоко убеждены, что всеобщее (у одного — церковь, у другого — держава) целиком подчиняет и отрицает личное, человеческое. Напротив, те российские мыслители, которые склонны были высоко ценить свободную человеческую личность (И. Киреевский, Д. Мережковский и, конечно, Н. Бердяев), не имели ничего общего с западничеством. В этой связи стоит заметить, что, несмотря на вражду православия с католицизмом, многие искренне верующие православные философы положительно относились к католической церкви; но очень трудно встретить у них симпатии к церкви протестантской с ее глубоким персонализмом.

Хотя недостаток индивидуального традиционен для российской культуры, следует вспомнить два противоречивших этому фактора. Во-первых, в религиозной жизни, даже несмотря на явный дефицит личностного начала в православии по сравнению с западным христианством, неизбежны и непереоценимы моменты, когда человек ощущает себя один на один с Богом. Во-вторых, после петровских и екатерининских реформ появились и внехристианские факторы индивидуализации, связанные с понятиями чести, дворянских прав и т. п. Все это в последние десятилетия было отменено. Увлечь русского человека правом на бесчестье и в самом деле оказалось несложно.

Можно предполагать, что одним из ключевых моментов обезличивания общества было создание действительно нового типа социальной структуры: политической организации мафиозного толка, сочетающей цели и задачи политической партии с организационными и нравственными принципами преступной группировки, включающими, в частности, четкую двойную мораль, где в отношении «своих» соблюдается кодекс специфической блатной чести, тогда как в отношении «чужих» («классовых врагов», или «фраеров») оправдано все, вплоть до их физического уничтожения, когда этого требует цель группировки.

Любая партийная принадлежность требует от человека частичного отказа от своей индивидуальности, своих, личных интересов, личной точки зрения. Но Партия Нового Типа требует человека полностью. Единство здесь возводится в культ, в абсолют, а индивидуализм считается смертным грехом и, соответственно, карается. Если в традиционном обществе можно было говорить о недоразвитии личностного начала, о неуважении к человеку, о его «задавленности» общим, то в «новое время» личное, индивидуальное стало предметом активной ненависти — бесом, подлежащим изгнанию с помощью всего арсенала приемов современного экзорцизма.

Что же касается нынешнего положения вещей, то его можно проиллюстрировать двумя примерами, находящимися, как говорится, на слуху. Подчеркнем, что в обоих случаях речь идет вовсе не о «среднем советском человеке», а о представителях интеллектуальной элиты, к тому же убежденных демократах, для которых личность и ее свобода — не пустые слова, а важная часть их убеждений.

Первый пример. Экономист, кандидат в народные депутаты РСФСР, осмелившийся критиковать один из пунктов программы другого демократического кандидата, был решением совета блока «Демократическая Россия» исключен из списка «демократических кандидатов» с формулировкой «за нарушение внутриблоковой дисциплины».

Второй пример. Известный литературный критик позволил себе заметить, что ему не нравится не только Сталин, но и Бухарин, хотя последнего пытаются рассматривать как историческую альтернативу Сталину. На это другой демократический критик ответил следующим пассажем: «Тоже мне — страдания молодого Вертера. Если уж невмоготу, делитесь ими в семейном кругу. Там, глядишь, и посочувствуют, оценят этакую независимость и самобытность.

О всепоглощающая страсть к непохожести, непохожести любой ценой».

Поразительно здесь то, что альтернативная точка зрения не просто отрицается (вещь естественная в споре), но объявляется несуществующей. Можно быть либо красным, либо белым, все остальное просто выдумки, пустое оригинальничанье. Никакое «я» не возможно, есть только «мы» и «они», а что сверх того, то от лукавого. «Двух станов не боец» — бред, нонсенс. «Молюсь

за тех и за других» — какая-то чепуха. Вполне нормально, что А не нравится точка зрения Б. Но удивительно, что А вообще не может себе представить наличия у Б точки зрения, отличной от одной из принятых. Подобно персонажу из анекдота, который на экзамене по алгебре пытался, но не мог представить себе квадратный трехчлен, наши демократы с трудом могут представить себе человека, мнение которого отличается от мнения «демократической общественности».

О всепоглощающая страсть к похожести, похожести любой ценой!

Общество без людей

Я потерял себя. Нет горестней потери.

Е. Винокуров

Американский психолог Филипп Зимбардо впервые описал и проанализировал ситуации, в которых происходит утрата человеком сознания своего «я», чувства отдельности от других, а вместе с тем и чувства личной свободы и ответственности за свои поступки. В его экспериментах студенты, случайным образом разделенные на «заключенных» и «тюремщиков», «играли» в тюремное заключение в тюрьме, специально для этого оборудованной прямо в Стенфордском университете. Уже через два-три дня студенты,— разумеется, прекрасно понимавшие, что участвуют в экспериментальной игровой ситуации,— тем не менее настолько включились в свои роли, что начали чувствовать себя: одни — настоящими тюремщиками, презирающими и ненавидящими «заключенных», жестокими, грубыми, без всякой необходимости вмешивающимися в жизнь своих подопечных, другие — настоящими заключенными, озлобленными против «тюремщиков», считающими себя вправе при первой возможности устраивать гадости, саботаж и прочее. Взаимное озлобление дошло до такой степени, что Ф. Зимбардо на шестой день вынужден был прервать эксперимент.

Ф. Зимбардо и его последователи изучали и другие ситуации,— например, толпу, группу людей в состоянии паники или стресса, вызванного длительной изоляцией,— и пришли к выводу, что при утрате индивидуальности (деиндивидуация, термин Зимбардо) человек испытывает своеобразную «свободу от самого себя», ощущая себя частицей некоторой группы, например тюремщиков, и не просто полностью подчиняя свое поведение поведению группы (это был бы обыкновенный конформизм), но «всей душой» впитывая идеалы, ценности, переживания той категории людей, с которой человек себя отождествляет.

Знаменитый австрийский писатель, драматург и социолог Элиас Канетти в своей прославленной на весь мир (только не у нас) книге «Масса и власть» называет аналогичное явление «разрядкой». Разрядка — это миг, когда все... отбрасывают различия и чувствуют себя равными». «Человек, занимающий определенное, надежное место,— пишет Э. Канетти,— стоит, выразительный, полный уважения к себе, словно ветряная мельница среди просторной равнины; до следующей мельницы далеко, между ними — пустое пространство... Никому не дано приблизиться к другому, никому не дано сравняться с другим. Субординации людей... существуют повсюду, повсюду осознаются и... определяют отношения между людьми. Удовольствие занимать в иерархии более высокое положение не компенсирует утраты в свободе движения... Человек стоит на отдалении от других... Он живет среди других, и пока они сами будут соблюдать дистанцию, ему не приблизиться к ним ни на шаг.

Освободиться от этого сознания дистанции можно лишь сообща. Именно это и происходит в массе. Разрядка позволяет отбросить все различия и почувствовать себя равными. В тесноте, когда между людьми уже нет расстояния, когда тело прижато к телу, каждый ощущает другого как самого себя. Облегчение от этого огромно. Ради этого счастливого мгновенья, когда никто не чувствует себя больше, лучше другого, люди соединяются в массу».

Хорошо сказано, не правда ли? Правда, к нам с вами это хотя и имеет отношение, но не такое уж близкое. Одинокий человек, «занимающий надежное место,.. полный уважения к себе»,— это явно «не наш человек». И Зимбардо, и Канетти описывают утрату индивидуальности в массе человеком, который исходно к этой массе не принадлежал, который формировался отнюдь не как «типичный представитель», но как индивидуальность.

Механизмы деиндивидуации очень важны, однако не они играют ведущую роль в мире, где индивидуальность должна отсутствовать с самого начала. В этом процессе неиндивидуации основная роль принадлежит, конечно, школе, которая с первых лет советской власти была нацелена на полное искоренение «буржуазного индивидуализма». Возглавлявший в то время школьные программы Государственный ученый совет (ГУС) писал в 1925 году о необходимости «разрешения противоречия личности и общества» следующим образом: когда «я» и коллектив сольются воедино, «будут разрешены все противоречия и будут достигнуты все цели воспитания».

С той поры и до наших дней, вопреки всем реформам и контрреформам, основным принципом нашей школы является коллективизм, основным законом — «все как один», основным врагом — тот, кто «не такой, как все». Мы растим не хомо сапиенса, а хомо социалиса — человека общественного, чье сознание целиком включено в сознание его непосредственного окружения; туда — вовне, в окружающее его общество — проецирует он свою совесть, свой разум.

Теоретической же основой формирования человека неиндивидуализированного, неличности служил весь комплекс наук о человеке, сложившихся в нашем обществе за последние 75 лет. И одно из первых, если не первое место принадлежало науке о человеческой душе — психологии.

Советская психологическая наука содержала много разных течений, представители которых нередко боролись между собой с ожесточением, достойным «заключенных» и «тюремщиков» в опытах Зимбардо. Конечно, это была (по крайней мере иногда) не только борьба за власть, но и реальная борьба разных научных школ. Однако стоит рассмотреть каждую из этих школ не в фазе ее бурного идейного роста, а в состоянии организационно-политического расцвета, и не с точки зрения внутренних, чисто научных тенденций ее развития, а с позиций ее практического, социального приложения, с позиций морального, «практического разума»,— и мы увидим между этими школами гораздо больше общего, чем различий. Это общее — отрицание (в той или иной, то жесткой, то чуть смягченной форме) «самостоянья человека», его автономии от окружающей среды.

Уже первые советские психологические концепции, принятые образованной общественностью в период двадцатых годов,— рефлексология В. М. Бехтерева, психолого-педагогические теории П. П. Блонского — отличались отчетливым пониманием человека как продукта общества, как результата социальных воздействий. Однако в ту эпоху было еще недостаточно ясно, станет ли идея тотального подчинения личного общественному «единственно верной» догмой гуманитарного мышления.

Но уже в тридцатые годы положение изменилось. Отныне не случайно торжествующая охлократия, вообще враждебная науке, как и любой культуре, обрушилась всей своей мощью именно на генетику и цикл связанных с нею дисциплин. В мире, стремившемся полностью коллективизировать сознание, нет места представлениям о том, что уникальность «я» уходит своими корнями в глубины живой материи. Т. Лысенко, в частности, любил говорить, что людьми не рождаются, а становятся, и что образец такого «ставшего» человека — он сам; не он родился — общество сделало его человеком, ученым, академиком.

В психологии учение о человеческой индивидуальности, о различиях между людьми (так называемая дифференциальная психология) все эти годы влачило полуподпольное существование. Прежде всего был уничтожен инструментарий, с помощью которого могут быть выявлены индивидуальные различия,— специальным постановлением ЦК ВКП(б) были запрещены тесты и вообще психодиагностика. Однако чисто методического погрома было мало — требовалась теория, которая могла бы стать идейной основой представлений о тотальной формируемости, управляемости человеческого поведения, модели человека, у которого «вместо сердца — пламенный мотор», а вместо души — набор социально детерминированных динамических стереотипов. В качестве такой теории было избрано павловское учение об условных рефлексах.

Стоит заметить, что сам И. П. Павлов был сторонником абсолютной свободы личности (в особенности свободы личности и деятельности ученого) и крайне негативно относился к любым формам духовного насилия. Интересно, что последние годы его жизни отмечены не только активным протестом против нарастающего тоталитарного пресса (выразившимся, в частности, в письмах к В. М. Молотову), но и отчетливыми сомнениями в универсальности условнорефлекторной теории, в ее способности объяснить поведение хотя бы высших обезьян, не говоря уже о человеке. Не исключено, что эти сомнения были связаны с ужасом от сознания того, каким страшным инструментом может стать его учение в руках идеологов всеобщего обезличивания. Канонизация Павлова в сороковые — пятидесятые годы, прошедшая под флагом противопоставления «великого русского ученого» «безродным космополитам», вероятно, подтвердила худшие из его опасений.

В известном романе-утопии О. Хаксли «О дивный новый мир!» помещение, где дрессируемые младенцы приобретали идентичные, социально желательные навыки, называлось «Павловской комнатой» (эта деталь, между прочим, в нашем издании почему-то опущена). Реальные творцы нового мира стремились убедить себя и других, что условный рефлекс — механизм, обеспечивающий полную манипулируемость человеческим поведением.

Вскоре оказалось, однако, что условнорефлекторная концепция не оправдывает себя ни в теории, ни на практике. Хотя, как показывает недавняя дискуссия на эту тему на страницах журнала «Вопросы психологии», у этой концепции еще есть адепты, ведущие психологи отказались от нее практически сразу же, как только она перестала навязываться сверху в качестве «единственно верной». Количество публикаций по условнорефлекторной тематике за 20 лет уменьшилось более чем на 80 процентов.

Однако тезис о тотальной формируемости психики, о человеке как социальном существе благополучно пережил этот перелом. Разумеется, современные психологи и философы уже не могут прямо отвергать факты, свидетельствующие о принципиальной несводимости человеческого сознания и поведения к сумме условий среды и воспитания. Прилагалась масса усилий, чтобы интерпретировать эти факты в нужном духе, доказывая, что, например, биологические факторы, хотя и влияют на поведение человека, не в состоянии повлиять на его «сущность»; что только от общества, от окружающих людей получает человек свою индивидуальность; что его свобода от других людей — миф; что, более того, лишь растворившись в коллективе, человек приобретает свое истинное лицо.

«Зависеть от властей, зависеть от народа — не все ли нам равно?» Нам — не все равно.

Была создана модель человека как двухэтажного существа, состоящего из «индивида» (нижний этаж) и «личности» (верхний), причем индивиду можно развиваться вне зависимости от общественных законов, личность же формируется только за счет усвоения социальных ценностей.

А. Н. Леонтьев — официальный лидер советской психологии с середины пятидесятых до конца семидесятых годов — разработал концепцию интериоризации, согласно которой развитие личности есть не что иное, как процесс непрерывного присвоения общественно значимых форм взаимодействия с миром. Любая психическая функция возникает сначала как некоторое внешнее соотношение ребенка с предметами, обязательно включенное в системы общественных связей (благодаря контролю Воспитателя, выступающего от лица Общества), а лишь затем интериоризируется, то есть проникает «вовнутрь», становится частью его души.

Еще более ярко эта тенденция проявилась в работах ближайшего сотрудника А. Н. Леонтьева, философа Э. В. Ильенкова, который считал общество практически всесильным в деле воспитания и утверждал, в частности, что психика «не на 99, на все 100 процентов

детерминирована социально», что даже самые элементарные психические процессы, такие, как поисковая активность, возникают только как результат социальных воздействий. Отсюда уже полшага до концепции «тотального педагогического оптимизма», которую можно сформулировать одной фразой, широко ходившей в психолого-педагогических кругах семидесятых годов: «Сколько обществу надо гениев, столько сделаем!»

Теория А. Н. Леонтьева после его смерти в 1979 году была подвергнута жесткой критике со стороны боровшихся за власть в психологическом сообществе ленинградских психологов. Теории деятельности был противопоставлен «системный подход» — приложение общей теории систем к анализу поведения и психики человека. «Системники» в отличие от своих предшественников не стремились отрицать ни сам факт индивидуальных различий, ни то обстоятельство, что эти различия никоим образом не возможно свести к разнообразию социально воспитательных воздействий. Тем не менее и этот подход оказался страдающим той же наследственной болезнью, что и предыдущие. Ведь основное методологическое положение теории систем заключается в том, что целостная система всегда больше суммы своих частей (элементов); системность вносит новое качество, принципиально не выводимое из свойств элементов как таковых, равно как и их простой совокупности. Здесь следует заметить, что системный подход впервые сформировался в недрах биологических и технических наук, где этот принцип полностью оправдан: машина, механизм, конечно же, больше суммы своих деталей; любой организм больше, чем совокупность органов или клеток; любой биологический вид больше совокупности отдельных особей.

Механически продолжая «системную логику» на закономерности человеческих отношений, получаем: общество (коллектив) больше (выше, ценнее) суммы своих составляющих (человеческих индивидуальностей). Так вторичность, неполноценность личности по сравнению с обществом опять получает теоретическое освящение, на этот раз со стороны «новой волны» гуманитариев, до зубов вооруженных новейшим методологическим оружием — системным подходом. Разумеется, основатели общей теории систем не несут за это никакой ответственности: просто на уровне «человек — общество» теория не работает и для изучения этих отношений не предназначена. Ведь не только сумма отдельных личностей (кто бы объяснил, как их суммировать?), но и одна-единственная личность — нечто куда большее, чем общество или коллектив. Личность может вписаться в общественную жизнь только какими-то гранями, аспектами своего существования; иными словами, не личность — фрагмент социума, а, напротив, социальная жизнь во всем ее многообразии — только фрагмент, одна сторона жизни личности.

Очень важно подчеркнуть, что в отличие от Лысенко и его приспешников многие психологи и философы третьей четверти века развивали (и продолжают развивать) идею полной зависимости психики от общественных условий отнюдь не из карьерных соображений. Большинство из них — не шарлатаны, а настоящие крупные ученые, которые не просто выполняли социальный заказ, а реализовали свои глубокие, искренние убеждения. В их работах много ценных фактов и идей. Поэтому подлинная человеческая трагедия звучит в словах, завершающих последнюю монографию А. Н. Леонтьева, что все подходы к человеку должны быть центрированы «на социальном уровне — точно так же, как на этом уровне решается и человеческая судьба».

Подобно героям-врачам, прививавшим себе смертоносные вирусы, наши гуманитарии — сторонники теории развития психики в результате усвоения социальных ценностей — доказывали эту теорию «на себе», глубоко усваивая идеалы социальной системы, в которую они были включены.

Это сладкое слово...

Все это уже было сказано, но поскольку никто не слушал, сказанное следует повторить.

Андре Жид

Один американский журналист, долгое время работавший в Москве, сказал как-то, что, одинаково свободно владея русским и английским, он знает только два слова, не поддающиеся переводу: слову *«показуха»* нет эквивалента в английском языке, а слову *privaty* — в русском.

Мы лишены частной жизни. Мы не только живем в чужих квартирах, выполняем чужую нам работу «на чужого дядю»; нет ничего, ни одной стороны нашей жизни, которой не мог бы при необходимости поинтересоваться коллектив, общество или компетентные (в чем?) органы. Сами слова «частное», «индивидуальное» в современном советском (не русском, конечно!) языке имеют отчетливый эмоционально негативный оттенок, оттенок осуждения.

Нам не приходит в голову, что в основе всего социального миропорядка может лежать частная, никого на свете не касающаяся жизнь каждого из обывателей, стремящегося каждый к своему обывательскому, по-своему (а не «по-всеобще») понятому счастью, и что только из их простых дел может вырасти подлинно общественное: снизу вверх, от человека к человечеству — то, что делает город городом, деревню деревней, народ народом. Лишь когда частный человек ощущает себя, маленького и слабого, началом и концом социальных сил, тогда «эта частность оказывается общим делом и подобно снятым с дерева дозревающим яблокам сама доходит в преемственности, наливаясь все большей сладостью и смыслом» (Б. Пастернак).

Разумеется, разговоры о человеке, все во имя и все во благо которого, нам слышать не впервой. Не хватает малости: сделать ряд элементарных логических выводов из этого общего принципа. Эти выводы просты, но, увы, абсолютно недоступны для нашего закрытого сознания. Частный интерес выше интереса общего. Дефицит моего бюджета значимее, чем дефицит государственного: многие процветающие страны десятки лет живут с дефицитом бюджета, а их граждане на это плюют и счастливы. Республика выше Союза; территории выше Республики; но

Окончание — на стр. 96

СПИД-МОНИТОРИНГ

Где же начало эпидемии?

Английский медицинский журнал «Ланцет» сообщает о том, что с помощью посмертной экспертизы обнаружен самый старый случай смерти от СПИДа. Вирусологи из Манчестерского университета категоричны: в 1959 году один из служащих военно-морского флота Британии умер от неизвестной в то время болезни, идентифицированной сегодня именно СПИДу. Это заметно смешало карты исследователей, поскольку вопрос происхождения вируса стал еще более туманным. Между прочим, гипотеза об искусственном его происхождении отпадает, так как в 1959 году генноинженерные технологии еще не были разработаны.

«Синтетическая терапия»

Ма Чжунсюе — руководитель специализированной исследовательской группы в Пекинском институте акупунктуры и создал (по его мнению) эффективный метод лечения СПИДа. Ученый определяет свой метод как «синтетическую терапию» — сочетающую многие формы традиционной китайской медицины. Это сообщение было встречено с большим интересом участниками шанхайского Международного медицинского симпозиума. Кроме иглотерапии, термического воздействия на определенные точки тела, окуривания, водных процедур, внушения и массажа, доктор Ма Чжунсюе использует и экстракт из лечебных трав типичной китайской флоры, который вызывает гибель вируса СПИДа. Состав экстракта, разумеется, засекречен, но в двух больницах США, сотрудничающих с Академией традиционной китайской медицины, проходят его клинические испытания. Ученые утверждают, что результаты удовлетворительны. Надеемся, что скоро будет получено более категорическое заключение как из больниц, так и из Пекинского исследовательского центра по проблемам СПИДа, где проходят параллельные апробации нового метода.

Первые результаты обнадеживают

Один природный продукт, издавна используемый в Армении для лечения животных, испытывается в Институте Пастера в Париже в качестве возможного препарата против СПИДа. Первые результаты, полученные в экспериментах с мышами, обнадеживают: субстанция действует подобно единственному пока признанному эффективным лекарству против этой болезни — AZT, но без свойственных ему неприятных побочных эффектов.

Препарат в сущности не лечит инфицированные клетки, а предохраняет здоровые. Специалисты хранят в тайне состав лекарства: известно лишь, что это природный биологический экстракт. Первые исследования с ним провели ученые Армении, после чего пробы переслали в Париж. Возможно, скоро наступит время и для испытания лекарства на больных людях.

Еще один заменитель, но какой!

Ежегодно более тысячи человек получают вирус СПИДа, как добавку к перелитой им крови. Чтобы этого не произошло, американский биохимик Джозеф Уолдер предлагает новый вид заменителя крови. Подобно многим другим своим коллегам, он извлекал чистый гемоглобин из крови доноров. Но разница состоит в том, что ему удалось модифицировать химическую структуру соединения и таким образом сохранить кислородопереносящие функции даже после нагревания свыше восьмидесяти восьми градусов, при котором погибают любые вирусы и бактерии.

Новая кровь может храниться в течение года.

Рисунки О. Степанова

Кошачий СПИД

Странное заболевание, выражающееся в респираторной инфекции и поражении рта и кожи, обнаружено у трех калифорнийских кошек. Это произошло спустя некоторое время после того, как усиленно заговорили об ужасном СПИДе. Владелец кошек обратился к ветеринару, высказав робкое предположение о том, что животные страдают новой болезнью века. Он угадал — животные умерли.

Исследования показали, что кошки заражены вирусом FIV, родственным тому, что вызывает СПИД у человека. Он также убивает Т-клетки, постепенно вызывая коллапс в иммунной системе животного.

FIV оказался старее вируса СПИДа. «Этот вирус всегда был около нас, но только после знакомства со СПИДом его заметили»,— сказал известный американский биолог Джон Элдер.

Распространяется FIV среди кошачьего населения через укусы. Но, к счастью, кошачий вирус не угрожает человеку. По мнению специалистов, около пяти процентов бездомных кошек в США заражены СПИДом. Будет ли вакцина и для них?

М. Буроменский,
кандидат юридических наук

Август 1939: поворот, которого не было

Сталинская ставка на общеевропейский конфликт, в котором могли участвовать крупнейшие государства Европы, сама по себе была балансированием над пропастью и не имела права на существование.

Но за этими расчетами все-таки стояло нечто иное, нежели обычная недальновидность. В высшем политическом руководстве СССР близость революционной ситуации в Европе неизменно связывали с грядущей мировой войной. Сталин, кстати, вообще отрицал мирный путь осуществления социалистической революции.

В марте 1939 года в Отчетном докладе XVIII съезду ВКП(б) Сталин утверждал: «Буржуазные политики, конечно, знают, что первая мировая империалистическая война дала победу революции в одной из самых больших стран. Они боятся, что вторая мировая империалистическая война может повести также к победе революции в одной или в нескольких странах». Война, о которой объявил «Краткий курс» и в которой СССР не участвовал, могла, наконец, оправдать долгие революционные ожидания. Для сталинских представлений о строительстве социализма это имело немаловажное значение, так как речь шла о реализации сталинской же концепции «окончательной победы социализма в первой победившей стране», что было возможно только в случае победы пролетарских революций в других странах. С этой точки зрения конфронтация европейских государств могла обещать определенные политические дивиденды.

Мыслям о дивидендах, по всей видимости, есть подтверждение, прозвучавшее из уст В. М. Молотова 31 августа 1939 года на сессии Верховного Совета СССР. Из выступления оставалось неясным, какой поворот в истории Европы, да и всего мира, должен был произойти благодаря заключению советско-германского Договора о ненападении? Какое отношение к этому повороту вообще могло иметь исключение прямого участия СССР в войне в Европе? Молотов об этом прямо так и не сказал, но он знал, о чем говорил. Категории, которыми он оперировал,— мир, история — оставляют мало сомнений в том, что имелось в виду: секретные протоколы к договору обеспечивали ближайшую экспансию, а дальше — дело времени. По известной сталинской схеме ослабленные войной европейские государства сами толкнули бы себя в революцию.

То, о чем умолчал Молотов, назвал выступивший «в прениях» депутат А. А. Хорава. Выполнение Красной Армией своей исторической миссии будет означать, что «во всем мире восторжествуют идеи коммунизма, идеи подлинного человеческого братства».

Воистину «жар» пришлось бы загребать одному Сталину. Но в ноябре 1939 года Сталин в интервью «Правде» отрицал свои расчеты на ослабление европейских государств (такая мысль, вероятно, возникла в Европе не без оснований). Однако это заявление трудно согласуется с резким расширением в 1940 и в начале 1941 года советских сырьевых и продовольственных поставок нуждающейся в них Германии. Германию определенно рассматривали как инструмент, возможно, способный ускорить реализацию революционной идеи.

Не имея всех документов, сейчас трудно сказать, как далеко шли в 1939 году подобные «революционные» намерения. Одно ясно — такого рода «научные» воззрения сталинского руководства находили воплощение в большой политике. Как только представилась возможность, появились августовские 1939 года секретные советско-германские протоколы о разделе сфер влияния, и сталинский социализм постепенно, но довольно быстро поглотил доставшиеся ему территории соседних суверенных государств. Едва не угодила под сталинскую длань и Финляндия, которая должна была стать советской республикой и для которой с первых дней советско-финской войны в СССР было заготовлено так называемое Териокское правительство Куусинена. Имперские амбиции сталинского руководства имели явно выраженную идеологическую окраску, а длительная его приверженность идее мировой революции порождала соответствующим образом мотивированную политику.

Итак, к концу 1938 года советская внешняя политика была сориентирована Сталиным на ведущуюся в Европе войну как на свершившийся факт. Воюющие стороны определены. Цели агрессора установлены. Ясно, что противников и союзников, как и коней на переправе, в войне не меняют. Поэтому единственный вывод, который следует в отношении СССР из анализа «Краткого курса» тот, что война обойдет СССР стороной. Конечно, перспектива участия СССР в войне в то время не исключалась, но угроза со стороны фашизма превратилась в «Кратком курсе» в нечто менее определенное. Хотя Сталин и призывал помнить об «антикоминтерновском пакте», спустя всего несколько месяцев в докладе на XVIII съезде ВКП(б) он говорил об этом пакте уже не как об антисоветском и не как о военнополитическом договоре с глобальными агрессивными целями, а лишь как о пакте антиангло-французском.

Вслед за выводом о начале новой мировой войны и определением воюющих сторон естественно должен был возникнуть вопрос: с кем из них и какие отношения будет поддерживать невоюющий Советский Союз. Такой вопрос действительно возник, но решили его, похоже, значительно раньше. Что же до «Краткого курса», то ему предстояло ускорить нелегкий идеологический реверс после нескольких лет антигитлеровской пропаганды.

Так когда руководство СССР вновь сделало выбор в пользу Германии? За неимением прямых доказательств для ответа на вопрос приходится пользоваться косвенными — как показала практика, документы имеют свойство исчезать даже из важнейших государственных архивов. Косвенные свидетельства уничтожить труднее.

Помимо Сталина, который если и не доверял всем, то Гитлеру все-таки меньше, чем другим, активными приверженцами германской ориентации в советском руководстве определенно были Молотов и Берия. Молотов, например, не отрицал, что сам он был сторонником улучшения политических отношений с Германией еще в 1936 году. На первых порах поисков более близких контактов с Германией официальные каналы НКИД, по-видимому, не использовали — нарком М. М. Литвинов считался противником такого сближения. В 1937 году в обход НКИД, по утверждению Р. Медведева, торгпред СССР в Германии Д. В. Канделаки вел переговоры от имени Сталина и Молотова с советником Гитлера Шахтом об улучшении политических и экономических отношений между СССР и Германией. С июля 1937 года эта тема появляется в донесениях по линии НКИД.

Германия к этому времени стала ощущать дефицит важнейших видов промышленного сырья, о чем в Европе было хорошо известно, как и то, что получить сырье Германия сможет в СССР. Советские послы в это время нередко попадали в сложное положение, когда в иностранных столицах с ними заводили разговоры о перспективах советско-германской торговли. Но вскоре вопросы прекратились. 1 марта 1938 года, после временной стагнации советско-германских отношений последовало заключение соглашения о торговом обороте на 1938 год. Верхний предел оборота определялся уровнем 1934, 1935 годов, то есть периодом приоритетного положения Германии в торговле с СССР, а по некоторым позициям предусматривалось увеличение поставок. 19 декабря 1938 года это соглашение было продлено еще на год. Наконец, в начале 1939 года возобновились переговоры о предоставлении СССР двухсотмиллионного германского кредита. Торговый оборот СССР с Германией ни в 1938, ни в 1939 годах на деле так и не поднялся до уровней 1934—1935 годов. Ожидания значительно превзошли возможности. Но вряд ли стоит недооценивать надежды сторон в преддверии новой мировой войны.

Была ли во второй половине тридцатых годов альтернатива сближению СССР с Германией? В такой постановке вопроса эта тема достаточно подробно описана. Конечно, была,— ответит всякий, знакомый с историей, но она не была реализована из-за позиции Англии и Франции. Действительно, их политика «умиротворения» Гитлера оказалась не просто близорукой, но и преступной.

Но вопрос можно поставить иначе. Были ли Англия и Франция для СССР действительной альтернативой Германии?

В международной обстановке конца тридцатых годов, как ее представляло руководство СССР, соглашения с СССР по логике вещей должны были искать Англия и Франция, страдающие от германской агрессии и более заинтересованные в таких соглашениях. У СССР же возникало право выбора, поиска более выгодных, с его точки зрения, вариантов соглашения с этими странами, так как он находился

* *Окончание. Начало — в № 6 1991 года.*

в стороне и не воевал. Это было не что иное, как проявление давнего идеологизированного синдрома отдельно стоящего социалистического утеса, каким в сталинском окружении представлялся СССР.

В результате едва ли не в самые напряженные предвоенные годы возникла парадоксальная ситуация. Из доклада Сталина на XVIII съезде ВКП(б) выходило, что в то время, как новая империалистическая война уже два года терзает мир, для СССР, «наоборот, эти годы были годами его роста и процветания, годами дальнейшего его экономического и культурного подъема, годами дальнейшего роста его политической и военной мощи, годами его борьбы за сохранение мира во всем мире». Судя по материалам Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении, вплоть до весны 1939 года СССР и не искал с Англией и Францией контактов по отпору агрессору, продолжая в то же время развивать отношения с Германией.

Конечно, открыто взять на себя ответственность за экономическую поддержку Германии, то есть, по Сталину, агрессора, тогдашнему руководству СССР было нелегко. Путь оправдания мог быть единственным — доказать вынужденность этих отношений вследствие политики Англии и Франции, которые благо были далеко не безгрешны, что существенно облегчало задачу.

Одно из важнейших обвинений — сильно преувеличенная профашистская ориентация большинства западных государств и как следствие уверенность, что антисоветизм для Англии и Франции может оказаться выше противоречий с Германией. Действительно, в весьма высоких политических кругах и Англии и Франции были планы столкнуть Германию с СССР. Но положение в германской промышленности в 1937 году показало, что без советского (преимущественно) сырья Германия еще не могла воевать, тем более — с СССР. Это прекрасно понимали в европейских столицах, в том числе в Берлине. Гитлер не случайно имел планы первоначального создания так называемой Серединной Европы, а Англия и Франция не без оснований считали гитлеровскую Серединную Европу более опасной для самих себя, чем для СССР. Надо полагать, что это понимали и в Москве, что могло создавать в сталинском руководстве еще большую уверенность в своей защищенности экономическими договорами с Германией и антиверсальским духом Рапалло.

Серьезные обвинения были предъявлены англо-французской дипломатии в том, что она принудила правительство Чехословакии согласиться с условиями Мюнхенского договора, а Чехословакия не приняла возможную военную помощь СССР. Но и здесь ситуация была все-таки далеко не однозначной. Чехословакия вынуждена была сделать тяжелый выбор. Внутренняя и внешняя политика СССР внушала серьезные опасения западным демократиям. Опасения насильственного распространения сталинского большевизма основывались на многочисленных документах, в том числе на анализе деятельности Коминтерна и на недавней истории самой Советской России. Эти опасения отнюдь не были мифическими. Бенеш предпочел раздел Чехословакии вводу на ее территорию частей Красной Армии. Как свидетельствуют документы, Чехословакия могла воевать с гитлеровской Германией и, возможно, довольно успешно, особенно с помощью союзника. Но, по словам министра информации Бавречка, участие советских войск в военных действиях было бы воспринято как «война большевиков с Европой». Нельзя преуменьшать значение этого фактора в те годы. Примерно в том же значении сделала запись в своем дневнике 1 июня 1939 года А. Коллонтай: «В нашу политику мира верят и не верят. Что мы не агрессоры, это понятно и признано. Но если Красная Армия будет в Стокгольме, что потребует Москва?»

В качестве одной из главных причин срыва англо-франко-советских переговоров в первой половине 1939 года был назван отказ Польши пропустить через свою территорию в случае необходимости Красную Армию. Такая необходимость действительно могла возникнуть. Но можно ли всерьез принять претензии к Польше, если спустя всего несколько месяцев Сталин договорился с Гитлером о разделе Польши, а затем, в сентябре, просто ввел войска на «вновь приобретенную территорию», заявив о прекращении существования Польши как государства. Вряд ли кто в руководстве Польши мог сомневаться в последствиях вступления на ее территорию Красной Армии. Выбор же — Сталин или Гитлер — предполагал отсутствие всякого выбора.

Наивно было бы думать, что советско-германские отношения не были объектом самого тщательного анализа в заинтересованных государствах, тем более в то взрывоопасное время, и что настойчивое возобновление германских приоритетов в политике СССР оставалось незамеченным. Окончательную ясность в эти наблюдения не мог не внести доклад Сталина 10 марта 1939 года на XVIII съезде ВКП(б), после которого какие-либо серьезные переговоры с Англией и Францией, по всей видимости, были просто

невозможны. Но именно с марта — апреля 1939 года, как свидетельствует доклад комиссии Съезду народных депутатов, стала официально прорабатываться возможность заключения союза СССР с Англией и Францией.

Советское руководство все больше увязало в старой и удобной версии о Версальских противоречиях и о войне из-за них, начавшейся в Европе, в стороне от СССР. Сталина все более распаляло недоверие к Англии и Франции, и это был тот случай, когда причуды характера диктатора обретали качество фактора мировой политики. И вот, следуя сталинскому докладу на XVIII съезде, уже не Германия готовится к агрессии, а Англия и Франция подталкивают ее на войну против СССР, поднимают «ярость Советского Союза против Германии», чтобы «спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований». Если в «Кратком курсе» еще упоминалось об опасности для СССР «антикоминтерновского пакта», то теперь Сталин даже высмеивает это название как отвлекающее внимание от сути, но не антисоветской. Наконец, изчезло упоминание об угрозе СССР со стороны фашистских стран. Это было уже не что иное, как окончательная политическая реабилитация Германии. Сталинские высказывания на XVIII съезде партии можно было бы объяснить какой угодно хитростью, если бы только они не нашли воплощения в жизни. Увы, в ноябре 1940 года СССР присоединился к «тройственному пакту» — прямому наследнику пресловутого «антикоминтерновского».

На майской сессии Верховного Совета СССР Молотов дал понять, что политические переговоры СССР с Англией и Францией не могут ухудшить деловые связи СССР с Германией и Италией и что с Италией уже заключено торговое соглашение на 1939 год. Это могло означать только одно — обещание продолжать сырьевую кормежку фашистских режимов.

Реанимация сначала экономических, а затем и политических стереотипов советско-германских отношений нуждалась в серьезном и, безусловно, понятном обосновании. Так вновь ожило для всех то, что подсознательно постоянно влияло на отношение руководства СССР к Германии,— эффект Рапалло.

Германия, похоже, лучше всех знала, с кем она имела дело. Для нее никогда не было секретом, что сталинское руководство давно исповедует во внешней политике приверженность версальским стереотипам. Не случайно ведь переговоры 1939 года Гитлер именовал «инсценировкой нового рапалльского этапа». Именно по инициативе Германии возникла тема «освежить» Рапалльский договор и советско-германский Договор о нейтралитете 1926 года. Германия явно играла на силе сталинской догмы в СССР. Наконец, несмотря на сталинскую миролюбивую риторику, на его клятвенные заверения в верности светлым коммунистическим идеалам, Германия все же предложила Сталину раздел сфер влияния в Европе, не опасаясь срыва переговоров. Имперские амбиции и устремления Сталина и его окружения, таким образом, не укрылись от Германии.

Напрашивается вывод, что, при всей многовариантности ситуации, 23 августа 1939 года произошло то, что должно было произойти в советско-германских отношениях раньше или позже. Окончательный выбор во внешней политике Советского Союза определяли предельно политизированные и идеологизированные мотивы внешнеполитической стратегии, которых придерживалось руководство СССР. Именно они позволяют увидеть логику последовательности в советско-германских отношениях на протяжении всей их предвоенной истории, неслучайность многих поступков Советского правительства тех лет. Предпосылки для сближения СССР с Германией существовали давно и были достаточно серьезными. Господствовавший в СССР авторитарный режим лишь усиливал неизменность мотивации внешней политики страны, в том числе отношений с Германией, на протяжении почти двадцати лет.

Найти оправдания политике, приведшей Советский Союз к позорному и трагически завершившемуся союзу с фашизмом, было нелегко. Еще труднее было спрятать свидетельства аморальной и явно противоправной территориальной сделки с Гитлером. Сталин прекрасно это понимал. Ни в выступлении по радио 3 июля 1941 года, ни позже он не обращался к истории советско-германских отношений.

Но наконец-то заговор молчания рухнул, и открылась картина внешнеполитических манипуляций сталинского режима, известного своим невежеством и амбициями.

В сложных международных отношениях предвоенной Европы вряд ли стоит искать праведников. Их попросту не было. Самим собой — приверженным схемам, деспотичным, жестоким, коварным — сталинский режим оставался в своей внешней политике. Пакт Молотова — Риббентропа и последовавшие за ним события вплоть до июня 1941 года были составной частью этой политики, лишний раз показав, что означает слияние философии, политики и идеологии в авторитарном государстве и какие последствия это может иметь для международных отношений. ●

РАЗМЫШЛЕНИЯ У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Время, назад?

С. Глейзер

Конечно, нет! Только вперед, и никак иначе. А собственно, почему? Ответ не так прост — физики бьются над ним по сей день. И вот недавно — «новое открытие времени». Его автор, бельгийский физик, нобелевский лауреат Илья Пригожин, в общем-то не претендует на факт открытия, хотя именно так озаглавлена его работа. В двух словах основная идея ее такова.

Время идет вперед постольку, поскольку ход процессов в природе и во Вселенной необратим. Тот же путь предписывает и термодинамика, точнее ее второе начало,— все сущее стремится к равновесию, а энтропия как мера равновесия стремится к максимуму. И назад хода нет, так как энтропия уменьшаться не может.

Подобные рассуждения неизбежно приводят к необходимости всеобщего роста энтропии, а значит — и «тепловой смерти» Вселенной, о чем было заявлено еще в прошлом веке.

Но концепция необратимости Пригожина со своей стороны опровергает этот сценарий. В ее основу кладется соотношение между числом тяжелых частиц — барионов, среди которых преобладают протоны и нейтроны, и числом квантов реликтового излучения — фотонов. Оказывается, в среднем по Вселенной на один барион приходится миллиард фотонов. Тяжелых частиц, следовательно, в природе ничтожно мало по сравнению с фотонами, а основная часть энтропии Вселенной сосредоточена именно в фотонах. Отсюда вывод, что рождение Вселенной сопровождалось чудовищной энтропийной вспышкой. Именно тогда, примерно пятнадцать миллиардов лет назад, в момент Большого взрыва, из вакуума Минковского в ходе его простой флуктуации родилась Вселенная, уже наделенная самым максимумом энтропии. Потом новорожденная расширялась, расширяется по сей день, ее средняя температура падает, но суммарная энтропия остается неизменной. Вот откуда проистекает и всеобщая необратимость — понизиться энтропия не может, на то имеется запрет, второе начало термодинамики, а повыситься уже, собственно, некуда.

«Перенос энергии из искривленного пространства-времени к материи (к веществу — *С. Г.*) — трактуется нами как необратимый процесс, приводящий к связанной с рождением материи вспышке энтропии»,— резюмирует ученый. И далее он еще подчеркивает, что вакуум, или пространство-время общей теории относительности, «может порождать материю в ходе необратимого процесса, и обратный процесс невозможен».

Здесь И. Пригожин в своих рассуждениях как бы ставит точку. Она, правда, не позволяет отделаться от некоторых сомнений. Вот одно из них: как тогда быть с аннигиляцией? Разве взаимное уничтожение пары «частица — античастица» с выделением гигантской энергии и образованием фотонов не есть в миниатюре тот самый обратный процесс? Частный вопрос ведет и к более общему: а что такое, собственно, равновесие физической системы? Тяжелая частица, тот же барион, равновесен или нет? Наверное, все же нет, поскольку где-то есть его антипод, антибарион, при встрече с которым они оба аннигилируют, то есть перейдут в состояние истинного равновесия, прекратив попутно свое существование в качестве обособленных частиц. И где энтропия будет выше — до аннигиляции или после? Истинное термодинамическое равновесие, в котором энтропия максимальна, достигается, видимо, только тогда, когда достигнут минимум внутренней и свободной энергии, а в случае пары частиц это, конечно, их состояние после аннигиляции.

Иллюстрация А. Обросковой, фото В. Бреля

Тогда можно пойти дальше. Все вещество во Вселенной состоит из частиц, «ждущих своего часа», то есть пребывающих в неравновесии до поры до времени. Полное равновесие наступит тогда, когда все они аннигилируют и перейдут в кванты электромагнитного излучения. Вселенная, состоящая только из фотонов,— вот где образцовый беспорядок, максимальное равновесие и наибольшая энтропия. И, кстати, реальная Вселенная не так уж далека от идеальной, вспомним соотношение между числом фотонов и барионов. Так что энтропии Вселенной все же есть еще куда возрастать, хоть и немного. Но и в этом случае необратимость вызывает сомнение.

А именно следующее. Теплопередача через вещество происходит только от более нагретой части к менее нагретой. Однако «теплопередача через поле», то есть через кванты электромагнитного излучения, суть принципиально обратимый процесс. И поскольку любое остывание вещества рано или поздно заканчивается инфракрасным излучением, то остывание системы «вещество плюс поле» будет выглядеть в самом широком смысле вполне обратимым. Тем более что и самому веществу во Вселенной предстоит когда-нибудь превратиться в кванты поля. Вот почему во Вселенной, реальной и тем более идеальной, глобальная обратимость процессов кажется вполне имеющей права гражданства. Другое дело, не ясно, как мог бы выглядеть процесс возрождения частиц и вещества в целом из фотонов, хотя в физике известны процессы фоторождения пары «электрон — позитрон» из гамма-квантов. И, кроме того, «в резерве» есть еще флуктуации вакуума, о которых идет речь в сценарии И. Пригожина.

Интересно, что еще Мариан Смолуховский говорил: «Если бы мы продолжали наше наблюдение бесконечно долго, то все процессы стали бы обратимыми».

Конечно, все это не значит, что время сможет повернуть вспять, просто оно, вероятно, не так уж связано с необратимостью или обратимостью процессов в природе.

Ю. Лексин

Так как же мы верим?

***Страна,
победившая социализм...
Это — мы, по определению
моего ироничного друга.
Естественно, после такой
победы, растянутой
на несколько поколений,
мы мало во что верим.
По свидетельству
академика Т. И. Заславской,
руководителя Всесоюзного
центра изучения
общественного мнения,
по доверию «впереди всех
оказалась церковь.
Сегодня (октябрь 1990 года.
—Ю. Л.) ей вполне доверяют
38 процентов населения страны.
А в Москве, в Ленинграде —
даже 52 процента,
и цифры от исследования
к исследованию растут».
Но что означает это доверие?
Это уже вера или еще нет?
А если еще нет,
то что вообще значит —
доверять церкви?
Доверять в чем?
В том, что есть Бог?***

— Владислав Васильевич, вам удобно, я так к вам обращаюсь?

— Будь вы человек церковный, диковато бы звучало. А так...

— И еще: очень бы хотелось, чтобы в нашем разговоре не было даже оттенка соперничества. Просто оглядимся вокруг, поразмыслим...

— Давайте попробуем.

Из жизни протоиерея Владислава Свешникова

— Владислав Васильевич, есть такой странный жанр — автобиография. Введен он у нас густо и, значит, не случайно — кому-то он нужен. Кстати, ни один глубоко думающий человек никаких автобиографий никогда не писал. Умные люди пишут или жизнеописания, или повести о детстве с юностью...

— Или исповедь...

— Да. Или обходят этот жанр: остальное, мол, ищите в моих стихах. А это все равно, что искать «остальное» в наших с вами словах, мыслях. Похоже, в этом жанре, кроме ловли человека на слове, есть более сильный подвох. Человек рассматривает свою жизнь как сделанную исключительно самим собой: я тогда-то, я то-то, я там-то. Вероятно, чуткие люди этой самонадеянности как раз и избегают.

— Либо оставляют лишь схему.

— Да, родился, крестился, женился... И все-таки, Владислав Васильевич, надо как-то представлять собеседника... Попробуйте себя в этом жанре.

— Ну что я могу предложить? Ту же схему. Сверх нее говорить, по меньшей мере, дерзко. А схема у меня довольно смешная — ни один пункт моей трудовой книжки органически не вытекает из предыдущего. Но это поверхность. В действительности некая органическая структура жизни, конечно же, есть.

— Но пером она не фиксируется.

— Да. И получается довольно забавно: после школы — геологоразведочиый институт, год; потом — помощник режиссера Центральной студии научно-популярных фильмов; далее — актер Сарапульского драмтеатра, рабочий пилорамы Дмитровского экскаваторного завода и, наконец, студент ВГИКа. Это единственное, что до конца. И единственная же запись, которая потом вытекает органически — четыре года в Госфильмофонде, научный сотрудник. Затем инженер института Оргстрой, завсектором НИИ стандартизации, начальник общего отдела Министерства приборостроения и... сторож, а потом чтец храма Иоанна Предтечи в Москве.

Тут жизнь вошла в нормальное для меня русло, соответствующее внутреннему течению. Два года я был в Москве, на Пресне, чтецом, затем четырнадцать лет в Тверской епархии — три месяца дьяконом, потом — священником. Сначала в Осташкове, потом — в одном деревенском замечательном храме, в Кувшиновском районе, село Чурилово, потом — четыре года в Торжке, а теперь вот — в Подмосковье.

— А к последнему храму как пришли?

— По возрасту, по трудности служения мне пришлось уже искать близости к дому. Хотя с Торжком трудно было расставаться. С каждым приходом трудно расставаться. Связь прихода и священника — дело, пожалуй, совершенно особое. Недаром, когда совершается рукоположение, поются те же тропари, что и при венчании. Священник как бы венчается с приходом. По прежним временам в основном так и было — приход оставался единственным и навсегда, как для епископа епархия. Но что было делать в моем положении? Семья, дети — здесь, в Москве. Они вырастали, у них рождались свои связи. Конечно, можно было их тянуть туда, родители все же имеют какую-то власть над детьми. Но не думаю, что это было бы лучше. И приходилось существовать в разорванном виде — половина здесь, другая — там. Половина времени, половина забот, желаний, радостей, печалей...

— И половины переставали склеиваться?

— Нет, проще. Иссякли силы. А когда начались поиски, все произошло почти случайно. Хотя, конечно же, случайностей нет. Во всяком случае, в таких вещах, как любое серьезное перемещение человека по жизни. А уж в соединении священника с приходом — тем паче. Короче, я съездил, познакомился с людьми, увидел храм. Он действительно тяжелый — руины, вы же видели...

— Да, он есть и его нет.

— Пока так. Но мне с самого начала там многое пришлось по душе: уж очень нестандартный для Подмосковья приход. С одной стороны, деревенский — такой и по прежним временам давал больше самостоятельности. С другой — городской. Да и городок-то особый, почти элитарный, во всяком случае, интеллигентский — Троицк. Половина городка — физики. Интеллигенция же сейчас, к сожалению, нет ли, но факт — наиболее живая часть церковной действительности. Мне показалось, что наша общая жизнь обещает быть плодотворной.

— А сам храм интересен?

— В некотором роде он — образец переходного стиля от позднего барокко к раннему классицизму. И те и другие черты в нем. Самый конец восемнадцатого века и самое начало девятнадцатого. Довольно редкий памят-

«Знание — сила». Июль 1991

ник. Церковь строилась как усыпальница рода Олениных. Поместьем по очереди владели известные в истории России роды Хитрово, Дурново, Оленины, Шуваловы и Сухово-Кобылины. Наш же век прошелся по всем храмам примерно одинаково: где клуб, где овоще- или зернохранилище, а где — просто разгром до руин. А этот как раз долгое время почти и не разрушен был, лишь кровля содрана. Потом уж он так, по общему закону энтропии ветшал.

— Владислав Васильевич, из возвращающихся к жизни я не первую церковь вижу, и все происходит довольно однообразно: восстанавливается храм, а способы скверные — обычные наши, на грани воровства. А в это время в церкви идет служба, и естественный смысл ее — делать так как раз и нельзя. Однако все происходит как происходит.

— У нас эта грань точно не переступается. Я, правда, сам снабженческими делами не занимаюсь. Это делают наши строители. Как и что они добывают, я особо не вхожу.

— Это и есть ваш способ примирения крайностей?

— Каких крайностей? С самого начала я предупредил реставраторов, чтобы не просто грань закона, а по возможности грань нравственности не была перейдена. Они обещали. По доверию к ним я решился и дальше так действовать. К тому же ситуация с нашим храмом несколько лучше, чем в других местах. В силу интеллигентности городок старается нам помочь, а они уж, конечно, могут это делать лишь законными способами. Он чем еще интересен, Троицк,— в нем нет парторганизации. Он не районный центр. Городок порядочный — тридцать тысяч, а райкома нет, только горсовет. Что касается денег, то сколько я просил, столько и дали — немало по нашим нуждам, сто тысяч. На заседании горсовета зампредседателя так и сказал: «Мы обязаны отдавать те долги, которые и не мы, нынешние, задолжали церкви. Так что давайте, коллеги, пойдем на это». И коллеги пошли.

Третий способ

— Всякий день, Владислав Васильевич, вам надо пройти, проехать наш десятимиллионный Вавилон туда и обратно. Такое не сделать мельком. Как вам удается сберегать себя?

— Есть три способа. И чтение — первый из них. Второй — молиться. Молитва создает некоторый круг ограждения. Помните в «Вие»? К тому же при запарке нынешней жизни многие не успевают прочитать те молитвы, которые и полагается прочитать, и хотелось бы,— в них правда и обращенность к небу. Момент обращенности настолько силен, что если утро прошло без молитвы, то и день протекает впустую, даже с чувством беды. Это истинная реальность, которую тонкое ощущение, если оно есть, улавливает неминуемо: день начался, течет, а ты уже оторвался от Бога — беда!

— И лучше оторваться от мира, чем от Бога?

— Если мир разорван с Богом, то лучше от мира. И наконец, третий способ — он близок ко второму, но гораздо труднее. Это неизбывное внимание к людям и сострадание. Одно дело, когда я вхожу пусть даже не всегда осознанно, но, безусловно, всегда в греховное приятие мира в том виде, в каком он существует,— того мира, о котором апостол прямо говорит: мир во зле лежит. А другое — то скорбное ощущение мира, о котором епископ Игнатий Брянчанинов еще в прошлом веке сказал примерно так: и наше время не лишено мученических венцов, и душа современного праведника томится, как томилась душа Лота в Содоме, окруженная необузданным любодеянием. И нынешний праведник окружен отовсюду умами, нарушившими искреннюю и честную связь с истиной, вступившими в блудную связь с ложью. И душа такого праведника томится при виде этого зла, безобразия и ужаса... И такое томление неизбежно вызывает молитву сострадания, жалости и скорби.

Разорванное предание

— О гранях, Владислав Васильевич, при восстановлении церкви я спросил совсем не для того, чтобы ловить вас на переступании их,— где уж нам ловить друг друга, каждому бы как удержаться. Меня интересуют другие грани, куда более серьезные. Моя мама — много поживший человек, ей восемьдесят шестой год. У моих друзей детства мамы приблизительно такого же возраста. Нас, друзей, четверо, и все мы с тридцать седьмого года.

— И аз, грешный, такожды.

— Все мы — безотцовщина. Одна мама, к сожалению, уже умерла, три живы. Они сумели прокормить нас в войну и после войны. Об отцах своих, как я с удивлением сейчас осознал, мы даже меж собой не говорили, как будто их не было совсем. И вот все наши матери — люди неверующие.

— Да, это поколение известное.

— Я часто думал об их неверии. Казалось бы, им много удобней было как раз верить, хоть в этом иметь опору при их-то жизни. Но нет. А между тем все они, извините за истертые слова, просто великие люди. По мне, нравственность их несомненна. Даже не знаю, с кем их можно сравнить в нравственном отношении. Разве что с ними самими. Впрочем, заповедь «не укради» в те мрачные времена не была для них заповедью. Не нарушив ее, нельзя было выжить. Так что выкопать ведро картошки на колхозном поле никаким грехом, конечно же, не считалось. И вот я пришел, быть может, к странному выводу: чтобы прийти к вере, нужно иметь хоть что-то, хоть какой-то, пусть примитивный, но достаточно твердый и очень материальный уровень. То есть нельзя, выживая, борясь за жизнь каждое мгновение — и так годы! — нельзя в это время еще и верить. И это при их высочайшей нравственности.

— Я совершенно не могу с вами согласиться. Вы говорите: люди высочайшей нравственности. А сами тут же предлагаете, по меньшей мере, ограниченное ее понимание. Ведь как ни относиться к некоторым нравственным нормам — как к общечеловеческим ценностям, как к природным ли данностям или требованиям религиозного закона, но все-таки даже при том, что мы будем делать всякие скидки и оправдания, даже и тогда повсюду «не укради» как нравственная норма действует. И если они не сумели ее...

— Действует. Но только тогда, когда человек поставил себе целью жизни эту норму. Если же он не живет, а выживает, не отмирает ли сам принцип?

— Вполне возможно. Но уж тогда нельзя и говорить о безупречной нравственности. Другое дело — можем ли мы этого человека оправдать, понять? Хватит ли у нас сил его не обвинить? Но все равно, какие бы ни были оправдания, несомненная нравственная норма нарушена.

— Боюсь, мы уходим от этических очевидностей. Для тех людей, о которых мы говорим, я бы определил нравственность как жизнь своим трудом и неделание ближнему зла. Для тех времен, я думаю, это и была высочайшая нравственность. Полагаю, такой принцип годится вообще для многих наших времен.

— Да, но при таком подходе мы неизбежно придем в лучшем случае к совершенно субъективному ощущению нравственности.

— А оно может быть объективным?

— Если нет — мы едва ли вообще о чем договоримся. Разве что о каких-то случайных совпадениях позиций. И то лишь потому, что мы люди, близкие по социальному, интеллектуальному уровню, по некоторому пониманию общих ценностей, ну и так далее. Но очень скоро наступит несогласие. Так вот, либо мы будем улавливать эти случайные совпадения, либо примем существование некоторых норм, которые реально, объективно выше нас, но все-таки существуют. Только тогда мы сможем договориться по-настоящему. Иначе мы будем разговаривать, лишь частично понимая друг друга.

— Давайте тогда и не будём договариваться.

— Как хотите. Как человек религиозный, христианин, я полагаю, что те нормы нравственности, которые даны человеку тем, кто, безусловно, выше него, то есть Богом, и есть неизбежные объективные нормы. Любые другие могут быть в лучшем случае статистически объективны или, если угодно, статистически субъективны.

— И жить своим трудом, не делая зла другим...

— ...входит как некая часть в них. Но считать, что это есть целиком весь нравственный комплекс, которому должен следовать человек...

— Но можно весь комплекс свести к одной евангельской формуле, как свел, скажем, Лев Толстой,— не делай ближнему того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе.

— Если вы предлагаете евангельский подход, придется вернуться к двум главным заповедям. Первая: «Возлюби Бога». Вторая: «Возлюби ближнего, как самого себя». А это не просто «не делай зла». Это именно «как самого себя». И я думаю, как раз этот-то принцип выдержат очень немногие. Во всяком случае, тот, кто сознательно не принял христианские нормы нравственности, может по своей природе отчасти следовать этому принципу, но лишь отчасти.

— И все-таки, почему же они не пришли к вере? Может, и впрямь для этого нужен некий уровень нормальности жизни?

— Нет, я не согласен. Весь опыт истории церкви подтверждает: это совсем не так. И совершенно нищие люди оказывались святыми.

— Оставив всех близких.

— Не всегда. Филарет Милостивый жил с семьей — женой, двумя дочерьми. К нему приходили люди, говорили: «Мне нужно это». И он давал. У него остались два вола. Отдал и их. Остался в нищете.

— И что же сказала семья?

— Жена была недовольна.

— В своей проповеди, которую я слышал, вы сказали приблизительно так: исполняй мы столь очевидные и понятные всем заповеди, какими бы мы были людьми. И даже повторили, воскликнув: «Какими бы мы были людьми!» Но, продолжили вы, мы не исполняем их. Так что же нам мешает? Есть заповеди, есть мы, есть очевидность — что же мы медлим? И почему наши матери не пришли к церкви?

— Тут два совершенно разных вопроса. Одно дело — принявший заповеди и не исполняющий их. Здесь пришлось бы входить в те области богословия, где раскрывается тайна о человеке как образе и подобии Божьем, но как образе падшем и сохранившем все следствия грехопадения. В семинарии я преподаю нравственное богословие и как раз сейчас составлял план лекции о грехах ума. Только нашего ума. Назвать?

— Конечно.

— Самость ума или своеумие с доверием способности собственного суждения; слабость ума — глупость, неразумие, слепота ума; ложь — все разнообразие видов ее, включая самообман; неориентированность и отсутствие безошибочных критериев; рационализм как главное направление падшего разума; идеологизм или доверие массовым идеологическим движениям; неискание истины с довольством пустыми приобретениями; сон разума — тот самый, рождающий чудовищ; ложные философии как системы; бессистемность ума... И так далее. И это только грехи ума. И все это преграды на пути к Богу и с Богом. И одно дело — неисполнение нравственных норм принявшими их: не получается исполнять по немощи нашей, но есть старание. Другое — когда нет жажды идти путями высшей правды. Хотя среди таких «невзыскующих», особенно в старшем поколении, немало сравнительно легко выполняющих такие нравственные нормы, которые и для «взыскующих» оказываются очень трудными.

Вы спрашиваете, почему они не пришли? Да, это один из основных вопросов нашей, русской современности... Я не согласен с вашей «истматовской» причиной. Конечно же, при некоторых средних условиях жизни вероятность того, что человек окажется в церкви, более возможна. Но чуть переход за эти средние — и начинается та степень самодовольства, где уже никакой Бог не нужен вообще, ничего высшего не нужно. «Все блага — тлен и суета». Но такое понимание — это уже та степень совершенства, которая достигается лишь высоким и свободным движением души. Ваши матери, конечно же, выразители целого поколения. И реальный ответ,

к сожалению, прост и горек. В двадцатые — тридцатые годы, когда уничтожались лучшие люди — мы еще невольно продолжаем делить их: лучшие из интеллигенции, из крестьянства и прочие,— практически произошло избиение всего христианского поколения. В том числе уничтожено девяносто процентов священников. Убиты были почти все монахи. Все, кто хоть маломальски обнаруживал свою веру,— все миряне прошли через лагеря. Исключения почти неизвестны. И многие, конечно, там и остались. Выжили лишь те, которым и прежде церковь, истинная вера были в сущности безразличны. Выживало нередко лицемерие. Подвижник не мог выжить при любых обстоятельствах. Он незаметен лишь до поры. И пора эта была коротка. То есть выжила, горько это говорить, не лучшая часть русского народа. Не лучшая, по крайней мере, в строго церковном понимании. Но и они, не лучшие, питались, в общем-то, той же самой нравственностью, хотя и не понимали до конца, где источник их крепости. Когда же почти все поколение, осознававшее свои нравственные корни, было вынуто, то выжившие остатки его просто доедали, докушивали нравственность практического христианства в той мере, в какой она в них еще оставалась. Детям они уже не сумели ничего передать, ибо нельзя завещать то, что ты уже износил сам до нитки, до лоскутов. Этому поколению достались лишь жалкие заплатки нравственности. При зародившемся новом и лицемерном мировоззрении их даже стыдно и странно было носить. И вот это-то и есть самое страшное.

— И дети — это мы?

— Да. И с переданными нам крохами наши дела еще получше, чем у наших детей. Но мы-то уж почти ничего не сумеем передать нашим детям. Кроме чего-то совсем мертвого, материального. Потому многие и бросились в это материальное — накопить, урвать, почти не разбирая средств, и хоть в этом смысле не уйти из жизни перед лицом своих ограбленных детей пустыми и бессмысленными тенями. Если в природе своей мы еще что-то и хранили, пришедшее к нам из веков, то уж выразить это, сказать внятно детям мы не в силах. И это самая большая беда в истории нашего народа: поколение уходит, оставляя идущих за ним с нравственной невнятицей. Наследуются слова — без поступков, поучения — без деяний. А таковые мертвы. Связь времен распалась, предание оказалось разорванным, а предание — это и есть жизнь.

И вот начался приход...

— Готовы ли вы к этому обилию людей? Не вы лично — церковь? Знакомый мне священник, когда пришли просить его отпеть умершего, спросил: «А он ходил в церковь?» «Нет»,— ответили ему честно. И он отправил их назад. И те ушли, плача. Другой — в приватном разговоре — жалуется, что в церковь ходят одни старухи. Ему надоели их старые лица, они неприятны ему. Так готовы ли вы?

— О лицах... Психологически я как бы и мог понять того батюшку. Поинтересней, конечно, с молодежью, с интеллигенцией — поживей реакция, поочевидней плоды. Но тут и говорить нечего: нечто «нашло» на него. На миг он оказался как бы не священником. Надеюсь, на краткий миг его жизни. А вот в массовости прихода, о которой вы говорите, есть некая иллюзорность. Я имею в виду статистическую иллюзорность. Лишь кажется, что много больше стало людей в церкви. Вы неточно видите весь процесс. Несколько больше — да. И то в Москве, в Подмосковье. Существенно больше — крестить. Но это и все. Увеличение числа верующих началось не сейчас, а в шестидесятые годы. И так, более или менее равномерно и шло по некоторой восходящей.

— Но посещающих храмы явно больше. А священник, мне кажется, чувствуя, зная, что они пришли не насовсем, не готов общаться с ними.

— Вопрос схематический, и я мог бы схематично к нему отнестись: да, не готова церковь. По кадрам, так сказать, в целом, в среднем, статистически опять же,— не готова. Но это схема, она неверна по существу. Мне очень понравился образ — его предложил однажды Аверинцев: когда дьявол выкидывает две руки и предлагает: «Выбирай! В той или в другой?», нужно не поддаваться соблазну, потому что он наверняка предложит какую-то мерзость — и в той руке, и в другой. Так что тут просто не может быть выбора. И в этом суть.

— То есть все мы не готовы?

— Не только в этом. Сама неготовность — разного типа, очень многих типов. А если точней, то ровно стольких, сколько приходит людей. И если учесть, что подавляющая часть приходящих — лишь «посетители» и не имеют ни малейшего намерения задержаться, и нет в них пока никакой готовности принять даже самые сильные аргументы жизни, разума и сердца, то и мы, священники, и вообще верующие, поневоле разгадывая, хотя и не всегда точно, пришедшего человека и понимая, что не в наших силах сделать что-то большее — пока, во всяком случае,— мы не то что поворачиваемся к нему спиной, а так, оказываемся довольно вялыми. Мы интуитивно знаем, что и наша самая невероятная активность скорее всего ничего не даст. Ничто не может подействовать на тех, кто внутренне — сердечно, мистически — еще не готов к вере. Для таких людей Иисус Христос есть пока либо нечто вообще несуществующее, либо существующее как некая далекая малоинтересная абстракция, пусть даже и историческая личность, пусть даже и Бог, пусть даже и Богочеловек, но ко мне-то лично, считают они, не имеющий никакого отношения. В этом суть вообще всего, что произошло с Россией. Главное, что сумели сделать большевики, это навязать, внушить людям, готовым к любого типа массовому сознанию, ощущение, что Христос им не нужен. Поэтому сейчас со снятием всяких запретов многие даже как бы и готовы прийти к церкви, но лишь как к некоему институту декоративному, пусть весьма интересному, исторически важному, национально замечательному, но Христос при всем этом им не нужен совсем. И церковь в ее внутренней сути не нужна, пусть она и христианская. Вполне может и так называться, пожалуйста, мало ли какое может быть название.

Вот вы говорите о священнике, который не стал отпевать не ходившего в церковь. Он, конечно, формально не очень прав. Если человек был крещен, то и отпевать его можно. Формально — любого. Люди и требовали такого формального подхода. Но отпевая таких людей, мы почти неизбежно совершаем некую профанацию. Конечно, мы не можем знать душу человека — каким он пришел к концу жизни? — очень много всего происходит с человеком перед лицом смерти. И все-таки отпевание тех, кто в жизни был безразличен к церкви и к Богу, действительно превращается в какой-то театр, фарс.

— А разбойник на кресте?

— Я потому и говорю: всяко может быть. Но чаще всего это всего лишь мертвый акт.

— Мертвый — для кого?

— Для него самого прежде всего. А для присутствующих, живых,— некий благочестивый театр. Более того, только подумай они — и к ним может явиться вполне резонная и насмешливая мысль: кого отпевают-то, да он всю жизнь хохотал над всем этим... Вот она — церковь, да они же кого угодно отпоют, дай только им двадцатку.

— Но это и есть самый резонный ответ: да, мы готовы принять каждого — любого.

— Да. Но когда он приходит. Сам приходит. Даже и разбойник на кресте — он сам... У меня было несколько случаев, когда человек всю жизнь проразбойничал, но буквально в последние дни раскаивался так, что дай Бог всем услышать в себе такие раскаяния. И все-таки это единицы. Правило же такое: с чем человек живет, с тем он приходит и к концу. Жизнь — не пустая ноша.

Что же мы за люди?

— Вы четырнадцать лет — вольно ли, невольно — видите людей изнутри. Наверное, в наше время это зрелище не самое привлекательное. Ну уж, что есть... В чем люди самосознают себя? Каково оно, наше самосознание греха?

— Я бы вернулся к тому священнику, которому «надоели бабки». Неправота его очевидна. Но понять-то его можно. Все наши бабули, которые вынесли на своих плечах войну, все беды послевоенные и многие прочие, они ведь оказались не очень религиозными. Все потому, что предания были порваны, лучшие люди изъяты, а сознание следующего поколения стало довольно смутным.

— Неудивительно. При их-то выживании...

— Да. Многие из них мало понимают христианство, разве что основные мотивы. Они мало понимают и себя. Поэтому большинство их так и не научилось каяться. Именно поэтому за последнее десятилетие в нашей церкви процвел институт так называемой общей исповеди. Священник просто перечисляет, более или менее растолковывая, основные виды грехов, то есть как бы сам кается перед ними. А они лишь преклоняют главы: «Грешна!», «Грешен!», «Грешна!» И это только приучает к умственной, нравственной лени. Зачем нравственно работать, если можно вот так просто отделаться — постоять минут пятнадцать, прошептать «Грешен» с сокрушением сердечным, но тоже, как правило, не сильным. И когда с такими людьми, не приученными или отученными от настоящего покаяния, пытаешься разговаривать посерьезней, поиндивидуальней, добиться от них более глубокого видения себя очень трудно. Они разве что отсылают сами себя — и вместе с тем священника — в свою раннюю нередко довольно греховную юность. Им уже трудно понять, что грехи — конкретные и отдельные грехи — это только проявление, выявление наружу того общего и внутреннего переживания греховности, которая, можно сказать, онтологически существует в человеке. Даже не психологически, а именно онтологически. Как, скажем, при раке метастазы просто свидетельствуют, что рак есть.

— И самоочищение непонятно им?

— Это понятие не совсем из христианского словаря. Но, скажем, внутреннего внимания к себе почти нет. А если оно и есть, то чаще всего — и у молодой интеллигенции тоже — осознание и очищение подменяются некоторым психоанализом. Причем психоанализ может иметь даже вполне покаянный лад. И тогда он представляется подлинным покаянием.

— Выходит, и тут всего лишь игра ума. Сколько же в нахлынувшей на нашу интеллигенцию зачарованности религией этой игры?

— По моим наблюдениям, первоначальные мотивы могут быть всякие. Хотя чаще всего это не столько игра, сколько другие мотивы, уже названные — декоративные, национальные, исторические. Это, конечно, не вера. Или еще не вера. Не то, что должно привлекать в христианскую церковь. Должны же привлекать лишь Христос и спасение. Говоря иначе, правда, высшая правда — правда Божия. Не всегда можно определить мотив, по которому приходит в церковь интеллигент. Но решается дело довольно быстро. Люди с надуманными мотивами, как правило, долго не задерживаются. А если задерживаются, то лишь потому, что первоначальный мотив меняется на тот единственный, который только и задерживает человека в церкви навсегда,— реальная связь с Богом.

— И таких людей очень мало?

— Я бы не сказал. Их становится больше. В моем приходе сейчас человек сто восемьдесят, и делятся они почти на три равные части. Треть — мои московские духовные чада... Кстати, я очень не люблю это слово, стараюсь его хоть как-то заменить, пусть даже десятью словами.

— Это и есть ваш накопленный за жизнь человеческий круг?

— Не совсем так. Они не просто близкие люди. Это те, с которыми действительно связывают узы. Боюсь ответственности, но все же скажу: узы отцовства. Мое глубочайшее переживание: это мои дети. Да еще и сложилось так, что почти все они моложе меня. Другая треть — троицкие бабули. А третья — троицкие же интеллигенты. Все

они и на самом деле вступили в реальную живую связь с Богом. В этом у меня нет сомнения. Никакого.

Чего же нам ждать?

— Владислав Васильевич, нам теперь предстоит пройти прерванный путь,— конечно, тем, кому дано это будет по любознательности их, жизненной неусталости, жажде их. Открылись прошлые мысли, книги, люди. В том числе похороненные заживо — Булгаковы, Флоренские, Бердяевы... Будем рассчитывать на самый благополучный ход жизни — все вернется. И что же, мы опять придем к тому, что Гоголи будут писать «Выбранные места»,— уже и сейчас потуги видны, хотя и не Гоголи это,— Белинские будут спорить с ними и укорять, что у русских есть поговорка, ее не выдумал Белинский, она действительно есть, жива и сейчас: годится — молиться, а не годится — горшки накрывать. То есть мы опять, добирая, впитывая, мучаясь, но вернемся туда же? И только? Или нам не думать об этом, применив три способа езды через город?

— Совсем не думать, наверное, не получится. Единственно, хотелось бы избежать прогнозов, свидетельствующих не более чем о некоторых наших знаниях и об остроте ума. Чистая цикличность истории,— конечно же, миф. К тому же похоже на то, что время, отпущенное нам, неумолимо движется к вселенскому финишу, хотя есть некоторое ощущение — причем у многих и как бы почти одновременно явившееся,— что отпустило нас, что Бог еще дает некоторое время. Пожалуй, нет таких реальных фактов, которые можно было бы привести в доказательство этого ощущения, но само ощущение есть, несомненно. И в нем сильный призыв, куда больший, чем ранее, к ответственности и серьезности: раз уж отпустило, нужно и постараться основательно. Так что и в этом смысле прямая цикличность тем более невозможна. Да и в любом смысле всякий возврат — это ведь скорее даже не цикличность, а некая константа истории. И она-то существует всегда. Как бы формально ни изменялся мир, всегда существует понятное стремление видеть его как некоторую устойчивую совокупность внешних форм. Формы эти могут быть сколь угодно утонченны, носить вид изощренных опытов, порой — интеллектуальной спекуляции, как угодно, но все-таки это реальность только вещного мира. И вместе с тем всегда были люди, для которых совершенно несомненно существовала реальность мира, не заключающаяся лишь в пределах материальных. Они не то, что догадывались об этой нематериальной реальности, они ее просто знали. Более того, один и тот же человек может переходить из одного типа знания или полузнания в другой, что показало и наше время. Только один вид перехода лучше бы назвать предательством, а другой — воскрешением души. Поэтому и сейчас, и, вероятно, еще в течение долгого времени найдутся люди, готовые покрывать иконой горшки. Ожидать в этом смысле нечего. Люди были и будут такие и этакие. И те, для кого вера — главный феномен их жизни и сознания, и те, кому феномен этот абсолютно чужд. Хотя, я полагаю, это всегда свидетельство духовной слепоты.

А будет ли при этом более оживленный интерес к таким факторам, которые стали почти исключительно факторами культуры, как те же Бердяев, Булгаков, Флоренский,— для самой сути религиозного переживания мира не так и важно. Ведь вполне можно быть их читателем и при этом вполне чуждым христианского строя жизни. К ним тоже можно относиться, как искусствоведы относятся к иконам,— как к социально-культурным факторам. Так что ничего от них не изменится. Более того, я думаю, их сочинения не обязательно предполагают возможность изменения взгляда — очень уж легко увлечься их исключительной ментальностью. И больше — ничего. В этом смысле, если уж и иметь кого-то в виду из философов, то скорее типа Франка или тем более Ильина, Трубецкого. При их чтении можно либо видеть правду и с нею соглашаться, а тогда и предпринимать какие-то действия, доказывающие, что ты эту правду принял, либо, отплевываясь, ругаясь и убегая, но не опровергая аргументов, которые почти невозможно опровергнуть, просто уходить от живой реальности.

Непрошенное

— Вообще же, Юрий Степанович, мне кажется, гораздо существеннее, нежели нынешнее имманентное состояние церкви, понимание, зачем вообще в этом мире — как всегда, так и теперь — нужна церковь. Что она может дать? Не является ли она надуманным институтом? Ведь если это так, то она вообще ничего не дает.

— С удовольствием бы задал эти вопросы, но, простите, я не уверен, что на них есть ответы. У вас есть? Свои?

— Не свои, нет. Меньше всего я хочу, чтобы мною было сказано вообще что-либо свое. Канонизированный три года назад русской церковью святой Игнатий Брянчанинов в одном из последних писем написал: оглядываясь назад, я вижу свою жизнь как цепь непрерывных ошибок и заблуждений. И это — признание одного из величайших учителей православной церкви! Все, что он написал, настолько значительно и серьезно, что, читая его последнее признание, можно подумать: либо это какой-то театр, либо человек, особенно подходя к концу жизни, видит себя действительно таким взором, каким я еще не способен себя видеть. Но, сознавая это, я и боюсь сказать что-либо свое. Свое непременно окажется ложью. И не потому, что «мысль изреченная есть ложь». Настоящий полный и окончательный ответ — в словах святого Давида: «Всяк человек ложь».

Мне-то лично удивительным образом повезло. Хотя предание действительно разорвалось, но островки все же оставались — не все же просеялись мертвыми сквозь то кровавое сито. И как раз в шестидесятые годы меня очень побаловал Промысл Божий, столкнув с немалыми такими островками. Жизнь предания все более оживала и укреплялась в немногих людях моего поколения. Дерзаю и себя отнести к их числу. Поэтому теперь я и надеюсь, что все, что я другим могу сказать, это не просто слова, вычитанные из книжек, хотя это тоже очень немало, но и слова опыта церкви, прошедшего через жизни людей, через непрерывность предания. Теперь уже и через мою жизнь.

Христианство — не идеология. И это не только церковь, по крайней мере как институт, который вы понимаете чисто рационалистически. Христианство — позиция. Причем вечная и постоянная, поскольку существует вечность безначальная и бесконечная, живущая в человеке. Эта вечность никогда не меняется по сути, она выявляется в разных формах, так как общество задает меняющиеся вопросы. Но ведь и вопросы эти меняются тоже не по сути, а только внешне, как меняется внешняя проблематика дней. Поэтому и форма ответов может быть различной. Но в глубинном своем смысле церковь, христианство — это сущностная позиция. Она одна. Ныне же более всего и важна именно позиция вневременная. И разделять ее можно лишь полностью, сердечно и лично. С ней невозможны никакие интеллектуальные игры, как в высшем смысле они невозможны вообще у человека с самим собой. И потому тот, кто искренне желает найти неложные ответы на вопросы о жизни, о мире, о самом себе, неизбежно **обратится к церкви и неизбежно** получит ответы.

Блажен, кто верует. Ему действительно тепло на свете. Да и не только ему, но и вокруг него — от его же тепла. И хочется прислониться, приткнуться к этому вечному огню. Там много всего, и для каждого есть свое. «Многими веками,— писал Флоренский,— изо дня в день собиралось сюда сокровище». Накопленного ни исчерпать, ни разорить невозможно. Пытались исчерпать толкованиями, разорять разбоем и запретами — тщетно! «...Церковность — вот имя тому пристанищу — последуем за тем же Флоренским,— где умиряется тревога сердца, где усмиряются притязания рассудка, где великий покой нисходит в разум». Никто и впредь, пишет он, не сможет словами определить раз и навсегда церковность. Значит, сама «несказанность, неуловимость» этого определения «для логических терминов» означает, что «церковность — это жизнь, особая новая жизнь, данная человекам, но, подобно всякой жизни, недоступная рассудку».

Но, простится мне это, и помимо церковности, рядом с нею тоже есть жизнь. И она дана человекам — старая, но не менее особая. И в ней — рядом с грязью и ничтожеством — тоже копились сокровища. И они, тоже неведомо как, и дают возможность жить и не исчезать совсем нравственному и вечному. Может быть, в самой грязи и ничтожестве как раз и таится эта возможность, тоже «недоступная рассудку», но все равно существующая. Не мне решать, но не из этой ли «несказанности» жизни вышла и сама церковность, пусть не вся, частью...

Ничто не случайно в жизни, прав Владислав Васильевич. В день нашего с ним разговора бабка Даша из известного, как сказал Свешников, поколения, давняя моя знакомая, ходила сдавать землю. Вчера еще купила она мешок картошки по шестьдесят пять копеек за килограмм («Рынок-то уже начался»,— сказала мне) и приволокла ее на самодельной тележке за два километра. Ночью в своей полутемной комнатушке перебирала ее. Много было гнилой, ну да ничего не поделаешь. Потом ссыпала из мешка в целлофановый пакет килограммов шесть земли. Ее и пошла сдавать за те же два километра — не заменят ли на картошку? А может, вернут деньги? Это большие деньги при ее одиночестве...

В церкви между тем — всего в километре от того магазина, куда она без особой надежды отправилась,— привычно шла служба. И все это было, как во всей ее жизни, рядом и не вместе. Врозь было. Не соединялось это на земле почему-то, и надо было думать, почему, или согласиться с «усмирением притязаний рассудка» раз и навсегда.

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Красные наступают!

Прокол? Да, но несколько необычный. Видите двигающуюся по шоссе «красную армию»? Это представители одного из пятнадцати видов сухопутных крабов, обитающих на острове Рождества, расположенном в Индийском океане, западнее Австралии. С началом сезона дождей они покидают свои норки, вырытые ими в лесу, где проводят все остальное время года, и начинают движение к морю. Великий инстинкт продолжения рода властно зовет их на берег океана. Там самки отложат в воду яйца.

Этих небольших, величиной с ладонь, крабов насчитывается на острове 120 миллионов, то есть по сорок тысяч на каждого жителя! Во время свершения своего брачного путешествия, которое, в зависимости от местоположения, длится от девяти до восемнадцати дней, красные крабы в огромном количестве встречаются повсюду. Они движутся сплошным потоком, доставляя немалое беспокойство местным жителям, забираясь даже в их дома. Ну а что делается на шоссе, видно на снимке. Их клешни — причина частых проколов шин. Отправляться в поездку во время миграции крабов можно только ранним утром или поздним вечером и обязательно с запасными колесами и камерами. Известен случай, когда грузовик только за одну поездку по небольшому острову получил тринадцать проколов! Хорошо, что свое путешествие красные крабы совершают лишь дважды в году — к морю и обратно, в свои лесные норы. Иначе жители разорились бы только на одних автомобильных камерах.

Реклама порой обременительна

В американском городе Канзас-Сити недавно открылась большая прачечная. В рекламных целях ее владелец дал в газетах объявление, что бесплатно обслужит первого клиента-мужчину. В день открытия у дверей уже дежурил первый клиент. Им оказался директор школы-интерната с бельем всех своих тысячи двухсот двадцати восьми учеников.

«Из времен «золотой лихорадки»

Вряд ли найдется человек, который ничего не слышал о знаменитой «золотой лихорадке», случившейся в Америке в конце прошлого века. Тысячи людей, бросив все, ринулись тогда за призрачным счастьем. Перед вами реликвия — машина, приводящая в движение буровую установку. В те далекие времена,— а прошло уже почти сто лет,— они выпускались в большом количестве фирмой «Кейстоун» и были самоходными, хотя и довольно тяжелыми — более пяти тонн. На крупных золотых приисках буры использовали для взятия проб грунта, чтобы определить места залегания золотоносного песка. Такие машины можно встретить коегде и сегодня. Эта, например, в свое время была брошена по каким-то причинам у дороги, идущей вдоль берега реки Бонанза, недалеко от столицы золотоискателей города Доусона.

Зазывала поневоле

Владелец небольшого магазинчика сувениров в широко посещаемом туристами из континентальной Европы городке на родине Шекспира вывесил в витрине объявление «Здесь говорят на французском, немецком и испанском». И все три надписи на каждом из этих языков отдельно. Местных жителей это немало удивило, ибо хозяин лавки был известен больше предпринимательскими наклонностями, чем способностями к языкам. Один школьный приятель так прямо и сказал ему: не знавал, мол, у тебя таких талантов. На что получил ответ: «Да я свой английский едва-едва осилил». «Тогда кто же говорит на этих языках?» — допытывался знакомый. «Мои покупатели,— услышал он в ответ,— и причем без умолку».

Осторожнее с комплиментами!

Сделать комплимент женщине — безобидно и в общем-то приятно. Однако в африканской республике Того нужно быть очень осторожным с ласковыми словами. Согласно местным обычаям, мужчина, похваливший красоту женщины, обязан на ней жениться.

Единственное утешение — то, что законы, действующие в Того, позволяют иметь четыре супруги...

Как родная мать

Создание фондов «Милосердие» — явно не единственная форма его проявления и не монополия человека. Эта шимпанзе из зоопарка в английском городе Саутхемптоне вполне заслуживает своего названия «человекоподобная», поскольку взяла на себя выращивание маленького, девятинедельного тигренка, рожденного в зоопарке, но кто знает, почему выброшенного матерью. Бэкси, как зовут шимпанзе, кормит тигренка молоком, суя ему бутылку с соской в рот.

Супружеский день

В любом другом месте света такой призыв вызвал бы только улыбку, но не в Японии. Обращение правительства к патриотическим чувствам мужчин уделять больше времени женам и семье встретили здесь абсолютно серьезно. Проводятся недвусмысленные аналоги с судьбой Древнего Рима — уменьшение рождаемости предвещает упадок цивилизации. А для беспокойства основания есть: в 1970 году на каждую японку приходилось в среднем по 2,13 ребенка, теперь — 1,66. Это угрожает постепенным постарением населения и обеднением страны.

Правительство призывает мужчин не отказываться, как это было до сих пор, от своих отпусков, не задерживаться на работе и сократить вечерние встречи с друзьями. Вместо этого предлагается новый праздник — «супружеский день», который мужья с женами могут провести в приятной обстановке в какой-либо стране мира.

Ну что ж, у каждого свои проблемы...

Спрашивайте — отвечаем

В редакцию газеты, выходящей на немецком языке для широкого круга инженерно-технических и экономических работников и управленцев, одна читательница обратилась с отчаянной просьбой такого рода: «Дорогая редакция, меня даже в поликлинике не слушают, вы мое последнее прибежище. Дело в том, что мой муж, менеджер, в последнее время страшно изматывается, наполовину потерял сон. Наш врач выписал три упаковки снотворного, но, к сожалению, срочно уехал в командировку, успев по телефону сказать только, чтобы я давала мужу по одной. Не скажете ли, основываясь на своем давнем опыте работы с письмами, как мне поступить,— давать по одной упаковке или по одной пилюле?» Ответ редакции был незамысловат: «Если ваш муж действительно нуждается в абсолютном покое, то начните с целой упаковки. Затем можно увеличить дозу на одну пилюлю, но не более того... если он вообще проснется».

Лестер дель Рей

Тайная миссия

Пробиваясь сквозь верхушки деревьев, солнечные лучи беспощадно обнажили весь хаос и опустошение там, где еще вчера обретался деревянный дом. Теперь он лежал в руинах. Одиу стену, будто взрывом, отбросило далеко в сторону, и ее жалкие обломки валялись иа земле; крыша провалилась, как если бы по ней великан прошел.

Тут же возле развалин дома лежало и то, что учииило весь этот разгром. В одиой куче с лабораторным оборудоваиием и различными предметами, еще недавно располагавшимися в лаборатории разрушениого дома, валялись искореженные металлические балки, а чуть в стороне лежал иа боку разбитый иа куски странный на вид двигатель. Среди всего этого мусора выделялся цилиндр, по-видимому бывшая ракета. Огромная лоснящаяся металлическая чушка, застрявшая иа рухнувшей крыше, лишь отдаленно, да и то на взгляд искушенного в космических делах наблюдателя, напоминала потерпевший крушение космический корабль. Из бывшей лаборатории еще выбивались языки пламени и лизали обшивку корабля, медлеино захватывая и остатки дома.

В стороне, на поляне лежали две распростертые человеческие фигуры одинакового роста и сложения; впрочем, на этом их сходство и заканчивалось. Один из иих, темноволосый человек с изуродованным до неузнаваемости лицом, был абсолютно гол. Неестественный поворот головы, без всяких сомнений, свидетельствовал о том, что у него сломаиа шея. Второго человека и по росту, и по сложению можно было бы принять за викинга из далекого прошлого, если бы его лнцо не отмечала печать высшей культуры.

Он был одет, и по тому, как вздымалась и опускалась его грудь, можно было заключить, что он жив. На балке, упавшей рядом с ним. видны были следы крови. Кровь —

Иллюстрация Е. Силиной

и в большом количестве — была и у него на голове, но рана легкая, его просто контузило.

Но вот он зашевелился и неуверенно поднялся на ноги, потряс головой, пощупал ран на виске. Медленно обвел взглядом поляну, огонь, весело пожиравший руины. Следующим объектом его внимания стал труп человека, он перевернул его и осмотрел. Нахмурился, снова потряс головой, чтобы восстановить память, которая явно оставила его.

Память не возвращалась. Он узнавал все, что видел, но не находил слов, чтобы дать определение предметам, и не было в голове никаких признаков прошлого. Первое, что подкидывала ему память, было его пробуждение и ощущение невыносимой пульсирующей боли в голове. Без всякого удивления он осмотрел ракету и понял, что она, потеряв управление, грохнулась на дом, но и тут в его памяти не возникло никаких картин, и он отказался от попыток что-либо вспомнить. Он не мог даже сказать, был ли он во время катастрофы в корабле или в доме. Возможно, в доме в это время спал тот, голый человек.

Легкое покалывание почувствовал он вдруг в голове, оно становилось все сильнее и побуждало к действию. Нельзя попусту тратить здесь время, он должен выполнить какую-то жизненно важную миссию. Какую же? В какое-то мгновение ему показалось, что он ухватил мысль, но она тут же и ускользнула, осталось только непреодолимое желание подчиниться. Он пожал плечами и направился по едва заметной среди деревьев тропинке прочь от развалин.

Но тут новое побуждение, которому он подчинился, потому что не волен был поступить иначе, заставило его вернуться к трупу. Не осознавая своих действий, он подтащил труп — тот оказался удивительно тяжелым — к самому дому. Огонь охватил уже весь дом, но он нашел не такой жаркий проход внутрь и сумел столкнуть труп в самое пекло.

Исполнив это второе побуждение, он вернулся к выполнению первого, вернулся на тропинку в лесу и медленно побрел по ней. Стопы буквально горели в ботинках, ноги были свинцовые, но он мрачно продолжал путь, в то время как в голове нескончаемой каруселью вертелись одни и те же вопросы: кто он? где? зачем?

Кто бы ни жил в том доме, сам ли он или погибший, место было выбрано для него весьма уединенное, казалось, лесной тропе не будет конца, и ни одного жилища ему не встретилось по пути. Тяжело продирался он вперед, гадая, есть ли конец этой тропинке, пока не увидел ряд столбов с перекладинами и натянутыми на них проводами. Впереди он различал широкое шоссе, по которому в обоих направлениях сновали машины, и он поспешил туда в надежде кого-нибудь встретить.

Ему повезло. У края дороги примостился один из автомобилей, и в передней его части возился какой-то человек. Гневные, грубые ругательства так и сыпались из него.

Наш незнакомец вдруг ухмыльнулся и заторопился к машине, вперив взгляд в голову водителя. Напряжение огромной силы прострелило его мозг, но как только он приблизился к человеку, оно тут же прошло.

— Вам помочь? — слова выскочили сами собой, и теперь вместе с восприятием обстановки предложения складывались в голове сами, а ведь до этого он не знал языка. Но ни вид водителя, ни все то, что пробудило в нем какой-то отсек памяти, не имело никакого отношения к его личности, к его собственному опыту, и в этом было что-то неправильное. Побуждения, которым он рабски следовал, не находили объяснения.

При его словах хозяин машины поднялся, и его потное лицо просияло.

— Да, как раз в этом я и нуждаюсь, мистер! — благодарно воскликнул он.— Вот уже битый час я торчу здесь с этой чертовой колымагой, и хоть бы кто поинтересовался, что тут у меня. А вы соображаете что-нибудь в этом?

— Хм! — незнакомец, так он сам стал называть себя за неимением ничего более вразумительного, потрогал провода, слегка подивившись незамысловатости устройства. Не обнаружив поломки, он обошел машину, открыл багажник и заглянул в него. Уверенность он обрел, добравшись до инструментов.— Ага... скорее всего, трамблер,— сказал он. И был прав. Через несколько минут мотор тихо заурчал, и водитель обратился к незнакомцу:

— Теперь порядок. Хорошо, что вы подвернулись мне: это же самая дрянная часть дороги, да и до ближайшей авторемонтной мастерской не одна миля. Вам далеко?

— Мне? — незнакомец помолчал в замешательстве.— Мне в большой город,— сказал он наконец, не придумав ничего лучшего.

— Тогда влезайте. Я еду в Элизабет, нам по пути. Да я и рад вашему обществу, а то от нечего делать болтаешь всю дорогу сам с собой. Курите?

— Нет, спасибо. Никогда не курил,— он с неудовольствием смотрел, как сосед прикуривает. Дым от сигареты, запах бензина да и самого водителя вызывали тошноту, но он постарался насколько возможно освободиться от этого чувства.

— Не слышали ли вы, а может быть, читали что-нибудь о космическом корабле?

— Это вы о корабле Оглсорпа? Конечно, я читал о нем все, что публиковалось в газетах.

Водитель на секунду повернулся к спутнику, и его глаза-бусинки сверкнули в полутьме:

— Меня давно удивляет, почему эти финансовые воротилы не вкладывают капиталы в эти ракеты, и вот наконец Оглсорп влез в это дело. Что ж, теперь мы, может, и узнаем что-нибудь о Марсе!

Незнакомец ухмыльнулся.

— Ну и каков этот корабль? Что с ним делается сейчас!

— В «Скупе» на первой полосе есть его фотография. Посмотрите там, на заднем сиденье. Ага, то самое. Взглянуть бы хоть одним глазком, какие эти марсиане!

— Трудно сказать,— отозвался незнакомец. Ему было достаточно беглого взгляда на фотографию в газете, чтобы понять, что это не тот корабль, который потерпел крушение.— А о других ракетах для полета на Марс ничего не слышно?

— Не-а. Я, во всяком случае, не слыхал. Знаете, я частенько думаю, что марсиане похожи на нас. Ей-богу,— ему и оглядываться не понадобилось, чтобы почувствовать недоверие собеседника.— Я даже как-то написал рассказ об этом для одного научно-фантастического журнала, но они вернули его мне. Я представил себе, будто давным-давно на Земле существовала цивилизация, например Атлантида, и они улетели и поселились на Марсе. А потом Атлантида затонула, и все там погибли. И я подумал, что однажды те-то, долго пропадавшие, вернутся на Землю, внезапно так вынырнут и давай себе строить новую цивилизацию. Ведь неплохо задумано, а?

— Логично,— согласился незнакомец,— но легковато, что ли. А почему бы не предположить, что была война между Марсом и Землей, в которой обе цивилизации погибли, а не Атлантида затонула? Не логичнее ли такое предположение?

— Может быть, как знать... Можно попробовать... Только им ведь вынь да подай уродцев... А, дурень паршивый, лезет тут на рожон! — он высунулся из кабины и погрозил кому-то кулаком, потом продолжал рассуждать: — Читал я тут как-то о двух разновидностях марсиан: одни похожи на осьминогов, другие — гиганты в двадцать футов высотой и совсем синие с ног до головы.

Мучительно всколыхнулось что-то в памяти, почти вспомнил. Синие... Но снова пустота, осталась только тревога. Незнакомец нахмурился, умостился поглубже на сиденье и, односложно отвечая на нескончаемый монолог собеседника, посматривал на мелькание поселков и городков за окнами автомобиля.

— Вот и Элизабет. Куда вас подбросить, в какое место?

Незнакомец зашевелился, приходя в себя, огляделся. Голова болела страшно.

— Да все равно,— сказал он. Но снова что-то побудило его изменить решение.— Впрочем, подвезите к какому-нибудь врачу.

В этом решении был, конечно, смысл — естественно воспользоваться помощью медика в таком состоянии. Но ощущение присутствия чужой воли не покидало его и настоятельно требовало объяснения, в то же время он сомневался, что существует сколько-нибудь вразумительное объяснение этому. Вот и сейчас пойди пойми: он явно нуждается в медицинской помощи и в то же время боится просить о ней, так как это может навлечь на него беду.

Когда машина остановилась у двери с табличкой практикующего врача, сердце у него готово было выскочить из груди.

— Приехали,— водитель потянулся к дверце, чтобы открыть ее, и при этом чуть не коснулся руки попутчика, который резко отпрянул, успев отдернуть свою руку, мурашки побежали у него по спине, его буквально затрясло. Если бы водитель дотронулся до него...

Приоткрытая дверца снова захлопнулась, а он все думал, что не дай бог кому-нибудь прикоснуться к его телу, это вызвало бы ужасные последствия!.. Опять эта непонятная команда, вроде бы никак не связанная с предыдущими, тем не менее ослушаться ее нельзя — она сильнее его воли, разума.

Он выбрался из машины, пробормотав слова благодарности, и поднялся в кабинет доктора Лвнагаив: «Часы приема с 12.00 до 4.00».

Доктор оказался старым человеком с морщинистым, добрым лицом. Таким, впрочем, и должен быть всякий практикующий врач. Кабинет его вполне соответствовал его облику. Одну стену занимали полки с книгами по медицине, в стеклянном шкафчике хранились лекарства, лежали в беспорядке инструменты.

Он спокойно выслушал рассказ незнакомца, иногда подбадривая его улыбкой и постукивая по столу карандашом.

— Ну что ж, амнезия,— подытожил он.— В общем явление довольно обычное, если не считать некоторых частностей. Травмированный мозг, как правило, выкидывает всякие штучки. Эти побуждения, о которых вы упомянули, не кажутся ли они вам своего рода порождением галлюцинаций?

— Ну...— он снова проанализировал свои ощущения и пришел к выводу, что доктор слабо разбирается в случаях, подобных его.— Если бы это были просто побуждения, я бы согласился с вами. Но это гораздо глубже, и существует какая-то причина их возникновения. Я в этом уверен.

— Хм...— доктор опять постучал по столу карандашом и задумался.

Незнакомец сидел, уставившись взглядом в основание его черепа, и опять в голове возникло такое же жуткое напряжение, как при встрече с водителем, потом будто что-то перевернулось в мозгу, и напряжение отступило.

— А у вас в карманах нет ничего, что могло бы помочь установить вашу личность?

— Ах да! — воскликнул незнакомец, чувствуя себя полным идиотом, и проверил карманы.— Совсем не подумал об этом.

Он вынул пачку сигарет, грязный носовой платок, какую-то мелочь, назначения которой он не представлял себе, и наконец портмоне, полное банкнот.

Доктор перехватил портмоне и быстренько просмотрел его содержимое.

— Как видите, деньги у вас есть... Но ни одного документа. Вот только инициалы — Л. Г. Ага, вот визитная карточка,— он протянул ее вместе с портмоне визитеру и удовлетворенно улыбнулся.— По всей видимости, вы, коллега, доктор Лертон Гейнс. Это вам что-нибудь говорит?

— Ничего.

«Хорошо обрести имя,— только и подумал он, взглянув на карточку.— Но при чем здесь очки, сигареты? Он же никогда в жизни не пользовался ни тем, ни другим».

В это время доктор, порывшись в своих книгах, выудил грязный красного цвета том.

— «Ху из ху»,— пояснил он.— Посмотрим... Хм... Вот: «Лертон Р. Гейнс, ученая степень — доктор медицины». Странно, но вы выглядите гораздо моложе... Далее: работает над проблемами онкологии. Родственников не указано. Ваш адрес... По-видимому, тот дом, о котором вы упоминали — Дансвелл, Суррей Роуд. Хотите взглянуть?

Он протянул книгу, и незнакомец, вернее теперь Гейнс, внимательно ее проштудировал, но не почерпнул из нее ничего нового, кроме того, что ему сорок два года. Он положил книгу и вынул из портмоне банкноту на стол.

Гейнс пожал плечами, улыбнулся и, открыв дверь, оказался на улице. Никаких побуждений он не ощущал — одно уныние, и поэтому решил, что миссию свою завалил.

Продолжение следует.

Сколько нужно «наварить», чтобы всех насытить?

Речь идет о пище духовной. Вопрос, до недавнего времени отвлеченный, ныне переведен в плоскость реальную. Фантастика на прилавках лежит. Цены, конечио, кусаются, но они не злее прочих цен.

Пришел и на иашу улнцу праздник — сегодня фантастики у нас издается на порядок больше, чем даже в первые годы так называемой перестройки. Несколько сотен книг в год. В большииստве — переводы, сборники. Так, может, пора прекратить стенания о голоде на фантастику и заморить червячка?

Для сравнения заглянем в иное «меню» — тех, кто пошел совершенно другим путем и сейчас страдает в худшем случае от переедания.

Итак, немного статистики.

У американцев в прошлом году с фантастикой дела обстояли неплохо. 166 издательств выпустили вкупе 1890 книг. Рекорд 1988 года пока не превзойден — 1936 книг! До заветного рубежа в две тысячи осталось не так уж и много.

Более 60 процентов прошлогодних изданий — первые издания, причем почти исключительно американских авторов. Переводов от силы десяток, но не процентов, а иаименований. Любопытен жанровый разброс. Около четверти изданий — научно-фаитастические романы, по одной шестой приходится на фэнтези и триллеры. Авторские сборники и антологии — тоже около шестой части от общего количества. Остальное — критика, альбомы и прочее.

Зачем иам эти сведения? А вот зачем! Можно предсказать активизацию отечествеиных романистов в период так называемого «перехода к рынку». Рынок — «ихний», а ие отечественная барахолка — благоволит к крупной форме. «Кирпичи» легче продавать на вокзалах, в аэропортах...

Сборники рассказов в США нечто вроде продукта благотворительной акции. Если авторы рассказов время от времени не будут иметь возможности собирать их под одну обложку, то просто бросят писать рассказы и для журналов. А вот этого американский фэндом не потерпит. Рынок рынком, а прннципами они тоже поступаться не любят.

Вообще-то американские НФ-журналы сами породили эту форму и, естественно, относятся к ней как к исторической славе, реликвии. И фактически искусственно поддерживают ее, невзирая на мизерный навар. Да и какой «навар» при тиражах от 15 до 80 тысяч экземпляров...

Кстати, еще капельку статистики. Из всех легендарных журналов на сегодня осталось четыре: "Amazing" (15 тысяч), "Analog" (83 тысячи), "Isaac Asimov's Science Fiction Magazine" (79 тысяч), "The Magazine of Fantasy and Science Fiction" (52 тысячи).

Так что основиые ставки делаются иа роман.

Но и романами книжные прилавки там завалены. Такое впечатлеиие, что ни одиу из этих книг никто ие купит аж до авокадового заговенья! Бестселлеры — да, расхватывают и немедленно допечатываются "Cvantum satis". Но искусство выпечки бестселлеров — «великая тайна есть». Если бы все сводилось к потаканию вкусам толпы, разумеется, низменным, то сейчас все писатели Штатов купались бы в злате и серебре. Насчет «потакаиия» у них комплексов нет. Угадать и удовлетворить желание клиеита — первейшая и святая обязанность на рынке.

Кому-то везет — особым чутьем угадать, что сию минуту нужно читателю, да еще и счастливо выделившись из толпы таких же «потаковников», — автор на коне! А тонкая, умная и значительная литература — удел в основном неудачников. Разумеется, с точки зрения сугубо американской.

Тем не менее у них НФ-рынок процветает. Кто-то разоряется, кто-то локтями расталкивает алчущих «имени», кто-то поумней — делает ставку на толкача-литагента, без которого талант вообще не заметят. Американские писатели — прежде всего истовые американцы. А зиачит — спортсмены, и их бодрит этот азарт.

У нас тоже бурно вспухло нечто, именуемое НФ-рынком. Но то ли отнести за счет «первоначального накопления», то ли за счет метастаз тоталитарных стереотипов — зрелище, скажем прямо, малоприятное. Безудержное рвачество скоробогачей-издателей, помноженное на пиратское хамство, пугает не только зарубежных писателей. Кое-кто из наших тоже начинает хвататься за голову — о том ли мечтали!..

Морали никакой не воспоследует. Просто констатация. Или, если угодно, экспресс-диагноз: болезнь протекает так-то, а следующая стадия будет вот такая-то. «Больной перед смертью потел? Эт-то хорошо!..»

Так что по сравнению с их «меню» наш НФ-рациои представляется пока еще скудным. Изобилие грядет в предвидимом будущем. Совершеино ие исключено, что через пару лет, если не реализуются мрачные прогнозы, увы, уже ие фантастов, мы эту самую Америку догоиим и перегоним по НФ-продукции. Но только «вериой ли дорогой идем, товарищи»?

Фрицу Лейберу — 80!

Лейбер — живая легенда американской НФ. Их все меньше остается — «птенцов гнезда Кэмпбеллова». Из того предвоеиного поколения среди открытых и иатаскаииых замечательным редактором Джоном Кэмпбеллом-младшим достаточно назвать имена Бредбери, Азимова, Ван-Вогта, Дель Рея, Уильямсона... Увы, уже ушли Хайнлайн, Саймак, Гамильтон, Лейнстер, Старджон, Бестер, Каттиер и многие другие.

А Фриц Лейбер удостоен высших премий, издал десятки книг — НФ, фэитези, триллеры, создал несколько циклов с запоминающимися героями. Когда ему было 60, он принял активное участие в экспериментальных аитологиях буйной «Новой волны». Сердитая молодежь трепетно приняла под свои знамена убеленного сединами ветерана.

Он и сейчас активно работает, правда, почти не разъезжает по конвенциям, но у себя, в родиом Сан-Франциско, ни одну ие пропускает!

Мы почти не знакомы с творчеством Лейбера. Пара-тройка рассказов, веселый роман «Серебряные яйцеглавы» — и все! Скоро и его книги придут к нам. И мы удивимся: еще один классик, которого мы не знали!

Завидовать, конечно, дурно...

В газетах замелькали рекламные объявления. Некий фантаст-любитель собрался издать романы «Западня», «Звездная месть», «Сатанинское зелье» и т. д. Потом озиаченный фаитаст выпустил газетку, полную хвалебных эпитетов в свой адрес и вдохновеиных подсчетов валюты, которую ему отвалят западные книгоиздатели. Тут даже самые легковерные сообразили: будет халтура. Но кое-кто надеялся, что она будет легкой, веселой, ненавязчивой — уж больно юмористически выглядела похвальба: «В письмах людей, получивших и прочитавших первый том собрания сочинений, один вопрос, основной — почему от нас скрывали произведения, почему?!», «События широкомасштабного романа-эпопеи происходят...», «Вселенская схватка Добра и Зла!..» «Апокалипсис XXV века!» и тому подобное.

Уаы, халтура оказалась мрачиой, истеричиой, несмешной, сюжетно неповоротливой, пересыпанной нервными «патриотическими» призывами пополам со злобным поношением писателей-«конкурентов». Больше всех досталось, конечио, братьям Стругацким, но по касательной зацепило почему-то еще Аиатолия Рыбакова и Юрия Трифонова, которые-де «завалили книжные прилавки нашей страны мусором»..

Стиль и язык же самого автора... Впрочем, вот небольшое попури из его трудов.

«Язык же для Стругацких обычный, их язык... Это иекая калька с английского, приправленная техницизмами, модным жаргоном, мерзкими словеч...»

«— Ты мене не трожь, сука! — вскочил инвалид Хреиоредьев. Бегемот дал ему щелчка, и инвалид опустился на место.

— Извиняюсь, стало быть,— поправился все же Коко,— ие хренов, а херов! Суть не меня...»

«...Человек может забыть сюжет, героев, но страх и тревога виутри его остаются. Таково воздействие «образов», порциями впихиваемых в читателя Стругацкими...»

«...С полминуты чудовище перекатывало водянисто-желтые, мутные глазные яблоки под сырой прозрачной кожей отвратительной морды. Потом...»

«...история, лингвистика, археология, мифология, этногенез — вот моя подлинная работа, вот моя иастоящая жизнь... Другое дело, что потом, после титаиического напряжения, после скрупулезного и долгого исследования сдерживаемая фантазия, накопившийся заряд невоплощенной мысли воплощается в ро...»

«...кожа полопалась, источая воиючую зелень, сразу в трех местах, глазища прорвались наружу, налились красным. Бесчисленные жвала задергались...»

«...ман, повесть или, скажем, поэму... У меня возникает ощущение, будто некая Высшая Сила берет мой мозг, а может, и целиком всего меня, и переносит в самое реальное, настоящее будущее...»

«...задрожали, покрываясь желтой пузырящейся массой, распахнули смрадный багровый зев, усеянный зеленоватыми...»

«... мы должны найти в себе силы отказаться от того гибельного пути, на который иас сейчас толкают всем миром. И тогда мы пойдем по магистрали, по той великой дороге, что предназначена нашей Держа...»

«...бородавками и бледными шевелящимися полипами... И чудовище...»

«...ве Господом Богом и самим естеством нашим. Вот тогда мы придем к будущему... Великой Возрожденной России, в сердце которой стоит Несокрушимая твердыня Храма Христа Спасителя...»

«...дико, надрывно взревело...»

Нет, не получается! Даже в разбивку не смешно. Смесь самолюбования, дурной, почти кощунственной патетики и дешевых ужасов из репертуара провинциальной видеотеки. Оказывается, бездариость может быть не только напористой, но и наступательно-агрессивной.

И впрямь, чего церемониться! Если издательство «Советский писатель» (тиражирующее все эти «Западни» и «Сатанинские зелья») и партийное издательство «Правда» (многотысячным тиражом шлепающее рекламную газетенку) заинтересованы, чтобы в фантастических ромаиах и трансцендентальных откровениях «за те же деньги» попутно обличались «демократы», «жидомасоны», «плюралисты» и прочие, тогда ничего не поделаешь — картина ясная. Литературная беспомощность и нечистоплотиое политиканство идут рука об руку, и это примета времени, симптом, можно сказать.

Имя автора «широковещательного романа-эпопеи»... Нет, хватит рекламы. «Ю. П.» — и все! И так уже десятки маленьких геростратов получили большую известность благодаря нашему праведному гиеву. Не будь наших громов и молний, кто бы сейчас помнил кухонного теоретика Н. А., автора юдофобских стишат и статеек С. К., телевизиониого хулигана А. Н.? Давайте забудем их.

А желающий и сам без труда идентифицирует Ю. П. по главной его черте — принципиальности. Это ведь он «в знак протеста» против действий многонациональиых сил в Ираке заявил «о полном запрете на публикацию» его произведений в США.

Каюсь, две вещи в США составляли предмет моей зависти — демократия и супермаркеты. Завидовать, конечно, дурно... Но сейчас, когда я узиал, что жители Нового Света отныие никогда не прочтут ни «Буита вурдалаков», ни даже эротического романа «Измена», вот тут-то я и был обуян черной завистью к беспечным американцам...

Р. Арбитман

Окончание. Начало — на стр. 66.

благо единичного гражданина — вас, который читает эти строки, меня, который их пишет,— выше, чем благо территории, республики и Союза, вместе взятых. Интересы личности важнее интересов коллектива, группы, класса, нации. Только человек может быть субъектом свободы, ответственности, разумной деятельности. Понятие коллективного разума — всего лишь абстракция. Свобода народа или какой-то группы людей в отсутствие свободы каждого вырождается в жесточайший деспотизм (примерами чего переполнена недавняя история так называемого «освобождения» — а на деле кровавого порабощения царьками, людоедами и прочими каддафи — бывших колониальных стран Азии и Африки). Что же касается коллективной ответственности, с ней все ясно каждому, кто даст себе труд оглядеться по сторонам.

Но принцип человека как первичной ценности имеет своим неизбежным дополнением и продолжением признание неравенства, неравноценности разных людей перед Богом, миром и обществом. Когда индивидуальностей нет, когда все в общей массе,— царит равенство, ибо все нули равны друг другу. Но стоит признать достоинство каждого, как немедленно выяснится, что один хочет и (или) может больше, чем другой,— и свести бесконечное множество человеческих способностей, сил, дарований к общему знаменателю невозможно. Антиэлитарность — одно из наших глубочайших заблуждений. Кроме нас, нет в мире общества, которое не признавало бы, что среди людей есть лучшие. Н. Бердяев в 1918 году предсказал, а мы своей семидесятилетней историей блестяще подтвердили, что борьба с элитой лучших неизбежно приводит к элите худших — к тому, что вершины общества оккупируются подонками, отбросами, криминальными элементами.

Речь идет, разумеется, не о неравенстве прав. Напротив, осознание неравного достоинства людей тесно связано с признанием за каждым из них — независимо от достоинства!— основных прав и свобод человека. Э. Фромм называл это «материнским» и «отцовским» отношением к человеку: диалектика «материнского» признания человека человеком вне всякой связи с его достоинствами и недостатками, подвигами и преступлениями, с одной стороны, и «отцовской» уважительной, объективной оценки человека по его делам — с другой, создают необходимую духовную среду для его развития. Ибо если человек есть образ и подобие божье, то нельзя не признать, что в каждом из людей Бог отразился отнюдь не в равной степени. И наоборот: попытка нивелировать неравенство неизбежно ведет к отрицанию человеческих прав — уравнять людей можно только в ничтожестве.

И наконец, если уж мы поняли, что человеку не прожить без экономики, то столь же очевидно — для всего человечества, но не для нашего опутанного догмами разума,— что в ее фундаменте может лежать только собственность отдельного человека.

Ибо и само общество — не что иное, как совокупность человеческих отношений, как бы ни пытались нас семьдесят лет убеждать в обратном.

ВСЛЕД ЗА ВЕРНИСАЖЕМ

Музей Стены, стена — музей

История строительства и разрушения Берлинской стены станет одним из фундаментальных мифов уходящего века. Неправдоподобность глухого экрана, разделившего после 13 августа 1961 года единую мировую столицу на два враждебных города, ощущал каждый, и каждый мог повторить вслед за Мишелем Бутором: «Надо прикоснуться к стене, чтобы понять, что она реальна».

Благодаря тем, кто пытался это трагическое разделение преодолеть или усугубить, существование стены с каждым годом обрастало новыми мифами. Она была зримым воплощением «железного занавеса», который у Бранденбургских ворот из метафоры политики переходил в реальность бетона, украшенного (с западной стороны) лишь граффити да фаянсовыми крестами с надписью «Неизвестный» — в память о беглецах, попробовавших за эту сцену заглянуть.

Быть может, мы еще увидим возведение разных локальных занавесов. Но «стены стыда», как называли ее берлинцы, более не существует. Кто мог ожидать этих событий?

Среди тех, кто действительно ожидал,— Райнер Хильдебрандт, создатель своеобразного Музея стены. Все эти годы он провел рядом с бетонным монстром, разумеется, на его западной стороне (так можно было бы жить на хребте дракона или на гребне кратера). Райнер Хильдебрандт не только собирал и сохранял свидетельства забавных, преступных и героических событий, происходивших вокруг Стены, но накопил и обнародовал определенный опыт — рецепты, правила борьбы с «феноменом Стены»*.

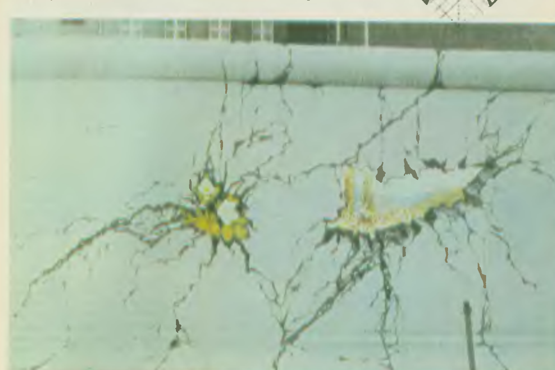
Вот что пишет об этом сам Хильдебрандт: «...Когда в августе 1961 года посреди Берлина была построена стена, нам хотелось что-либо против этого предпринять. На севере города существовала своеобразная улица; ее восточная часть относилась к Восточному Берлину, а западная — к Западному Берлину. Все было так просто, что никому не приходило в голову найти в домах на западной части квартиру и сделать там выставку о Стене с одновременным видом из окна на строящуюся «лучшую в мире систему пограничной безопасности». Квартира (выставка) позволяла каждому посетителю бросить взгляд через Стену на расположенные там пограничные препятствия и даже разглядеть охранников. Некоторые пограничники, прикладывая к глазам бинокль, махали при этом рукой; если посетители выставки вызывали их доверие, они проводили двумя пальцами по губам, что означало: перекинь сигарету. В нашем музее учили смотреть «сквозь мундир» и высказывать благодарность тем пограничникам, которые никогда не стали бы стрелять в беглецов. Эта работа выявила «Рецепт № 1»: как можно ближе подойти к несправедливости, чтобы объективно (то есть без полемики, документально и при помощи очевидцев) о ней информировать...»

Выставка на севере Берлина так хорошо посещалась, что это вдохновило Райнера Хильдебрандта на создание второй выставки, на этот раз в центре бывшей столицы рейха, у контрольно-пропускного пункта для иностранцев Чекпойнт Чарли, где продолжалось противостояние стран-победительниц и обеих Германий.

* Обо всем этом в Центральном доме художника (Москва) повествовала привезенная из Германии выставка «Конец Берлинской стены — начало новой Европы».

Винфрид Хагендорф (роспись Стены).

Фрагмент росписи Стены.

Здесь и возник музей «Дом у Чекпойнт Чарли».

«Нас интересовали,— пишет Райнер Хильдебрандт,— самые разные приспособления для бегства: от маленьких подводных лодок, монгольфьеров и собранных на квартире моторных глиссеров до вагонетки с песком, которая сделала тысячи челночных рейсов; так что за год 57 граждан ГДР смогли бежать по 136-метровому тоннелю. Сформировался «Рецепт № 2»: не показывать кровь. Восприимчивость каждого в этом плане ограничена, и возникают защитные реакции...

— Мы старались воодушевить наших посетителей. Они спрашивали, что они могут сделать, и мы их знакомили с беженцами и бывшими узниками. Этому взаимодействию нашего музея с движениями за мир и права человека в ГДР и Восточной Европе мы благодарны за приобретение многих ценных экспонатов большой притягательной силы. Среди них: вторая отливка надгробия на могилу Яна Палаха, гектограф периодического издания, которое два года разоблачало ложь власть имущих. (Гектограф был конфискован и возвращен только после смены политического курса.) С роспуском Штази уполномоченный гражданский комитет предоставил нам вещи из центров Штази, среди них — бюст Дзержинского и награды лучшим агентам. Они выставлены у нас не только в качестве некой терапии для тех, кого допрашивал Штази. Это также доказательство, что правда всегда всплывет наружу и что мирная революция старается восстановить справедливость как по отношению к жертвам, так и по отношению к преступникам...

Эжен Ионеско, «Свеча», 1982 год, темпера. (Из собрания музея «Дом у Чекпойнт Чарли»).

Кристоф Буше, «Посвящается Дюшану» (фрагмент росписи).

Рихард Хамблтон (фрагмент тридцатиметровой росписи).

Короче говоря, вот «Рецепт № 3»: в предметах, фотографиях и изображениях на тему движения за права человека заключена сила, которая может быть реализована...

Разумеется, такой сюрреалистический имперский жест, как создание бесконечного бетонного свитка шириной 410 сантиметров, пересекавшего город, дома и людей, заинтересовал художников и дал им широкие возможности для интерпретаций. Музей собирал картины и скульптуры — не все отменного вкуса, потому что политика часто замещала качество, но посвященные одной теме. В коллекции появлялись и работы наших художников: Олега Целкова, Льва Нусберга, Эрика Булатова, Анатолия Брусиловского.

«Когда мы привлекли людей искусства, мы оказались в состоянии показать сущность борьбы за права человека, феномен Стены, идеи ее преодоления. В центре нашего музея находится многокрасочная композиция — 7-метровый книжный столб (идея Вольфганга Ниблиха) с надписью «Литература прорубает в любой стране ворота, которые можно далеко раздвинуть...»

Трагизм борцов за права человека, будь то участники политических акций, люди искусства или ученые,— в их изоляции. Даже в демократических государствах эта тема далеко не на первом месте, так как доминируют политика и экономика, которые предопределяют преимущественно общественные интересы».

Таким образом, Хильдебрандт открыл еще один рецепт: преумножение собственной силы путем привлечения людей искусства.

Стена должна была пасть, чтобы художники из разных стран смогли поместить на ее уцелевших фрагментах свои работы, которые, надеемся, останутся в Берлине как последние натурные экспонаты Музея Стены. Сама Стена стала музеем.

А. ТАРХАНОВ

(Фрагменты из книги Р. Хильдебрандта даны в переводе К. Семенова)